

ლიტერატურა

ტრუზია

12

1975

Литературная Грузия

Ежемесячный
литературно-художественный
и
общественно-политический
журнал

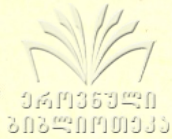
Орган Союза писателей Грузии

12
ДЕКАБРЬ

19 Издательство 75
ЦК КП Грузии

«ლიტერატურული გრუზია»

(ჩუბულ უნახე)

უმჯობესებული ლიტერატურულ-მხატვრული
და ხაზგადაღებრივ-კოლონიკური შურონალი

წელიწადი მე-19

№ 12

დეკემბერი 1975 წელი

საპარტველოს საგომთა-მწერლების კავშირის ორგანო

Год издания

19-й

Главный редактор

Георгий ЦИЦИШВИЛИ

Редакционная

коллегия:

Тенгиз БУАЧИДЗЕ,

Гиви ЖВАНИЯ,

Марк ЗЛАТКИН,

Исидор КОЗАЕВ,

Георгий ЛОМИДЗЕ,

Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ,

Владимир МАЧАВАРИАНИ,

Михаил МРЕВЛИШВИЛИ,

Гурам ХАРАИДЗЕ

(заместитель главного редактора),

Владимир ХОМУТОВ

(ответственный секретарь),

Эммануил ФЕЙГИН.

АДРЕС РЕДАКЦИИ

380008, ТБИЛИСИ, ул. ЛЕНИНА, 5.

Приемная — 99-06-59

Главный редактор — 93-65-15

Заместитель главного редактора — 93-13-57

Ответственный секретарь — 93-31-28

ОТДЕЛЫ

Отдел прозы и очерка
(редактор КОРИНТЭЛИ К. Н.) — 93-31-43

Отдел поэзии и искусства
(редактор ЗИНИНА В. Б.) — 93-31-43

Отдел критики и публицистики
(редактор ДОБРОДЕЕВА Л. Т.) — 93-65-19

Рукописи объемом менее авторского листа не возвращаются.

Содержание :

НАВСТРЕЧУ XXV СЪЕЗДУ КПСС

КОЛХИДА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	5
ЛИЯ ТИХОНОВА. Во славу труда и тружеников	90

ПОЭЗИЯ

СИМОН ЧИКОВАНИ. Думы на Мтацминде. Перевод Наты Чхеидзе	10
ШАЛВА АМИСУЛАШВИЛИ. Награда. Солнце. Глядя миру в лицо. Жара. Перевод Леонида Темина	11
ОТАР ШАЛАМБЕРИДЗЕ. Заказ Перевод Владимира Равича. После дождя. Перевод Анатолия Преловского. Из самолета. Дороги. Время. Перевод Семена Сорина	12
БЕРДИЯ БЕРИАШВИЛИ. Война нас научила. Гость. Человек, что любит стихи. Как тихие пещеры. Перевод Владимира Соколова	14

ПРОЗА

ОТИА ИОСЕЛИАНИ. В плену у пленников. Повесть. Окончание. Перевод Александра Эбаноидзе	16
АЛЕКСАНДР КАЛАНДАДЗЕ. Водоворот. Роман. Окон- чание. Перевод Маргариты Гржендзица	33
ЛЕВАН ХАИНДРАВА. В сумерках. Рассказ	43

ОЧЕРК

ВАЛЕРИИ КАДЖАЯ. Ния-грузинская (На строительство БАМа). Окончание	51
--	----

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ГИВИ ВАРДОСАНИДЗЕ. Четкость позиции, актуаль- ность проблематики	57
---	----

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ

ГИВИ ГВЕНЕТАДЗЕ. Истоки глубоких познаний . . . 62

К 70-ЛЕТИЮ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ЛЕВАН ЭБАНОИДЗЕ. В первой шеренге борцов . . . 68

К 150-ЛЕТИЮ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

ВАНО ШАДУРИ. Идеиная общность, близость творческих принципов 74

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЭСТЕТИКИ

МАМИЯ ДУДУЧАВА. Проблема прогресса искусства . . . 81

ВСТРЕЧИ И ВОСПОМИНАНИЯ

АКАКИЙ ГАЦЕРЕЛИА. Встречи с Юрием Тыняновым . . . 85

В МИРЕ КНИГ

ДМИТРИЙ МОЛДАВСКИЙ. Поиски и утверждение . . . 92

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ» ЗА 1975 ГОД 93

Навстречу

КОЛХИДА:

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННОЕ значение Колхиды и масштабы запланированного освоения ее потенциальных ресурсов трудно переоценить. На повестке дня предстоящей, десятой пятилетки как один из первостепенных вопросов стоит осушение и освоение земель Колхидской низменности.

Немногим более четырех десятков лет назад, после установления Советской власти в Грузии, началось решительное наступление на гнилое болото — страшнейший очаг малярии, каким являлась Колхида в дореволюционное время. Была составлена генеральная схема осушения земель Колхидской низменности. Сегодня земли легендарного царства, к которому некогда устремились за золотым руном смелые аргонавты, стали неузнаваемыми.

На месте болот раскинулись массивы осушенных земель, свирепствовавшая здесь малярия отступила вместе с болотами. Заселена безлюдная раньше низина. На колхидской целине построены десятки благоустроенных поселков, выросли и города. Места пустошей заняли чайные и цитрусовые плантации — чайный лист и цитрусовые плоды стали ее «золотым руном». На базе обнаруженных здесь ценных целебных источников в разных местах созданы курорты.

Но еще большая часть Колхидской низменности продолжает сохранять свою первозданность.

Для развития сельскохозяйственного производства малоземельной Грузии рациональное использование всех ее земельных ресурсов является необычайно важной и острой проблемой. «Земля — это бесценное народное богатство. И мы обязаны беречь ее, повышать продуктивность, добиваться все большей отдачи с каждого гектара», — говорил Л. И. Брежнев на торжественном заседании в Алма-Ате в связи с 20-летием освоения целинных земель.

Интенсивное использование всех угодий, активное освоение заболоченных земель Колхидской низменности стали предметом особой заботы ЦК КП Грузии, Совета Министров Грузинской ССР, ученых, проектировщиков, конструкторов, строителей, специалистов и тружеников села.

На совместном заседании Центрального Комитета Компартии Грузии и Совета Министров Грузинской ССР, обсуждавшем итоги выполнения Государственного плана развития народного хозяйства республики за девять месяцев 1975 года, были определены очередные задачи и отмечалось, что еще не создан необходимый перелом на осушительных работах в Колхидской низменности.

Преодоление огромных трудностей, с которыми сопряжено преобразование природы на этих землях, продиктовало необходимость разработки целого ряда мероприятий по ускорению освоения этих земель, серьезных научных рекомендаций. Впервые за всю историю ведения работ по освоению

земель Колхиды в сентябре нынешнего года была проведена научно-производственная сессия Закавказского отделения ВАСХНИЛ и Министерства сельского хозяйства Грузинской ССР, на которой в результате широкого обмена мнениями были разработаны эффективные предложения по развитию науки и производства на землях Колхидской низменности.

«Литературная Грузия» пригласила на свои страницы некоторых участников этой сессии и попросила их поделиться с читателями своими соображениями по поводу проблемы освоения Колхиды.

И. М. ХОХЛОВ, академик ВАСХНИЛ, академик-секретарь Закавказского отделения ВАСХНИЛ:

В решении задач резкого увеличения производства продукции растениеводства и животноводства значительная роль принадлежит мелиорации земель.

Сельскому хозяйству Грузинской ССР предстоит решить две главные проблемы: осушение и освоение переувлажненных земель Колхидской низменности и освоение «горной целины».

После установления Советской власти в Грузии на Колхидской низменности проведены огромные мелиоративные работы. Эта зона совершенно преобразилась. Однако при составлении генеральной схемы осушения, а также при разработке мероприятий по освоению осушенных земель допущены крупные пробелы и недостатки как в строительстве мелиоративных сооружений, так и в освоении земель под сельскохозяйственные культуры.

Одним из крупных недостатков науки является то обстоятельство, что за последние двадцать лет не разработаны наиболее эффективные мероприятия по осушению и освоению земель Колхиды. В настоящее время производство использует рекомендации, которые давно устарели и не отражают современных достижений науки.

В целях полного и всестороннего использования осушенных земель Колхидской низменности, наряду с закладкой плантаций субтропических культур, нужно на отдельных массивах организовать полевое кормопроизводство и построить животноводческие молочные и откормочные комплексы. В этом отношении неплохих показателей добились колхозы Хобского района, где организован межколхозный молочный комплекс.

По климатическим условиям на землях Колхиды почти круглый год можно производить овощные культуры. В связи с этим следовало бы как ближайшую перспективу организовать на Колхидских землях три-четыре овощеводческих совхоза.

Опыт работ колхозов и совхозов Колхидской зоны показывает, что до сих пор не решены вопросы рациональной специализации и концентрации сельскохозяйственного производства. Исходя из этого, наука должна в ближайшее время разработать необходимые рекомендации в этом направлении.

Разработкой проблемы освоения земель Колхидской низменности занимаются многие научно-исследовательские институты и организации. Между ними отсутствует надлежащая координация, силы и средства чрезмерно распылены. В связи с этим назрела необходимость организации комплексного специализированного научно-исследовательского института по эффективному освоению Колхидской низменности.

Проблема освоения земель Колхиды имеет не только местное, но и всесоюзное значение. Поэтому наука должна вплотную заняться разработкой новых задач, стоящих перед сельскохозяйственным производством районов Колхидской низменности.

Н. А. ЧИТАНАВА, министр сельского хозяйства Грузинской ССР:

Грузинская ССР является одной из самых малоземельных республик в нашей стране. Здесь на душу населения приходится в 4 раза меньше сельскохозяйственных угодий и в 5,5 раза меньше пашни, чем по СССР в среднем.

И потому, наряду с интенсивным использованием всех угодий, освоение заболоченных земель Колхидской низменности приобретает важное государственное значение для развития сельского хозяйства Грузии. Во многом зависит от этого и дальнейший рост производства таких ценных культур, какими являются чай, цитрусовые, благородный лавр, тунг и др.

Для кардинального улучшения существующего положения и дальнейшего развития сельскохозяйственного производства на осушенных землях Колхиды необходимо усилить научно-исследовательские работы по разработке рациональных и рентабельных вариантов по освоению земель Колхидской низменности с использованием последних достижений отечественной и зарубежной науки, уточнить мелиоративное районирование Колхидской низменности с учетом почвенных, климатических, гидрологических и гидрогеологических условий. Грузинскому научно-исследовательскому институту экономики и организации сельского хозяйства совместно со Всесоюзным научно-исследовательским институтом чая и субтропических культур и с другими институтами необходимо в ближайшее время завершить разработку научно обоснованного направления сельского хозяйства в зоне Колхидской низменности. Одной из важнейших задач является повышение качества проектных и строительных работ. Освоение Колхидской низменности в значительной степени зависит от уровня механизации мелиоративных и сельскохозяйственных работ. Мы с нетерпением ждем создания новых механизмов и оборудования. Особое внимание следует уделить подготовке кадров мелиораторов, механизаторов, трактористов, экскаваторщиков и др.

Министерство сельского хозяйства Грузии выражает уверенность, что ученые республики, специалисты сельского хозяйства, водохозяйственные органы, строители сделают все от них зависящее по осуществлению программы осушения и освоения ценнейших земель Колхидской низменности.

Г. С. КОБУЛИЯ, министр мелиорации и водного хозяйства Грузинской ССР:

Десятая пятилетка — пятилетка резкого повышения качества работ, и это больше всего касается Колхиды: результаты должны соответствовать тем огромным затратам, которые вкладываются в мероприятия по ее освоению.

В десятой пятилетке предусмотрено осушение 40 тысяч гектаров площадей и, в основном, завершение реконструкции ранее построенных систем, а в последующие 5—10 лет полностью должны быть закончены мелиоративные мероприятия по осушению и освоению всей площади Колхиды.

Большие задания предстоит выполнить, в частности, и Министерству мелиорации и водного хозяйства Грузинской ССР. Ему поручено вести работы как по инженерной мелиорации, так и мероприятия по освоению, включая дорожное строительство, водоснабжение, электроснабжение.

За период восьмой пятилетки организованы специализированные управления механизации, построены мощные ремонтные мастерские в Поти, Хоби и Тамыши, которые обслуживают все механизмы, находящиеся в зоне Колхиды. Построены Колобанский механизированный карьер инертных материалов, асфальто-бетонные заводы для выполнения большой программы дорожных работ. При карьере строится завод железобетонных изделий.

В будущем нам предстоит обеспечить строительные объекты высококачественной проектно-сметной документацией, строго контролировать ход строительства, учредить систематический контроль над повышением качества строительства, улучшить деятельность службы эксплуатации, повысить степень механизации. Мы считаем, что реальная материальная база для этого существует, совместная и коллегиальная деятельность работников водного и сельского хозяйств, активное участие ученых сделают возможным успешное решение проблемы осушения и освоения Колхиды в установленные партией и правительством сроки.

С. Г. СКОРОПАНОВ, академик ВАСХНИЛ:

Применительно к условиям Колхиды представляются особо важными два положения.

Теперь в Грузии мелиораторы передают колхозам и совхозам земли, где проведен комплекс работ по осушению и первичному освоению, не неся никакой ответственности за то, в какой мере сделанное отвечает высокопроизводственно-му использованию земли.

Отсюда проистекает если не все, то большинство того негативного, что имеет место в практике мелиорации и использования земель Колхиды. Это негативное и порождало те горячие споры, свидетелями и участниками которых мы были, посещая мелиоративные объекты Колхиды.

Такого рода недостатки есть и в Белоруссии, и в других районах страны. С чувством глубокого удовлетворения можно сообщить, что такое почти преодолено в условиях Литвы.

В последние годы литовские мелиораторы сдают свою работу, лишь за последние годы — лучший спроектированный урожай.

Разумеется, в условиях Колхиды, где преобладают многолетние насаждения, такая организация более сложна, но принцип, заложенный в литовском опыте, как нам думается, достоин внимания и в Колхиде.

Вторая сторона дела — согласованная деятельность ученых, наук.

Широко известен огромный потенциал сельскохозяйственной и мелиоративной науки Грузии. Это хорошо иллюстрировалось в двухдневной поездке по Колхиде. Нам демонстрировали опыты институтов гидротехники и мелиорации, почвоведения, чая и земледелия. Во многих из них заложены оригинальные идеи, реализация которых может способствовать большому прогрессу. Но все эти опыты органически не связаны, должным образом не проанализированы и не обобщены. Видимо, поэтому прежде всего в Грузии пока нет генеральной научной концепции, руководствуясь которой можно и необходимо высокоэффективно мелиорировать и использовать земли Колхиды. Обидно, что такое положение бытует в условиях высокого научного потенциала Грузии. Дать такую генеральную концепцию — главная задача науки и настоящей сессии в частности.

Р. Д. ПАНЦХАВА, управляющий Трестом чайных и субтропических совхозов:

Учитывая всю важность и масштабность проблемных вопросов освоения Колхидской низменности, вполне своевременным и закономерным является обсуждение задач проведения мелиорации земель, состояния научно-исследовательских разработок в области освоения Колхидской низменности и положения совхозов, основанных в этой зоне. Начиная с 1959 года, проделана огромная работа по осушению и освоению заболоченных земель Колхиды — основаны крупные совхозы, заложены такие многолетние насаждения, как чай, лавр и другие, построены поселки, объекты культурно-бытового и производственного назначения. В Гальском районе ведется строительство животноводческого комплекса молочного направления на 400 голов, а с 1976 года намечается строительство комплекса по откорму молодняка на три тысячи голов.

В докладе первого секретаря ЦК КП Грузии тов. Э. А. Шеварднадзе на недавно состоявшемся XVIII пленуме, посвященном задачам партийных организаций республики по дальнейшему развитию общественного животноводства в свете решений XXIV съезда партии и последующих пленумов ЦК КПСС, резкой критике были подвергнуты специалисты, ученые, работники сельского хозяйства и научно-исследовательских институтов за неузученность возможностей Колхидской низменности для развития интенсивного животноводства и создания здесь прочной кормовой базы. ЦК КП Грузии считает необходимым в ближайшее же время пересмотреть схему размещения сельскохозяйственных культур на осушенных землях Колхидской низменности с целью максимального увеличения площадей и создания прочной кормовой базы для развития молочного животноводства.

К 1975 году на осушенных землях Колхидской низменности было создано два субтропических и десять чайных совхозов. За последние 10—12 лет здесь заложено 7 тысяч гектаров плантаций. В каждом совхозе ежедневно приходилось закладывать чайные плантации в значительных количествах. Необходимо отметить, что к моменту создания совхозов на Колхидской низменности не были детально изучены и научно разработаны важные проблемные вопросы освоения Колхиды и не было предусмотрено составление организационно-хозяйственных планов, что, естественно, тормозило планомерное и разумное развитие этих хозяйств.

Поспешность проектирования, недостаток знаний и культуры земледелия, крайне некачественное ведение осушительных работ мелиоративными органами на осушаемых землях привели к отрицательным последствиям — слабому развитию чайных кустов, низким урожаям, повторному заболачиванию и т. д.

Постановлением Совета Министров Грузинской ССР работы по закладке многолетних насаждений временно приостановлены до того момента, пока детально и фундаментально не будет переработана схема освоения и осушения земель Колхидской низменности с учетом допущенных ошибок и просчетов в отношении проведения гидротехнических, мелиоративных, культуртехнических и эксплуатационных мероприятий. В основу новой схемы поэтапного освоения Колхиды должен быть положен накопленный отечественный и мировой опыт,

достижения науки и техники, а также опыт производителей. Мне хочется выразить мнение, что министерства сельского хозяйства, мелиорации и водного хозяйства Грузинской ССР, научно-исследовательские институты, а также все организации и ведомства глубоко проанализируют высказанные на данной сессии соображения и пожелания, положат их в основу новых разработок и придут к более разумному решению важнейших проблемных вопросов осушения и освоения Колхидской низменности.

Ц. Е. МИРЦХУЛАВА, академик ВАСХНИЛ, директор Грузинского научно-исследовательского института гидротехники и мелиорации:

Колхидская низменность — это грузинская целина, которая может и должна быть использована не только как основной резерв для увеличения производства чая, лавра, тунга, бамбука и других ценных субтропических культур, но и для организации высокопродуктивного животноводства. Этого требуют интересы республики, интересы развернувшегося на Черноморском побережье Грузии строительства курортных здравниц.

Колхидская низменность является весьма сложным в мелиоративном отношении объектом, отдельные массивы которого при сравнительно малом расстоянии между ними характеризуются различными геологическими, гидрогеологическими и почвенными условиями. Поэтому один какой-либо прием, весьма рациональный для данного массива, не всегда эффективен для остальных. Чрезвычайная пестрота факторов, обуславливающих мелиоративные работы, требует разработки для отдельных массивов наиболее рационального, единственного для этого массива способа осушительной мелиорации, включая специально разработанные для него приемы культуртехнических и агро-мелиоративных работ.

Опыты, проведенные ГрузНИИГиМ на отдельных участках, показали перспективность применения отдельных приемов при осушении Колхидской низменности.

Обоснование и усовершенствование этих приемов, а также тех, которые в настоящее время разрабатываются, требуют расширения теоретических, лабораторных и полевых исследований с привлечением современных достижений фундаментальных наук. Мелиорация заболоченных земель влажных субтропиков Колхиды требует проведения сложного комплекса гидротехнических, культуртехнических, агро-мелиоративных и эксплуатационных мероприятий для получения высоких и гарантированных, запрограммированных урожаев.

Опыт наглядно показывает, что в Колхидской низменности немало земель, на которых в настоящее время невозможно или нерентабельно разводить многолетние насаждения (чай, цитрусы). Доказана целесообразность организации на этих землях высокопродуктивного животноводства.

Климатические условия Колхидской низменности позволяют получать в год два-три урожая кормовых растений. Это дает возможность быстро поднять экономический потенциал региона. Открываются благоприятные перспективы и для овощеводства: здесь почти круглый год без особых дополнительных капитальных вложений можно получать высокий урожай ранних и поздних овощей.

Мощным фактором развития экономики этого региона является и то, что в Колхидской низменности открыты высокопродуктивные нефтяные месторождения. Это будет благоприятствовать ускорению развития энергетики, дорожного строительства, транспорта, торгового хозяйства и ряда других отраслей.

Для реализации этих задач, а также для учета последних разработок, выполненных научно-исследовательскими институтами, настало время пересмотреть генеральную схему осушения и освоения Колхидской низменности, составленную в конце шестидесятых годов, а также выработать меры по безусловно выполнению комплексного плана освоения Колхиды для быстрого вовлечения в народное хозяйство страны богатейших возможностей этого уникального по своим климатическим условиям края.

СИМОН ЧИКОВАНИ

Думы на Мтацминде

Мтацминда, я видал твои закаты,
 Твоих камней задумчивую высь,
 Мятежный плен и бег коня крылатый,
 Пустыню мглы — куда ни оглянись,
 Отчизны боль, что, затая дышанье,
 Мы пронесли в столетях гроз,
 И саламури горькое стенанье,
 И родину в потоках слез.
 Меня томил, как тучи пред ненастьем,
 Твой вечер, тихий сумрак твой,
 Тревогой дум, не ведавших участия,
 Объятых дрожью вековой.
 Я видел сад в развеянных покровах,
 Звезду, застывшую над пленником утрат:
 Здесь шел Бараташвили, думой скован
 И безнадежностью объят.
 Был сердца гнет, ущерб закатный света,
 Туманный глаз полуночи твоей,
 И тайны тягостной поэта
 На всем печать — в мельканье дней.

* * *

Но вы ушли, бывшие бури,
 Вы гордых дум развеяли укор,
 Был над тобой простор, холодный и
 понурый,
 Пронзенный звездами шатер;
 Здесь доцветала осень в позолоте,
 Ущербная луна ласкала грань высот,
 Но вижу дни твои в неожиданном взлете,
 Зари пленительной восход!
 Ты помнишь, как бродил я в запустенье
 Твоих полей, безмолвием пленен?
 Здесь вскормлен сад живительным
 цветеньем,
 Как взрыв апреля — сменою времен.
 Ты вознеслась, как остров в светлом
 море,
 Внизу шумит Тбилиси, город мой,
 Как вспыхнувший апрель, в живом
 уборе,
 Простертый вдаль, как сказа вольный
 строй.
 И вот в преддверье сумрачного срока
 Я снова пленник твой, гора —
 Ты вечер мой глубокий
 И тайны узанной игра!
 Поэты родины, ликуйте:
 Мтацминда, мать воскресших гор,
 Вас ждет в торжественной минуте —
 Пусть ваших песен грянет хор!

* * *

Ты помнишь, как метался я под игом,
 Гора высокая, томительных дождей?
 Тогда не цвел здесь сад и в поле диком
 Я был один и наг в круженье дней.
 Овеян был я бурями твоими,
 Меня терзал дождей немолчный звон,
 С горы бежал поток неукротимый,
 Как горечь родины, как плач времен.
 Но ожили глухие склоны,
 Пустыня дрогнула твоя,
 И вознеслась в величии зеленом
 Слезой вспоенная земля.
 Теперь здесь тополя, как кубок пенный,
 Листву подняв над миром, шелестят,
 Среди ночей, под ветра вздох напевный,
 Их серебрится гордый ряд.
 Очаг Мтацминды гением народа
 Вознесен, как стяг, чтоб в блеске вековом
 Прониклась ты величием свободы,
 Зеленых рощ увенчена шатром.
 Мечта людей взяла победно кручи
 И садом воцарилась здесь,
 Где праздник скал и воли взрыв могучей,
 И синь извечная небес.
 Содружество деревьев красят струи
 Источников, живых, как глаз,
 Труд мастера, что мысль кует живую,
 И звон трамваев в мирный час.
 Благословенна здесь народа волей
 Рука, в живом подъятая труде, —
 И вот узор под сводом голым
 Расцвел на каменной гряде.
 Пусть в небо соколы взвоятся,
 Огнем побед сверкнет земля,
 Стихами дни мои прольются,
 Мечта моя, расправь крыла!
 Взыграй, метнись за дали свода
 И знай: твоя воскресла мать,
 Предстань стихом, чтоб в торжестве
 народа
 Стране — достойное сказать.
 Природа здесь в творенье неустанном,
 Здесь камень дар речей обрел,
 И видит родина: в победном ликованье
 Стремится ввысь наш пламенный орел.
 Привет творцам и благодарность века,
 Хвала всем тем на вечные года,
 Кто утвердил в нас имя человека
 Победы волю и труда.

Перевод Наты ЧХЕИДЗЕ

ИСПОЛНИЛОСЬ 60 лет со дня рождения Шалвы Амисулашвили. Поэт-комсомолец, возмужавший на дорогах войны, первыми же своими поэтическими сборниками привлек внимание читателя.

Сейчас, когда за плечами поэта сорок лет литературной деятельности, он по-прежнему бодр и полон творческих замыслов. В стихах его все так же ощущается ритм современности.

В связи с шестидесятилетним юбилеем в адрес Ш. Амисулашвили были направлены поздравления секретариата правления Союза писателей СССР и правления Союза писателей Грузии. Редакционная коллегия и коллектив нашего журнала присоединяются к этим поздравлениям и желают поэту долгой творческой жизни.

Ниже мы предлагаем подборку новых стихотворений Ш. Амисулашвили.

Шалва АМИСУЛАШВИЛИ

Награда

Мне нравится мой возраст — шестьдесят,
Как шестьдесят полос на шкуре тигра!
Не говорю, что старости не рад
И что она меня врасплох застигла:

И старости дается благодать
Открыть как бы впервые мирозданье —
Так понял я.

К чему же унывать,
Награду принимать как наказанье!

Солнце

Солнце в мельчайшей росинке смеется,
И на серпе, и в оконце играет.
Где ни живи — на тебя смотрит солнце:
Тайную пробу души проверяет.

Малое — в малом, в великом — великое,
Солнечной сути, однако, не прячет...
Мысли — его негасимые блики.
И на стихе моем — солнечный зайчик!

Глядя миру в лицо

Травинка сквозь асфальт проклюнулась.
И вот
Такой голубизны узрела небосвод,
Что крикнула она
Большой своей родне:
«А ну, скорей сюда!
Спешите все ко мне!».
И поспешили все,
Не опоздал никто —
И сразу стал асфальт
Похож на решето...

Я чувствую, что стал
Сильнее во сто крат.
Я стал сильней?
Зачем?
Я этому не рад:
Без надобы большой —
К чему мне мощь моя?
Да разве же такой
Неугомонный я?!
Я двери распахнул,
Я отворил окно,
И, глядя прямо в мир,
Сказал ему одно:
— Бинтуем Землю мы
Асфальтовым бинтом,
На лик ее живой,
Как груз, кладем бетон,
Но — молодец Земля,
Всего живого мать,
Что трона бытия
Не хочет уступать!

Жара

Тянет шею горизонт —
Как лошадь,
Что из речки вышла
Только-только...
А старик пастух
Травой скошенной
Рухнул наземь —
В тень большого облака...

Облако недвижно,
Точно крона
Древа,
Зноем преданного муке...
И, наверно,
Жалом раскаленным
Трудно
Даже шевельнуть гадюке...

Тянет шею горизонт —
 Как лошадь,
 Что из речки только-только вышла...
 Пастуха
 (Он пал травой скошенной)
 Угнетает
 Эта неподвижность...

Он лежит.
 Ему и не мечтается
 О седле и об уздечке ныне...
 Если небо

Даст ему подняться, —
 Отряхнет он чоху,
 Шапку сдвинет,

И в седле воссевший,
 Как на троне,
 Он,
 Почуя прежнюю свободу,
 Перед тем,
 Как лошадь с места стронет,
 Свой кулак
 Покажет небосводу...

Перевод Леонида ТЕМИНА

Отар ШАЛАМБЕРИДЗЕ

З а к а з

1.

Случалось с вами?
 А со мною в первый раз,
 Читатель,
 я вопросом ошарашен,
 Увы, вопрос,
 вопрос не приукрашен:
 — Скажите,
 вы писали на заказ?
 И вот вопрос уже ко мне спешит...
 Что делать?
 Пропустить его нечаянно,
 Но чем сочтете вы мое молчанье —
 О, нет,
 оно вопрос не разрешит.

Молчанье — измене равносильно,
 Как я могу молчать.
 О, нет!
 Противоборствуя, рождается ответ,
 Ответы хлынули, как дождь обильный.

Заказ — нет, нет...
 Желание писать,
 Стих заказной, как тщетные усилья
 Взлететь,
 когда обрезанные крылья
 Заставят птиц в агонии плясать.

2.

Слова без веры — сорная трава,
 Забвенья их удел,
 не слава.

Пиши!
 Поэт, ты не из слабых,
 Тебе принадлежат слова.

Замри...
 Дыхание земли
 Услышишь в краткие мгновенья...

Рождается стихотворенье,
 Как песенный венок любви.

Оно рождается, когда
 Спит мир в преддверии событий,
 И только завтра города
 Узнают:
 — Люди на орбите.

— Пиши! — кричали города,
 И ветры времени шептали:
 — Поторопись!
 Уйдут года.
 Поэзия умчится в дали.

Ты не успеешь овладеть
 Законом вечного пространства,
 И лишь желание продрасться
 Заставит безрассудно петь.

Приказы сотрясали Землю,
 Издревле с ними мир знаком,
 Иной поэзии закон —
 Она приказа не приемлет.

Так пусть же истины заказ
 Придет,
 придет ко мне на помощь,
 Когда с пера стекает полночь
 И в окна свет уже погас.

Диктует Вера свой заказ,
 И в эти светлые мгновенья
 Всем миром правит вдохновенье
 И торжествует жизни глас.

И этот стих родился вновь
 С Надеждой,
 Верой и Любовью,
 Он слился с радостью и болью.
 Заказ?

Нет...
 Вера и Любовь!

Перевод Владимира РАВИЧА

После дождя

Дороги

Прояснилось!
 Прояснилось!
 Туч на небе больше нет.
 Кто улыбку,
 Кто топорик
 Вынести спешат на свет.
 Как я той, что улыбалась,
 Клялся истово в любви!
 Отвечала колким смехом
 На признания мои.

Старый дед топорик точит,
 Поревшие усы
 Храбро подставляет солнцу
 Нажимая на басы,
 Молодо
 Скрипит колодец,
 Хоть древней, чем этот дед.
 Травы блещут.
 Солнце светит.
 Туч на небе больше нет.

Прояснилось!
 Прояснилось!
 Осими, поля и лес,
 И деревья,
 И деревня
 Преисполнились чудес.
 Если б я седого деда
 Не жалел, не уважал,
 Я б давно тебя, красотка,
 Ночью темною украл.

Потому, что жизнь прекрасна,
 Потому, что я поэт,
 Потому, что небо ясно
 И без шутики жизни нет.
 Прояснилось!
 Прояснилось!
 Что за чудо — свежий свет.

Перевод Анатолия ПРЕЛОВСКОГО

Из самолета

Где-то внизу, очень смутно синяя,
 Горы, холмы.
 Небеса надо мною.
 Только, чем ближе я к ним, тем сильнее
 Тянет меня притяженье земное.

Что — высота! Высоту одолеешь —
 И никакой высоты уже нету.
 Только мать-Землю в мыслях лелеешь,
 Даже на Марс разгоняя ракету.

Прошел я путь,
 Им и тебе идти,
 Я знаю, что ты встретишь на пути:
 От белых парусов до черных бурь.
 Но ты не бойся и бровей не хмурь.
 Ты мой подснежник,
 Найденный весной
 В глуши лесной.
 Да, путь твой будет долог и тяжел.
 Иди смелее!
 Я его прошел...

Время

Нынче иль завтра,
 Клянусь, что не лгу,
 Ни у кого
 Я не буду
 В долгу.

Бедное сердце мое
 Подтвердит:
 Все оплачу,
 Что мне дали в кредит.

Но я в другом
 Непролазном долгу.
 Вряд ли когда
 Расплатиться смогу.

Это не матери долг,
 Не отцу,
 Эти долги
 Были б мне
 Не к лицу.

Даже не брату,
 Не свату
 Тот долг.
 Ну, а кому же?
 О, если б взять в толк!

Я ему должен.
 Но кто он таков?
 Если бы знал —
 Не имел бы долгов.

Кто-то, незримый,
 Стоит у дверей,
 Кто-то незримый,
 Торопит:
 «Скорей!».

Ночью и днем
 Он всегда тут как тут,
 Требуется мелочь
 Секунд и минут!

Перевод Семена СОРИНА

Бердия **БЕРИАШВИЛИ**

Война нас научила

Никто не скажет, даже ненароком,
Слов похвалы о том жестоком дне.
Есть пятна крови,
что прильнули к строкам,
На треугольном памятном письме.

Война,
Сирот рождая и героев,
Как седина,
за мной идет вослед.

Война,
Что, возраст юношам утронив,
Цвет белый красит в самый черный цвет.

У нас в сердцах теперь такая сила,
Хоть мы такие помним холода...

Земных людей, война нас научила
Людских потерь бояться навсегда.

И я,
как будто
раны пулевые,
Залечиваю тягостные дни.
На лицах тех,
кто был там,
не впервые,
Следы войны я вижу! Вот они!

Но шелестит в душе росток надежды,
Он расцветет: не будет войн вовек!
Смотрите,
и под снегом есть подснежник...
Есть на земле еще и Человек.

Гость

Я разве приглашал
Кого-нибудь ко мне?
Я по небу летал,
В пределы неземные.
Я засыпал,
Когда луна встает в окне.
Мне было все равно,
Когда заснут другие.
Но вот издалека
Она пришла сама
Какими-то лишь ей
Понятными путями.
Дверь в сердце чуть толкнув,
Вошла, сводя с ума...
Я никого не звал,
Я забывался снами.

Но все смешалось вдруг —
И лето, и зима.
Я перепутал все,
Не знал, что будет с нами.
Мой дом мне стал чужим,
А двор чужой — своим.
Я подчинен ее велению и условию.
Какой же это гость!
Скорее властелин.
Оказывается, ее зовут любовью.
Вся без остатка жизнь
Уйдет на угощение.
Друг другу тут помочь
Бессильны и друзья.
Я не расстанусь с ней
Теперь и на мгновенье.

Человек, что любит стихи

Лежат на столе моем, на краю,
Не рифмы, не пустяки...
И входит, входит в душу мою
Человек, что любит стихи.

В стихах моих словно в доме моем
Он молит забыть грехи.
И хочет согреться моим огнем
Человек, что любит стихи.

Он полон свободы. Ни дать ни взять —
Чужих свобод ни строки.
Но сам он не может никак сказать,
С чего так любит стихи.

Он знает как следует каждый стих,
Где слова звонки иль глухи.
Он — чаша, полная чувств больших,
Безумно любит стихи.

Я удивляюсь ему порой
И улыбке его! —
Человек, что любит стихи, герой.
И страшно мне за него.

Он знает: чужой успех — мол, успех,
Свои успехи плохи.
Вот чем отличается ото всех
Человек, что любит стихи.

Он светел, как утро в росе, в лучах.
Слова у него тихи.
Какое живет волшебство в словах
Человека, что любит стихи.

Ты думаешь иногда, шутя,
Что он из твоей строки?
Ты должен понять, что живет дитя
В человеке, что любит стихи.

Он ходит, спасая счастье других,
Чужую жизнь — наяву...

Человек, который так любит стих,
Готов приласкать траву.

Он знает обычай. И долг. И ложь.
Деревьев и гор верхи.
Но на человека не вскинет нож
Человек, что любит стихи.

Он любит цветенье цветов живых,
Создания родной руки.

Он все же дороже мне всех любых,
Человек, что любит стихи.

Как тихие пещеры

Тот, кто соседней радости не рад,
Кого чужая радость огорчает —
Зерно пустое мне напоминает,
Упавшее на пашню наугад.

Он на свои заботы очень скорый,
На общие — не ведая труда,
Стал с тем глухим разъездом схож,
который
Давным-давно забыли поезда.

Что небо, если нет в нем синей меры?!
Что не крутящий жернова ручей?!
Как на глухие тихие пещеры,
Смотрю на этих замкнутых людей.

Перевод Владимира СОКОЛОВА

●
П о в е с т ь
●

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Прежде чем приступить к перевязке, капрал послал Ньюса и Карла за Альфредом.

Карл, не дотрагиваясь до распростертого на площадке тела, почувствовал исходящий от него мертвецкий холод. Они потащили Альфреда к пещере, но у пещеры остановились, не зная, что делать дальше.

Молча влезли они в пещеру, оставив тело у входа, и сели на свои места. Наступила гробовая тишина, лишь иногда было слышно, как крестится Даниэль. Теперь на Даниэля смотрели с завистью, словно бог, которому он молился, был милостивее других богов. Теперь все были готовы поверить в бога и дать обет человеколюбия, только бы он вызволил их отсюда... Но сила, которая могла их спасти, встала на сторону противника.

Даниэль не был хорошим стрелком и преданности особой не проявлял ни к кому, кроме бога и своей семьи. Никто не знал, почему его включили в отборную десантную группу. Сам Даниэль и подавно не знал этого, но сейчас он мог сослужить службу — стать посредником между ними и господом. До сих пор он казался всем лишним, некоторых даже злило, что тихоня незаслуженно поделит с ними воинскую славу.

«Не убий!» — говорит всевышний.

А тут, чем больше убьешь, тем выше твоя слава.

Теперь настала минута, когда отец небесный спрашивает:

— Ты убил?

Бог не говорил: если убьешь по чужому навету, да простится тебе. Бог отрезал коротко: «Не убий!».

А обер-лейтенант убил, и немало. И получил крест. Он сейчас висит у Макса на груди.

А на кресте господь написал: «Не убий».

Макс отказывается, оправдывается: не по своей, мол, воле, господи, но бог требует только простого ответа: да или нет?

Окончание. Начало в №№ 10, 11.

303 000 000 000

— Да, — говорит обер-лейтенант.
 Всевидящий обращается к Кнопсу.
 — Я и подавно... — разводит руками Хампель. — Я никогда своим умом...
 я всегда был чужим оружием...
 — Да или нет?
 — Мне приказывали, я и выполнял.
 — Да или нет?
 — Да.
 — А ты, Карл? Ты всегда так громко смеешься. Ты убивал?
 — Упаси господь...
 — Да или нет?
 — Да...
 — Пауль, ты очень скорбишь о друге. У скольких людей ты убил друзей?
 — Я стрелял во врагов.
 — Ты не знал моего завета?
 — Знал...
 — Ну и что же? Да или нет?
 — Да...
 — А вы, Вальтер и Йоган? Вы убивали?
 — Да, да...
 — А ты, мой Даниэль?
 «Мой Даниэль», — так сказал господь.
 — Слушаю, господи, раб твой верный ныне и присно...
 — Ты убил?
 — Не знаю...
 — Ах, не знаешь?
 — Не знаю, господи.
 — Как же быть с тобой, Даниэль?
 — Если бы я знал, господи!
 — Ну, коли так, и я не знаю, как наказать тебя.

Бог выносит приговор, и, наверное, потому в большой пещере царит мертвая тишина. Он не спешит. Не только человек, даже бог не должен спешить при вынесении приговора. Хотя ему незачем обдумывать решение. Приговор вынесен сам собой.

Если ты убил человека.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Штуте успокоило то, что Бауман дышал. Дышал отрывисто, поверхностно, но все же... Пуля, попавшая в бок, вышла под правым соском. Эту-то рану и нащупал сначала Ганс и в отчаянии, не сообразив, какую сторону ощупыва-ет, решил, что пуля попала в сердце, и вскрикнул, точно ранили его самого.

Снаружи донесся свист. Светало, но в пещере стоял туман, и разглядеть что-либо было невозможно.

На свист девушка, лежавшая на бурке, вскочила, и Ганс услышал:

— Вах!

Вторая пленница приподнялась и прислушалась.

Опять раздался свист.

Девушка поползла к выходу, но подруга остановила ее; сама она не остановилась бы, это было видно по решительности ее движений.

«Их зовут свои», — вяло подумал Ганс.

Только он подумал это, как услышал свое имя... Он огляделся: казалось, кто-то крадучись пробрался в пещеру и подкрался совсем близко.

— Ганс! — голос слышался прямо из его груди.

— Я! — ответил он, как отвечает своему внутреннему зову.

— Меня убили, Ганс...

Штуте приподнял раненому голову и крикнул ему в ухо:

— Не бойся, мальчик!

— Я не боюсь, — Клаус говорил отрывисто, дышал часто и неглубоко. — Не боюсь, теперь ничего не боюсь.

— Клаус...

— Не боюсь, потому что ты со мной. Если б была мама, я бы испугался. Она сама боится, понимаешь?

— Вот и молодец. Ты прав, — он не говорил бы так, если б это не нужно было Клаусу. — Ты не умрешь!

— Почему не умру, Ганс?

Ганс растерялся. Почему Клаус не мог умереть?

— Потому, что не время тебе умирать.

Сверху опять свистнули.

— Откуда это свистят? Что им надо?

— Не знаю.

— Я знаю, это зовут пленниц.

— Клаус, тебе нельзя много разговаривать.

Опять свистнули.

— Их зовут... — он повернул голову к пленницам. — Фройляйн, вас зовут.

— Они знают, — сказал Ганс.

— Это они в меня выстрелили?

— Наверное.

— Ганс, если б мы не взяли в плен женщин, наверное, они не стали бы стрелять.

— Замолчи, Клаус.

— Замолчу, но вот... то, что они не могут ответить... мешает мне. Пусть узнают, что они живы... что мы не сделали им зла. Если б они знали, может быть... — он не договорил: «не стали бы стрелять».

— Не знаю...

— Нет, все-таки... А если пленницы не отзовутся, будет хуже. Они так близко...

— Ближе им не подойти.

— Могут сбросить гранаты... Пусть они ответят, Ганс. Пусть ответят!..

— Не бойся.

— Фройляйн, — Клаус повернул голову к пленницам. — Пусть девочка ответит.

Гуца что-то сказала Таджи.

Таджи вскочила и пошла к выходу.

— Из пещеры не выходить! — остановил ее Ганс.

— Фройляйн, они и так услышат. Пусть скажет, что вы живы-здоровы, и... — он не договорил, замолчал.

Ганс почувствовал, что Клаус хотел еще что-то сказать.

— Что еще, Клаус?

— То, что... кто поверит, но... да если и поверят, все равно поздно...

— О чем ты?

— О том, что, когда меня ранили, я воду набирал, хотел им принести. Если б они знали, выстрелили бы, Ганс?

— Не знаю.

— А ты на их месте?

— Нет.

— И я нет, Ганс. Я думаю, и они не выстрелили бы. Но они не знали.

— Не знали.

Уже совсем рассвело, но в молочном тумане ничего нельзя было разглядеть.

— Хау! — звонкий и крепкий голос Таджи, рассекая туман, вырвался из пещеры.

— Хау! — подхватили горы.

— Хау-у-у! — понеслось по ущельям.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Ночью шел дождь. Утром в лучах солнца скалы сверкали, словно на них разбросали осколки стекла.

Продрогший Вахо вылез из бурки и, не попадая зубом на зуб, пополз к краю скалы.

Тутар, дежуривший с карабином в руках, оглянулся на него.

— Вот сумасшедший! И чего не лежится? Допрыгаешься!

— Тебе пора Гуа встречать!.. — огрызнулся Вахо и пополз было дальше.

Вдруг он поскользнулся на заиндевевшей скале, но умудрился ухватиться за выступ и задержался, раскинув ноги и оставив на камнях клок штанов да содранную кожу. Боль была чудовищная.

— Теперь не полезешь! — заметил Тутар и, показывая на место рядом с собой, сказал: — Сиди здесь!

— Сиди, сиди!.. А если я не могу?! — Вахо в сердцах схватил ружье. — Спрыгну вниз и перестреляю, сколько успею.

— С тебя станет.. Не дури, насмерть разобьешься..

— Разобьюсь, и черт с ними. — Вахо перевалился на спину, обхватил руками ушибленное колено.

— Заруби мои слова на носу: сиди и не рыпайся, понял? — строго проговорил Тутар и полез вниз со скалы.

— Ничего я не зарублю! — бросил ему вслед Вахо, помутневшими от слез глазами глядя на площадку перед пещерами.

Вчера после полудня Гуа отправился в деревню — добыть чего-нибудь съестного. Пора было ему возвращаться.

Только Тутар скрылся из глаз, Вахо опять лишился покоя; забыл и про ушибленную ногу, и про все на свете. Скала, на которой он лежал, выступом нависала над пещерами, так что, сколько он ни сползал вниз и ни тянулся, входа в пещеру не углядел. Вахо подумал: как бы и впрямь не кувьрнуться туда, и отполз назад. После двух ночных выстрелов из пещер никто не показывался и на площадке не было ничего, только валун у края... На валу не белела веревка, протянутая от родника. Мальчики заметили ее, как только поднялись на скату, но веревка была тонкая, выдержать человека не могла, а если б кто-нибудь все же решился воспользоваться ею, тем хуже для него...

Ушибленная нога болела. Бездействие раздражало. Вахо не находил себе места. Он взял ружье и прицелился в веревку. Стрелять в провисающую часть не имело смысла. Лучше было прицелиться в камень: тут и расстояние было самое близкое, к тому же пуля, расплюсчившись о камень, надежней рассекла бы веревку.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Случилось то, о чем даже помыслить было страшно. Мысль о такой беде вызывала ужас, отчаяние, и каждый старался думать о чем угодно только не о ней: словно боялся навлечь беду, боялся напомнить ей о себе или наоборот надеялся запутать следы.

Когда звук выстрела, отдаваясь эхом, понесся по ущельям и стих, наступила жуткая тишина. Этот один выстрел наделал больше бед, чем два прошлых. Он не попал ни в кого, но смертельно ранил всех. Каждый, даже закрыв глаза, видел конец веревки, болтавшейся на камне перед пещерами.

В тот день, когда десант одним выстрелом отрезали от воды, капрал отобрал у солдат оставшуюся еду: сухари и сахар могли только усилить жажду. От трехдневной жажды у Клауса распух язык, потрескались и побелели губы.

Погода установилась солнечная, и тела вынесенных из пещеры обер-лейтенанта и Альфреда стали разлагаться.

Ганс не смотрел теперь на раненого друга. Он находил какую-нибудь точку на стене пещеры и не отрывал от нее бездумного взгляда. Все решено, все кончено. Разве что бог-отец слетит к ним и, закутав в полы своего плаща, заберет из этого ада. Беднягу же Клауса ничто не могло спасти...

От бесконечного молчания у Ганса устали скулы.

Вот уже два дня противник, оседлавший их укрытие, тоже молчал. Даже пленниц больше не окликал. Разорвав веревку, он и своих лишил воды, и растерялся, притих. Ждет, что будет дальше. Потребуется пленниц за стакан воды? Нет, не потребует. Пленниц можно одать только за полную свободу. На стакан воды их не выменять...

А пленницы сидят, прижавшись к скале и широко раскрыв глаза.

Ганс закрыл лицо руками. Так недолго сойти с ума. Достаточно поверить, что в глазницах у пленниц голубоватая влага, и он захочет ее выпить...

Он повернулся спиной к пленницам.

Бауман дышал все так же коротко и хрипло. Ганс не оглядывался на него.

— Фройляйн!

Пленница перевела взгляд на Ганса.

— Вы хотите что-то сказать?

Положение пленниц было во сто крат тяжелее. Когда человек совершает проступок, тем более преступление, он подсознательно готовится к наказанию. Но тот, кто ни в чем не повинен, страдает во сто крат больше.

— Мы все жаримся на одной сковороде.

— Разве это справедливо? — со вздохом усталости проговорила Гуца.

Ганс покачал головой. Пленнице не следовало говорить о справедливости. Сейчас это было бесполезно.

— И тем не менее, нас ждет один конец.

— Я это знаю.

— Каждый из нас знает... Думаете, я не понимаю, что мне следовало сидеть дома, а не лезть сюда, в чужие горы? Или Клаус не понимает этого?

— Сейчас, во всяком случае, понимает.

— Вы не знаете, что такое война...

— Не знала. В этом смысле вы очень помогли, и не только нам с Таджики; вы просветили весь мир. Только зачем вы научили войне детей; вот этого мальчика, например. Оставили бы его дома. — Гуца наклонилась к Бауману.

— Клаус!

Клаус раскрыл глаза.

— Больно?

Клаус вытянулся, выпнул спину; видно, боль остро пронзила его.

— Пить хочешь?

«Пить!» — глаза чуть не выкатились из орбит.

— Хочу, фройляйн, хочу! — он задвигался, оперся на подостланную шинель, подтянулся. Капрал бросился к нему, схватил за плечи.

— Пить хочу, фройляйн. Ганс, пусти, Ганс! Пить, фройляйн... Дайте воды, дайте, я выпью разок, только разок..

Штуте зло посмотрел на пленницу, по неосторожности так жестоко мстившую умирающему.

— Пусти, Ганс! — Клаус напряг шею, вывернул голову и укусил друга за руку. Лицо Ганса исказилось от боли. Он выпустил раненого.

— Воды! — прохрипел тот, поворачиваясь к пленницам. — Воды, фройляйн, воды! — он упал на руки и, вытягивая вперед голову, подтянул обессиленное тело.

Пленницы прижались к скале.

Раненый опять впился худыми пальцами в камни и сполз с шинели.

— Воды, фройляйн, воды!

Он дотянулся до бурки. Теперь только его ноги оставались на шинели.

Гуца вся сжалась, с ужасом и жалостью глядя на протянутые к ней руки.

— Воды!..

Клаус невероятным усилием дотянулся до пленницы и схватил ее за щиколотку. Гуца, обливаясь холодным потом, побледнела как полотно. Раненый прижался губами к ее ноге.

— Воды, фройляйн, воды! Умоляю...

— Воды! — не своим голосом вскрикнула Гуца. Ее крик вырвался из пещеры и понесся по ущельям.

— Воды!..

— Во-ды-ы!

Таджи перескочила через раненого, пробежала мимо Ганса, мимо завешанного брезентом входа во вторую пещеру.

— Эгей!

— Эге-гей! — отозвались сверху.

— Воды, ребята, воды!..

ГЛАВА ВТОРАЯ

Вскоре со скалы, нависшей над пещерами, послышалось:

— Таджики!

— Таджики-джи-и! — разнеслось по пещерам. Каждый замер в том положении, в каком застал его осторожный мальчишеский голос.

— Зовут... — Клаус раскрыл глаза и, не мигая, уставился в потолок пещеры.

Теперь все знали, кого звали — Таджики. Та-джи! — это было не просто имя: в этих звуках жила надежда.

Все обратились в слух, чтобы услышать, как маленькая девочка встанет и выйдет на площадку.

Таджи вышла из пещеры. В первое мгновение она чуть не задохнулась от смрада и не смогла раскрыть рта.

— Ау! — отозвалась она наконец.

— Ау-у! — крикнули сверху.

— Ау-у-у! — загудели ущелья,

— Аууу! — долго повторяли горы.

Все одинаково прислушивались к этому гулу. Слово сами горы, скалы, ущелья, встав выше суда человеческого, решали судьбу инородцев.

Сверху опять послышалось:

— Таджики, скажите им, пусть наберут воду.

Таджи расслышала, но не поверила своим ушам.

— Что ты сказал, Тутар?

- Одного пусть отправят к источнику!
- Как?
- С двумя котелками. Один для вас. Мы не будем стрелять. Слышите?
- Самы не носите, что б им подохнуть! — не удержался Вахо.
- Вы не будете стрелять?
- Нет, так и передай Гуце.
- Ладно.
- Пусть идет без оружия!
- Понятно.
- Не поднимаю головы. По сторонам не смотреть.
- Понятно, Тутар!
- Если поднимет голову, я тут же стреляю! — опять не удержался Вахо.
- Передам.
- После этого без нашего разрешения ни шагу.
- Сколько их там? — опять раздался голос Вахо.
- Человек семь-восемь...
- Как это... семь-восемь?
- Один ранен.
- Выживет?
- Не знаю... Нет!

Когда Гуца, выслушав Таджи, обернулась к Штуте, раненый смежил веки. Из второй пещеры вверх натянутого брезента смотрели шесть пар горящих глаз.

— Кто-нибудь из вас пойдет и принесет два котелка воды.

У Хампеля на лбу выступил холодный пот, он выпрямился во весь рост, ударился затылком о камень, но боли не почувствовал. Теперь Кнопс не чувствовал жажды. И никто, кроме раненого, не чувствовал.

— Стрелять не будут, — сказала Гуца.

— Ах?..

Гуца не поняла, у кого вырвалось это «ах». Наверное, у всех.

— Не будут стрелять! — повторила она.

— Мы не можем вас освободить, — сказал капрал.

— Знаем.

— Это и они должны знать.

— И они знают.

— Вы им этого не говорили?

— Нет.

— Скажите!

— Они не ставят такого условия.

— Чего же они требуют?

— Идти безоружным и не озирайтесь, смотреть только под ноги.

— Чтобы не видеть, откуда придет смерть? — прохрипел Пауль, с ненавистью глядя на пленниц.

Штуте молчал, прислонясь плечом к скале.

Заговорил Бауман.

— Они не будут стрелять, Ганс. Я знаю... Фройляйн, скажите им, что не будут.

— Я уже сказала.

— Скажите еще, фройляйн, поклонитесь.. Мамой поклонитесь.

— Я верю, Клаус, — капрал затащил ремень и шагнул к выходу, готовясь перейти в большую пещеру.

— Куда ты, Ганс?

— Надо поговорить..

— Поговорите, но ты не..

— Клаус, ты же веришь, что стрелять не будут?

— Да, Ганс..

— Значит, все равно, кто пойдет.

— Все равно, но пусть кто-нибудь другой, прошу тебя.

— Не бойся, ничего со мной не случится.

— Но, Ганс, вдруг ты невольно поднимешь голову или спотыкнешься..

Штуте молча поглядел на Клауса, когда же он шагнул к выходу, Бауман снова остановил его.

— Ганс, ты не обер-лейтенант, я знаю, ты не можешь приказать... Но хотя бы бросьте жребий. Я буду молиться, чтобы он выпал не тебе.

— Ладно, — сказал Ганс. — Бросим жребий.

— Нет, они не будут стрелять! — говорил Кнопс. — Раз сами предостерегли, значит, не будут. Мы же их не принуждали. — Этими словами он ободрял себя; ему казалось, что Штуте пошлет на родник именно его.

— Ты бы не выстрелил? — спросил Иоган, взглянув на Кнопса маленькими острыми, как у хорька, глазами.

— Я... я... при чем тут я? Как мне прикажут...

— Иоган, они — люди другого склада, — убежденным тоном заметил Вальтер. Каждый понял, что Вальтер вслух выразил общее желание — отправить на родник Кнопса Хампеля.

— Какого еще склада? — недовольно переспросил Пауль.

— Совсем особого... — Кнопс чувствовал, что тучи над ним сгущаются...

— Пусть они дадут нам клятву! — сказал из своего угла Даниэль.

— На какой прикажешь иконе, Даниэль? — пробасил Карл. — Хотите идите, а нет — сосите лапу.

— Здесь в бога не верят, Даниэль.

— Знаю.

— Так разве можно на них положиться?

— Трудно довериться человеку, который не верит в бога.

Край брезента отогнулся, и в пещеру вошел капрал.

Все мигом улеглись на свои места, словно капрал, увидев стоящего на ногах, мог сказать: «Что стоишь? Пойди, принеси воды!». Никто не проронил ни слова: вдруг капрал скажет: «Ты сперва сходи за водой, а остальное потом доскажешь».

Ганс оглядел пещеру. Под его взглядом каждый старался уменьшиться, ежась в монок. Даниэль не выдержал наступившего молчания и вздохнул:

— Господи!

— Бросим жребий! — сказал капрал.

— А-а!

— Что?!

— Что он сказал?!

— Я не разобрал...

Все слышали, что речь зашла о жребии, но не поняли, будет ли и сам Штуте участвовать в жеребьевке. Попробуй Ганс не участвовать, его заставили бы. Но ведь капрал мог назначить любого. И если сначала сторонников назначения не было, назови капрал кого-нибудь одного, все, отводя от себя опасность, приняли бы сторону Ганса.

Но Штуте принимал участие в жеребьевке. Значит, число участников увеличивалось и вероятность несчастья уменьшалась...

Даниэль зажал в кулак края пилотки.

— Кто хочет первый?

Все молчали.

Капрал, прежде чем тикнуть, обернулся к Даниэлю.

— Может, ты сам?..

— Нет, мне которая останется.

— Тогда дай мне!

Ганс, не глядя, сунул руку в шапку — все видели, что он не смотрел, достал бумажку и сжал в кулаке.

— Сначала достанем все, а потом посмотрим.

Даниэль протянул шапку, все хотели взять последний оставшийся билетик: может быть, судьба на его стороне, а он, шуруя вслепую в шапке, чего доброго, собьет с толку судьбу и на беду напорется.

Вторым потянул Вальтер, за ним Пауль, потом все...

Даниэль достал из пилотки оставшийся листок, а пилотку, как попало, халябучил на голову. Сейчас все держали в руках, может быть, «смерть».

Ганс развернул свой листок и промолчал. Он знал, с завистью посмотрели бы все, если бы он сказал, что не ему попало «идти».

Даниэль перекрестился: — Пронеси, господи!..

Потом еще раз: — Слава тебе, господи!..

Кроме Ганса все обернулись к нему. Потом перевели взгляд на Вальтера.

Бумажка выпала у Вальтера из рук, а лицо вытянулось и сделалось землисто-серым.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Подойдя к брезенту, Вальтер остановился. Он отвык свободно выходить из пещеры. Он чувствовал на себе взгляд пяти пар глаз и понимал, что дороги назад нет.

Выйти на площадку безоружным, с пустыми котелками в руках было невероятно трудно. При первом шаге сердце обмерло, точно оборвалось. Вальтер почти верил, что его не убьют, но кто-то в нем не верил, связывал по ногам и тащил назад. Пещеру же переполняла неутоленная жажда и ожидание, и там не оставалось места для Вальтера.

— Не убьют! Не убьют! Не убьют! — пытаюсь успокоиться, повторял он, и скованные мышцы слегка расслабились, кровь потекла по жилам.

Из маленькой пещеры выглянул Ганс. Снаружи нельзя было разглядеть, однако Вальтер чувствовал, что и пленницы, не моргая, смотрят ему вслед. Он хотел выйти на середину площадки, но ноги не слушались его, и, хотя удариться было не обо что, Вальтер согнулся. До начала тропинки можно было дойти, укрываясь за выступом скалы, но потом он останется на виду у врага. Он решил, пока была возможность, идти под выступом скалы, он понимал, что это глупо, но все-таки шел, прижимаясь к скале...

Вальтеру хотелось хотя бы у края площадки встать во весь рост, но, словно он от рождения был горбат, ему не удалось распрямить спину.

Но вот он ступил на тропинку, и в то же мгновение увидел, с особой даже отчетливостью и яркостью увидел, как скала, замыкавшая тропинку в первом повороте, полетела на него, и задрожали горы. Потом тропинка, упирающаяся в темно-красную гранитную стенку, перевернулась и взметнулась вверх...

Еще пустые котелки Вальтера громыхали по камням, когда Штуте выпустил длинную очередь из автомата и, заглупшая крик пленных, гаркнул:

— Ни шагу из пещеры, не то изрешечу!

Из-за брезента не доносилось ни звука, но это молчание было тяжелее свинца.

— Ганс! — застонал умирающий Клаус. — Ганс!

Гансу было не до него. Ему предстояло любой ценой защитить пленниц. Защитить от тех, у кого хитростью выманили и убили друга. В погибшем сейчас каждый видит себя — ведь и ему могла выпасть бумажка с «идти» и пуля в затылок. Они должны отомстить за вероломство. Как? Враг недосытаем, но в их власти пленницы, заложницы. Они могут сделать с ними все, что захотят.

— Не высовывать головы! Никого не пощажу, даже тебя, Даниэль! — И для убедительности опять выстрелил в воздух.

Подозрение могло пасть и на самого Ганса, но это после расправы над пленницами. Если же он спасет обреченных, подозрение будет считаться доказанным. Потом между двумя пещерами начнется вражда, и капрала не пощадят, как не пощадил бы убийцу Вальтера.

— Это не сверху стреляли! — крикнул опять капрал. — Дайте время узнать, что случилось!

В Вальтера стреляли оттуда, откуда ранили обер-лейтенанта, но Штуте нужно было выпрять время, нужно было что-то сказать, чтобы там, во второй пещере, подумали, а не хватались за автоматы. Если б из второй отозвались, было бы лучше. Но там молчали.

— Пленные никуда не денутся. Слышите? Только сидеть спокойно. Если брезент шелохнется, я пускаю весь заряд!.. — потом, не оглядываясь, крикнул назад:

— Выйдите и спросите, что произошло.

Таджи вышла из пещеры и испуганно покосилась на брезент.

— Иди, не бойся! — Штуте знал, что девушка поймет его.

Таджи вышла на середину площадки и крикнула:

— Эгей!

Никто не отозвался.

Она прошла дальше, посмотрела вверх и увидела Гуа и Вахо.

— Не мы стреляли, Таджи! — растерянно сказал Гуа.

— Почему вы его убили?

— Нет, Таджи, честное слово, нет! — замахал руками Вахо.

— Ну, почему, почему?!

— Щадить-то их нечего, но мы не стреляли. Верно говорю.

— Кто же?

— Не знаю! — Гуа хлопнул ладонью по лбу. — Сам ничего не пойму!

— А где Тутар?

— Пошел туда, откуда стреляли. Узнаем, кто там объявился.

— А нам как быть?

Ребята втянули головы в плечи.

— Но я же говорю, что не мы стреляли! Слышишь, что ли? — Вахо в сердцах хватил кулаком по камню.

— Передай им, что мы все выясним. Только вас пусть не трогают, не то конец им!..

— Кто нам поверит, Вахо?

— Ты скажи, а если не поверят, вот!.. — Вахо выхватил из хурджина гранату. — Иди, иди, не бойся. Без страха говори. Это они в плену, а не вы. Таджи вернулась в пещеру и подбежала к Гуце.

34736340
3034010133

ГЛАВА ПЯТАЯ

Если б вороной Баска не ходил по этой тропинке раз десять, он непременно свалился бы в пропасть. Крутые спуски, подъемы и повороты чередовались один за другим.

Тутар внимательно разглядывал скалы, но вокруг не было ни души.

Тутар был уверен, что сверху стрелял Аби. Конечно, Аби, больше никому... Вероятнее всего, он видел-таки спустившегося в село Вахо: исчезновение Гуа также не осталось для него незамеченным, но, поскольку ребята держали все в тайне, он не выдал их, а пустился следом — принять участие в спасении Таджи. Когда ребята перебрались на скалу над пещерами, он занял их старое место: если б немцы сумели вырваться на тропинку, Аби встретил бы их. Связ с погибшего парашютиста оружие и боеприпасы, он несколько дней продежурил без дела. А сегодня видит — вышел из укрытия немец!..

Он так и сделал: прицелился в немца и выстрелил.

Но после его выстрела началось что-то непонятное: раздалась автоматная очередь. Тутар вскочил и бросился к коням. Аби перепугался не на шутку. Неужели он все погубил? Неужели из-за него озверевшие фашисты перестреляли пленниц?..

Тутар спрыгнул с коня и полез вверх по круче.

На месте их старого укрытия никого не оказалось. Когда он оглянулся на пещеру, твердый ком подкатил к горлу. Он думал, что ни сестры, ни гости уже нет в живых.

В отчаянье, лишившись последней надежды, полез он вниз. Слезы мешали разглядеть дорогу. Баска фырканьем приветствовал его на тропинке. Он обнял коня за шею.

— Пойдем к дедушке, Баска, — говорил он коню. — Пойдем к дедушке и все ему расскажем. Нанскани погубил нас, не то мы спасли бы Таджи и Гуцу!..

До развилки дорог он ехал с намерением вернуться в село, но, подыхав к развилке, понял, что это невозможно: не мог он, обесчещенный и опозоренный, явиться в родное село, к старейшине рода.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

— Вы не сможете принести воду. Вам не подняться по этой тропинке! — сказал немец, когда на рассвете Гуца вылезла из бурки, чтобы идти на родник. Бауман лежал без сознания и не слышал слов Штуте.

Выбравшись из бурки, Гуца убедилась, что немец прав: стоило ей встать, как у нее закружилась голова, а ведь даже в первый день она не в силах была подняться по тропинке без чужой помощи.

— Дайте посуду! — все-таки сказала она.

— Глупости! Вы разобьетесь.

— Дайте! — она повысила голос, чтоб ее услышали во второй пещере.

Гуцу злила и собственная беспомощность, и забота о ней Ганса. Если сейчас не принести воды, их ничто не спасет, а раненый умрет в муках. В большой пещере солдаты дрожащими пальцами нащупывали бурки. Они слышали, что пленница вызвалась сходиться на родник, и если б она не вышла из пещеры, вышли бы они.

Гуца обняла за плечи стоявшую рядом Таджи.

— Идем со мной!

Таджи испуганно попятилась: «Нет, я не принесу им воды!..»

— Она совсем без сил. Да и я не могу отпустить вас обеих, — сказал Штуте.

— Ладно, оставайся.

Таджи тут же села на бурку, вернее не села, а легла, свернувшись калачиком.

Гуца вышла на площадку. Она знала, что Ганс смотрит на нее, и старалась идти не шатаясь, но ноги не держали ее.

Светало. В молочно-белое утро восток вкрапывал кровавые краски. Обойдя стороной убитых, она пошла вдоль скалы. Ночная прохлада рассеяла смрад над трупами. Гуце хотелось оглянуться на скалу, чтобы увидеть заступников-мальчишек, но стоило ей поднять голову; как в глазах у нее потемнело, то ли от голода, то ли от жажды. Она упала.

Капрал услышал, что пленница упала, но не поспешил к ней. Он встал, отложил оружие, поправил ремень. Котелки, выпавшие вчера из рук Вальтера, валялись внизу. По-видимому, неподалеку от родника. Штуте решил спуститься туда и принести воды. Иоган, Пауль, Даниэль и Кнопс убедятся, что он не предатель, защищающий пленниц из корыстных интересов.

На этот раз Ганс не станет бросать жребий. Он вовсе не посмотрит на большую пещеру. Пройдет мимо пленницы на площадке.

И — вниз, вниз, вниз...

Выстрелят?

Другого выхода все равно нет. Не пойдет — свои не пощадят. Столько времени их сдерживало то одно, то другое. Теперь с рассветом они потребуют ответа. Сейчас враг для него безопаснее.

Ганс вышел на площадку.

— Ганс! — донесся до него бред обреченного Клауса.

Ганс не остановился.

Гуца приподняла голову, когда он проходил мимо, но встать не хватило сил.

Штуте подошел к началу тропинки и почувствовал, что его увидели сверху. Он осторожно ступил вперед, глядя только под ноги.

До того места, откуда полетел вниз Вальтер, оставалось еще два шага. До тех пор его, пожалуй, не убьют.

Один...

Второй...

Вот здесь убили Вальтера.

Может быть, и в него уже выстрелили, только Штуте не слышал, но сейчас услышит и почувствует. Нет... ничего... Но почему так ослабили колени? От голода и жажды?

Ганс уже сделал шаг от того места, откуда полетел вниз Вальтер...

Может, и в самом деле не они тогда стреляли?

На полпути до родника он увидел котелок. Приблизившись, хотел подобрать, но... враг отлично стреляет; вдруг он решил поиграть и выстрелит, когда немец наклонится за котелком? Вдруг он держит котелок на прицеле и только ждет, чтобы немец встал между котелком и ружьем?..

Подойдя на расстояние протянутой руки, Ганс, почти не задерживаясь, сбоку подхватил котелок и выпрямился. Выстрела не последовало.

Он пошел дальше. Второго котелка поблизости не было.

Пониже, у поворота тропинку размыло дождем, и Ганс хотел опереться о скалу, но подумал, что этим движением вызовет выстрел. Надо идти, не спотыкаясь и не хватаясь за камни. Теперь он на виду, не надо давать повода...

Ганс решил прыгнуть в том месте, где тропку размыло, но прыгнуть, не теряя равновесия.

Он прыгнул. Что-то громыхнуло.

Убит?!

Нет, ручка котелка щелкнула в петле.

Тропинка круто заворачивала. Следуя ее прихоти, Ганс повернулся лицом к скале, на которой оставался враг. До сих пор враг не стрелял, потому что не хотел стрелять в спину, теперь же непременно выстрелит, выстрелит в лицо...

Когда тропинка еще раз завернула вправо, он вздохнул с облегчением, потому что враг опять оказался позади, и теперь Ганс верил, что в него не выстрелят. Люди, выросшие в горах, на таких дорогах не станут стрелять в спину.

Но выстрелили же в Вальтера!..

Это не они!

Они не стали бы замирать. Зачем? Мы не извинялись перед ними, и они не стали бы.

Тропинка кончилась. Прямо к роднику не пройти. А хорошо бы: до возвращения назад все время шел бы спиной к скале.

До возвращения?

Надо было слегка свернуть в сторону, чтобы подобрать второй котелок.

Недалеко от котелка лежал изуродованный Вальтер.

Наверное, когда он пройдет мимо Вальтера, выстрелят. Так и рассчитано — уложить его на убитого: вместе сражались против нас, вместе и лежите...

Он обошел Вальтера стороной.

Жив?..

Задержался у второго котелка, быстро подобрал его и повернулся к роднику.

И вода-то уже близко...

Неужели спасся?

Теперь до родника его не убьют. Может быть, даже дадут наполнить котелки! Пить он не станет. Если припасть к роднику, обязательно убьют!

Наполнит котелки и пойдет назад. Наполнит не до краев, чтобы не пролилось по дороге... Сколько зачерпнет, столько и понесет...

34733340
3034010133

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Вода вселила надежду в отчаявшихся обитателей пещеры. Но на площадке перед пещерами лежали непохороненные убитые, и даже ребята со скалы не могли, не зажимая носа, заглядывать вниз.

— Тут и говорить нечего, мертвых надо похоронить... — заявил Гуа,

Тутар прикрыл опухшие веки, словно смрад жег ему глаза.

— Вот еще! — взмахнул руками Вахо. — Не наша это забота!

— Ты помолчи! — прикрикнул на него Тутар. — Что ты понимаешь?

— А то и понимаю, что не желаю я оплакивать их мертвых. От живых спасенья нет, а подохнут — и того хуже.

— Замолчи.

— Не замолчу. Воды им дали, теперь мертвых хороните!

— Мертвые не их, и не наши. Мертвые принадлежат земле.

— Ладно, мудрец. Только не реви...

— Укороти язык, Вахо!

— А, делайте что хотите! — пошел на попятный Вахо. — Я возьму и вернусь домой. А вы воруйте в деревне хлеб и носите им сюда, и воду из родника таскайте... У вас бороды до колен отрастут, а фрицы будут жить-поживать припеваючи.

До полудня Вахо отговаривал товарищей. После полудня Тутар все же разрешил немцам похоронить мертвых.

Убитых похоронили в большой яме на отлогой поляне недалеко от родника.

Ганс Штуте видел, что принесенная им вода ни в чем не разубедила обитателей большой пещеры; напротив — они были уверены, что капрал продал их за два котелка воды, и возненавидели его больше, чем врагов.

А ведь не завтра, так послезавтра жажда пробудится с новой силой. Нет, Ганс не станет тянуть до тех пор. Клаус, похоже, и до завтра не доживет. Ганс испросит разрешения похоронить друга. Потом дождется безлунной ночи, свяжет пленниц по рукам и ногам, заткнет им рты, чтобы не выдали, и поведет своих. Удастся выбраться, так вместе с ними, а нет — вместе погибнут, и хоть тогда они поверят, что Ганс Штуте не предатель.

Капрал давно уже задумал побег, но сперва обер-лейтенант распоряжался всем, потом Баумана ранили. Пока Клаус жив, Ганс не покинет его. Страшно умирать в одиночестве. В юноше, кроме жизни, теплится еще вера в человека, если его бросят здесь, он умрет раньше, чем остановится его сердце.

То, что Штуте не предатель, еще можно доказать. Клаусу трудно будет жить без друга. Но еще страшнее умереть в одиночестве.

Это поняла и пленница. Как только вода появилась, она напоила раненого, а ведь она ненавидит его: в конце концов, это он взял ее в плен... Но в него выстрелили, он при смерти, так что они в расчете.

Подул ветер и занес в маленькую пещеру капли дождя. Брезент, закрывавший пещеру, прошили длинные темные штрихи. Их становилось все больше, и скоро они слились в сплошное темное пятно. В горах прогрехотало.

Раненый открыл глаза.

— Стреляют?

— Не бойся.

— Боюсь... — сказал Клаус, в упор глядя на Ганса.

— Гроза, — объяснила Гуца.

— Знаю, — ответил Клаус с улыбкой, как бы говорящей: «гром от выстрела я пока-что отличаю».

— Знаю, — повторил он строже и нахмурил брови.

Гансу не понравились его улыбка и его самолюбие.

— В чем дело, Ганс, война кончилась или я просто не слышу выстрелов?

Наши отступили?

— Наверное.

— Ты должен вернуться в Германию, Ганс.

— Да, — глухо отозвался Ганс. Он не сказал: «И ты тоже вернешься».

Все равно Клаус не поверил бы ему. — Я знаю, что ты хочешь сказать...

— Не знаешь. Ты должен вернуться...

— Я вернусь.

Клаус опять улыбнулся.

— Ты и этого не знаешь, Ганс.

— Постараюсь.

— Ради нас ~~обоих~~.

Экз. № 3333
303.0010333

— Нет, послушай...
 — До окончания войны моя мама будет надеяться...
 — Я повиджаю ее.
 — Повидай, Ганс, и знаешь, что скажи? Что я жив и скоро вернусь.
 Нет, нет. Этому она не поверит... скажи, что меня ранили...
 — Скажу.
 — Что меня ранили и что мы вместе лежали в госпитале, в одном из немецких городов, где-нибудь подальше от нее.
 — Разве не все равно?
 — Нет, Ганс, чем дальше, тем лучше. Больше времени пойдет на дорогу.
 — А зачем ей туда ездить?
 — Как ты не поймешь, Ганс? Я умер в том городе, в госпитале, ты укажешь ей какую-нибудь безымянную могилу.
 Штуте внимательно всмотрелся в друга.
 — Все равно чью; ведь она будет меня оплакивать. А в долгой дороге боль притупится. Она будет думать... будет готовиться...
 — Клаус, я все сделаю, ты только не разговаривай.
 — Я больше ничего не скажу. — Он замолчал.
 Гуца плакала. Таджи расширившимися глазами смотрела то на нее, то на немцев.
 — Фройляйн! — улыбнулся опять умирающий. — Я ведь не для того, чтобы вы плакали. Я знаю, так лучше для меня... Тебя не удивляет, Ганс, что мать не может меня оплакать, а оплакивает пленница, которая, казалось бы, должна радоваться моей смерти...
 Штуте не удивлялся. Он понял, что бедняга Клаус за несколько дней прожил целую жизнь.
 Гуца закрыла лицо руками...

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Вахо всегда с трудом досиживал в школе последние уроки. Он был сообразительный мальчишка, легко схватывал все новое, и объяснения учителей казались ему невероятно многословными. И нередко, не досидев до конца занятий двух-трех уроков, он закладывал книжки за пояс и уходил из школы. Домой он не мог вернуться раньше Таджи, а потому весь день по селу собак или играл с пастушками. Деду об этих проделках не говорили, зато мать, скрывающая проступки сына, считала своим долгом особенно строго наказывать его. Вечерами, прокравшись к дому, Вахо не мог дожидаться, пока все улягутся. Ожидание наказания мучило его больше, чем наказание, и он сам отдавался в руки рассерженной матери, под горячую руку ему сильно доставалось. Поэтому с домашними он обычно был не в ладах. Это огорчало его, и время от времени он решал выправить положение и отсиживать в школе все положенное время и даже больше. Но четвертый урок опять растягивался до бесконечности, и материнские побои казались ему легче этой муки.

Вахо считал, что не надо давать немцам воду, и грозился выстрелить в того, кто пойдет к роднику, но не посмел.

Не посмел, однако на друзей обиделся. Даже подумывал вернуться в село. В то утро, когда Вахо, разругавшись с друзьями, собрался покинуть их, Гуа крикнул ему вслед:

— Вахо, одумайся! Меня привел сюда, а сам уходишь?

Тутар махнул рукой.

— Пусть идет куда хочет! — он знал, что минутная слабость не могла увести Вахо далеко. Дороги в село заказаны. А к его возвращению, может, что-нибудь и определится.

Вахо вернулся вечером. Демонстративно устроился в стороне от Тутара и Гуа: перенес туда свое ружье, затем вернулся, достал из хурджина одну из гранат Сиюша, заложил ее за ремень, и тут Гуа увидел, что Вахо обмотан веревками.

— Веревки-то ему на что?

— А кто его знает? — Тутар даже не оглянулся. — Оставь его в покое! — После ухода Вахо он все-таки побавался, как бы тот не спустился в село. Да и терпение у него всякко окончательное, так что в глубине души он даже хотел, чтобы Вахо совершил какую-нибудь глупость.

Место, с которого они наблюдали за площадкой перед пещерами, было наиболее удобным на скале. На пятачке, куда перебрался Вахо, даже стоять было трудно, но он размотал часть веревки и с ее помощью закрепился на выступе

скалы. Убедившись, что Вахо ничего не грозит — при желании он мог теперь даже выспаться, — Гуа и Тутар успокоились.

Тутар думал, что только похолодает, Вахо вернется к ним и влезет под бурку. Его только слегка настораживала граната, унесенная двоюродным братом: как бы он не бросил ее вниз — ведь теперь они знали, что немцы находились в большой пещере, а пленницы — в малой.

Ни Тутар, ни Гуа, не обратили внимания на то, что Вахо избрал себе место, как раз над большой пещерой. Как только стемнело, он приступил к осуществлению своего плана: через каждые две пяди завязал на веревке узлы, аккуратно сложил ее и прилег. Он не надеялся на поддержку друзей, и ему надо было отдохнуть.

До восхода луны еще оставалось время. А немцы, наверное, привыкли к тому, что, если они не высовываются из своей берлоги, на них не нападают.

Для маленького горца спуск по веревке не представлял труда. Но, как часто бывает в горах, неожиданно, грозясь дождем, напоззли тучи, подул ветер. Вахо побоялся, что дождь намочит веревку, и решил поспешить. Он посмотрел туда, где остались Тутар и Гуа: ни звука. Тутар спал, карауливший Гуа определенно дремал.

Вахо своих опасался больше, чем немцев: как бы не остановили и не вернули назад. От них всего можно ждать. Он снял башмаки и носки, гранату сунул за пазуху, крепко обвязался веревкой и подался вниз, перехватывая узлы босыми ногами. Скала оказалась отвесной, так что почти вся тяжесть падала на руки. Вахо спускался все ниже, от узла к узлу. Он знал, что, как только скала уйдет из-под ног вглубь, надо достать из-за пазухи гранату и, вырвав чеку, бросить ее в пещеру, в щель над брезентом, через которую немцы видят полосу неба. И пока она взорвется, скорей-скорей полезть наверх; пожалуй, он успеет до взрыва вернуться к своим башмакам. А не успеет, все равно взять его на прицел будет трудно, даже если и сообразят, где он.

Как только внизу над пещерами что-то щелкнуло, Гуа насторожился и ткнул локтем закутавшегося в бурку Тутара. Но, прежде чем Тутар протер глаза, громыхнуло. Тутар взглянул на небо: тут иной раз не так громыхало. Только на этот раз грохот донесся снизу.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Для Штуте этот грохот не был неожиданным. Теперь у него всюду были враги — и снаружи, и внутри. В любую минуту те или другие могли убить его. Кто бы ни стрелял, Ганс был обречен... Сегодня никто не звал сверху пленниц. До каких пор могло продолжаться это молчание? Вообще, до каких пор мог ждать враг? Он убил обер-лейтенанта дальним выстрелом из-за ущелья. Потом, убедившись в осторожности немцев, перебрался на скалу над пещерами и убил Клауса и Альфреда. Вот уже сколько дней и на площадке перед пещерами никто не появлялся. Но до каких пор мог враг подавать воду и ждать? Пора было устраивать вылазку, прорыв, побег. Все сроки вышли... Если ему суждено умереть, он умрет не как предатель, он не хочет, чтобы Даниэль плюнул на его труп.

Звук выстрела, и взрывная волна, вылетевшая из большой пещеры, подбросила капрала. Он ждал, что за взрывом последуют выстрелы, и прижался к скале, отстраняясь от входа, хотел ответить огнем на огонь, но ничего не видел. А стрелять в воздух — значило выдать себя...

Выстрелов не было, только вскрикнули пленницы. Потом стало тихо, и из большой пещеры послышались стоны и проклятия.

Все тонуло во мраке. Штуте стоял и не знал, убит он, ранен или опять уцелел.

«Они попали в пленниц?.. Или осколки срикошетили?.. Нет, граната взорвалась в большой пещере...»

Площадка была пуста.

В маленькой пещере слышался встревоженный шелот девочки. Войдя туда, Ганс почувствовал запах крови.

Пленницы притихли. Они не знали, кто вошел к ним: Ганс, Пауль или свои.

Капрал не шелохнулся и не подал голоса. Если в большой пещере кто-нибудь уцелел, он не должен знать, что Ганс жив.

Оттуда время от времени доносились приглушенные стоны.

Жуткая ночь тянулась бесконечно долго.

На рассвете среди стонов Ганс расслышал свое имя.

— Ганс!

Сначала он решил, что ему показалось.

— И ты убит, Ганс? — словно с того света вопрошал голос, и капрал не узнал, кто зовет его. Кто перед смертью вспомнил предателя?

В пещере все еще было темно. Ганс одеревеневшими ногами шагнул к выходу, прижался к скале и оглядел площадку. Никого.

Он прислонил автомат к скале и безоружный, с дрожащими руками, пошел к брезенту.

— Входи... Кто бы ты ни был — входи!
Даниэль звал Ганса, и Ганс должен был прийти ему на помощь, но был ли там еще кто-нибудь, молчащий?..

— Заходи... — простонал бедняга. — У меня к тебе дело!
Ганс, впуская свет в пещеру, поднял изорванный брезент.
Никто не стрелял. Было душно, и пахло кровью. Он вошел, наклонив голову. Сперва у скалы заметил сидящего на корточках солдата, хотел крикнуть — не стреляй! Но Иоган был мертв.

— Есть кто живой?
— Нет, — ответил голос из глубины пещеры.

— Даниэль!
— Я мертв, Ганс!

— Что с тобой? Ты ранен?
— Убит...

— Куда ты ранен, Даниэль?
— Везде — в живот, в ногу, в руку.

Штуте присел над ним на корточки.
— Ганс!

Ганс молчал.
— Скажи что-нибудь...

— Что сказать?
— Скажи, за что ты сделал это со мной?

Сердце у Ганса остановилось на мгновение, но все-таки он дотянулся до умирающего, повернул лицом к себе.

— Даниэль! Что ты говоришь, Даниэль!
— Скажи, Ганс, за что?

— Даниэль, и ты? В бога ты не веришь, Даниэль! Нет для тебя ничего святого!
— Нет! — сказал Даниэль и покачал красной в крови головой. — Нет бога!

— Даниэль!
— Скажите, что вам нужно было от меня? За что?

— Мне, Даниэль?
— Тебе... Тебе... Да, тебе... конечно, тебе, а кому же!

Ганс не мог ничего сказать.
— Скажите, ответьте, за что приволокли меня сюда, пытали голодом и жаждой, за что разорвали меня в клочья? Говори!

— Я?
— Ты, ты, Ганс. Что ты ответишь моим дочерям?

— Даниэль, вспомни о боже!
— Где бог? Как я его вспомню? Нету бога, Ганс. А ты человек. И от человека я требую ответа — за что?

Ганс опустил голову. Он и сам жаждал ответа на этот вопрос. Стены пещеры, исцарапанные осколками, безмолвствовали.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Видимо, пленницы узнали, что в большой пещере не осталось в живых никого, кроме Даниэля. До этой минуты они старались исчезнуть, ступать, слиться со скалой, только бы не напомнить немцам о своем существовании. Теперь Ганс услышал, как маленькая горянка о чем-то горячо просила женщину. Штуте знал, что ночью одна из пленниц была ранена. И когда раздался отчаянный крик Таджи: «Помогите» — он бессознательно повернулся и пошел. Выходя из пещеры, он задел головой брезент — в пещере опять стало темно, но Даниэлю теперь было все равно.

— Помогите! — с мольбой повторила девочка, когда Ганс вошел к ним. Штуте подошел поближе. Голова Гуцы лежала на коленях у девочки.

Гуца была без сознания, видимо, это и напугало девочку. Рана на ноге выше колена обильно кровоточила.

Ганс посмотрел на лежащие в углу пустые котелки и беспомощно развел руками. Потом сказал:

— Встань!

34736340
2020.09.09.033

Девочка положила голову Гуцы на бурку, привстала. Немец, казалось, не мог решиться на что-то.

— Что мне делать? — крикнула Таджи. — Скажи!

Штуте посмотрел на раненую, потом перевел взгляд на Таджи и кивнул головой на выход: ступай, мол, позови своих.

— Гуа! — крикнула девочка и бросилась из пещеры. — Гуа!

— Гуа-а-а! — загудели ущелья.

На востоке занималось зарево восхода.

— На помощь, Гуа! Скорее! Скорее!

Вернувшись в пещеру, она увидела, что у Гуцы едва заметно вздрагивают побледневшие губы.

— Таджи! — послышалось снаружи.

— Скорее, Гуа, скорее! — выдохнула перепутанная девочка и опять выбежала вон из пещеры.

Сверху по веревке, с ружьем за спиной и хурджином на шее спускался Гуа.

— Обе живы? — спросил сверху Тутар.

— Скорее, скорее! — ответила Таджи.

— Скажи, наконец, что там стряслось! — взмолился Вахо.

— А ты помолчи! — прикрикнул на него двоюродный брат. — Помолчи, пока цел!

Гуа прыгнул на площадку и побежал к пещере.

В пещере было сумрачно. Он невольно задержался у входа.

— Сюда, Гуа, сюда! Здесь мы!

Гуа шагнул вперед и остолбенел. Ему показалось, что в пещере сидит кто-то в немецком мундире.

— Ну, чего стоишь? — послышалось опять, но Гуа не отрывал глаз от капрала и не мог ступить ни шагу.

Таджи подбежала к нему и завела в пещеру за руку, но он, вывернув шею, все смотрел на немца.

— Это Ганс! — сказала девочка таким тоном, словно этот Ганс был их родственник или старый знакомый.

Безоружный солдат молча смотрел на вошедшего.

— Кто?

— Ганс!

Гуа не мог понять, почему на нем немецкий мундир, если Таджи так прозвонит его имя.

Он присел на корточки возле больной и все-таки оглянулся.

— Ну, что ты? Куда смотришь?

Но Гуа все озирался и, заметив прислоненный к стене автомат, обернулся. Немец потянулся за автоматом. Гуа резко обернулся, шаря рукой за спиной, где он положил ружье. Немец вышел из пещеры, волоча автомат как лопату.

— Ты чего испугался? — удивилась Таджи.

— Нам нужна вода, — проговорил Гуа, с трудом переводя дух.

— Да, верно, вода! — повторила Таджи, оглядываясь.

Ко входу в пещеру подошел безоружный немец.

— Ганс, воды! — крикнула девочка.

Гуа не поверил своим глазам, когда немец вошел в пещеру, взял котелок и пошел за водой.

Или он не был немцем?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Даниэль не дожид до восхода солнца...

От куска сала, который Гуа дал Таджи, Гансу отрезали долю. Сегодня он и воды попил вволю. Теперь надо было собраться с силами, чтобы вечером похоронить пятерых солдат и, поселив их в вечной обители, подумать о себе, если он в состоянии будет думать.

Раненая лежала, повернув голову к выходу из пещеры. Площадка перед пещерой была залита солнцем. Пленниц до того замучило их заточенье, что они с жадностью смотрели на солнце. У входа в пещеру стоял Штуте.

— Ганс!

— Слушаю, фройляйн...

Гуа долго смотрела на немца, но так ничего и не сказала.

— Я слушаю, фройляйн! — повторил Ганс.

— Что, Гуа? — Таджи заглянула ей в глаза.

Раненая покачала головой: погоди.

Взгляд Гуцы удивил Таджи. Она тоже посмотрела на неловко стоявшего у входа Ганса.

Он теперь не казался таким высоким, как при первом «знакомстве», да им показалось, что он слегка закидывает голову при ходьбе, теперь же он сутулился. Глаза у него запали, а вокруг глаз обозначились морщины.

— Снимите шапку, Ганс!

Штуте не понял, зачем понадобилась раненой его шапка, но снял и протянул.

Гуца покачала головой.

— Вы сейчас не видите себя.

— Нет, фройляйн.

— И слава богу! — Гуца отвела взгляд.

— А что со мной, фройляйн?

Ответа не было.

Немец совершенно поседел.

ГЛАВА ПЯТАЯ

На широком выступе скалы под двугорбой вершиной, по другую сторону ущелья сидел парнишка с ружьем на взводе. Внизу под собой он видел заросшую мхом поляну, спускающуюся со скалы к роднику извилистую тропку и почти всю площадку перед пещерами. Укрытие над пещерами ему не было видно, но он точно знал, где оно.

Парнишка казался усталым и грустным. Он не спал с той минуты, как ночью услышал взрыв. На рассвете до него донесся крик — он узнал звонкий голос Таджи и вскоре увидел ту, ради которой поднялся сюда, в туры скалы.

Потом сверху на площадку по веревке спустился Гуа. Значит, немцы были перебиты до единого. Но тут на площадку вышел солдат в зеленом мундире. Аби не верил своим глазам: по тропинке к роднику спускался немец.

После злополучного выстрела, когда Аби убил нерешительно вышедшего из пещеры солдата, он не раз видел этого немца. Тогда, увидев, как переполошились Тутар и Гуа, Аби поспешно переменял место и избежал встречи с ними. И с тех пор он с удивлением наблюдает, как этот немец то ходит за водой, то роет могилы, и не может понять, друг он или враг.

К полудню он увидел, как на площадку, чуть не съехав по веревке, спрыгнул Вахо. Затем были спущены завернутые в бурки ружья и хурджины, а веревка сброшена. Видимо, Тутар пошел в обход тем путем, каким они взобрались на скалу. Гуа и Вахо скрылись в пещере.

Солнце поднималось все выше, заглянуло даже в ту щель, где прятался Аби Нанскани, а он все смотрел и смотрел, хмуро, не понимая, что происходит.

Вот все вышли из пещеры, вынесли кого-то завернутого в бурку, наверное, учительницу. Кое-как донесли до края площадки и опустили на землю — дальше невозможно было нести втроем.

Погодя к ним подошел немец, поднял бурку и пошел вниз. Один из мальчишек шел впереди. Остальные следовали сзади.

Тропинка едва уместалась в уступе скалы, и идти прямо с грузом на руках было невозможно. Немец пошел боком, осторожно, при каждом шаге нащупывая землю. Шедший перед ним Вахо сбрасывал в пропасть ненадежные камешки. Они приближались к повороту, который трудно было пройти даже с пустыми котелками.

Аби Нанскани недоуменно наблюдал это шествие, когда до него донесся цокот копыт из ущелья. Звук стих, потом послышался снова, заметно ближе.

У размытого поворота немец присел, протянул руку шедшему впереди Вахо, спустился, потом выпрямился, прижимаясь спиной к скале, и опять пошел боком.

Цокот копыт раздался совсем близко, и наконец из ущелья на лужайку у родника вырвался вороной конь с всадником на спине, за ним легким галопом шла белая кобыла, и, горячась, толкал ее грудью рослый жеребец. Они с ходу перенеслись через могилы на лужайке, пронеслись мимо родника и, не найдя пути дальше, закружились на месте.

Всадник спешился.

Шедшие по тропинке к этому времени еще не спустились вниз. Парень связал коней уздечками и удивленно уставился на немца, несшего на руках раненую учительницу.

Как только тропинка кончилась, немец устало опустился на колени. Раненую осторожно положили на землю. Гуа подвел к ней белую кобылицу. Ко-

36036920
19-111033

былица подогнула ноги и легла на брюхо. С раненой сняли бурку, посадили верхом и на всякий случай привязали к седлу.

Гуа поднял кобылу и осторожно повел. На черного коня вскарабкалась Таджи, но брат не доверил ей уздечку. Горячего жеребца оседлал Вахо и, саданув его пятками, обогнал всех.

Там, где раненую посадили в седло, опустившись на одно колено, стоял немец. Он стоял, похожий сверху на высохшую корягу, и смотрел вслед удаляющимся всадникам.

Вахо хотел дождаться своих, но не утерпел, припал к гриве жеребца и опустил повод.

Остальные медленно, очень медленно следовали за ним, обессиленные, опустошенные, измученные вконец. Назад никто не оглядывался. Только раз, у поворота оглянулась раненая и следом за ней девочка.

А немец все стоял и стоял на месте, словно заросшая мхом сухая коряга.

Некоторое время слышался удаляющийся цокот копыт. Потом все смолкло.

На скале за пропастью угрюмый парнишка убрал свое ружье и полез вверх. Он спешил. У реки на лужайке его ждала лошадь, которую он увел у немцев и схоронил в овраге. Горы ничего не теряют, а лошадь без всадника, вернувшись в деревню, могла выдать тайну, которую мальчишки так усердно скрывали.

Внизу в ущелье шумела река. Но она болтала о своем.

Горы не доверяли ей своих тайн.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В Сванети не помнят, кто из охотников первым после войны прошел по тем тропам и спал в тех пещерах, где разыгралась рассказанная нами история.

Сейчас пещеры пусты. Разве что обнаружишь вязанку хвороста у входа или пепел прогоревшего костра. Но, внимательно присмотревшись, можно разглядеть на стенах царапины от осколков гранаты.

Лужайку у родника завалило оползнями, и старых могил не сыскать.

Я не встречал людей, видевших Ганса после ухода из пещер, но слышал о нем многое.

Невозможно поверить, однако ходят слухи, будто этот немец жив по сей день. Известные охотники утверждают, что не раз замечали на заснеженных склонах следы человека; тот, кто оставляет эти следы, никогда не появляется вблизи деревень, но поднимается на вершины, доступные немногим охотникам.

Видно, чужеземец хочет вырваться из плена гор и вернуться на родину. С поразительным упорством и отвагой сражается он со скалами и пропастями, но тщетно... Старые охотники считают, что тут не обошлось без богини Дали: Дали сбивает чужеземца с пути и норовит сбросить в пропасть, но чужеземец знает горы, и погубить его трудно...

Слышно, будто каждый год находят новые следы. Отверженный и стокскававшийся по родине чужеземец не сдается, однако сваны сомневаются, чтобы ему удалось уйти, ибо заступница и властительница гор немилосердна...

А в деревнях, прилепившихся к кручам, и сегодня можно услышать зычную сванскую песню о каком-то чужеземце по имени Гансаи.

Перевод Александра ЭБАНОИДЗЕ

●
 Роман
 ●

За все время, что мы знаем друг друга, я впервые вижу его веселым. Он одобряет товарищей улыбкой, добрым словом, шуткой. Он счастлив, он смеется, смеется под пулями и минами, словно не понимая, что мы обречены. Он радуется так, будто бы исполнилась его заветная мечта и для него все уже ничем. А быть может, он верит, что мы сумеем прорваться?

— Эй, друг, — весело кричит он мне, — становись вон там, возле Саванели! Теперь уже мы расплатимся с ними сполна!

Из развалин, где гитлеровцы продолжали завершать очистку кантона, все еще доносились одиночные выстрелы.

Затем немцы пошли в наступление на нас и после третьей попытки окопались. Берошвили скомплектовал два отряда во главе с Шашниевым и Сергеем Петровичем и послал их в контратаку. Но для того, чтобы отбить немцев, нас было слишком мало.

— Эх, черт побери! — досадовал Берошвили. — Еще бы одну роту!

На нас полетели снаряды. Стена — наша защита и спасение — разваливалась. Позади поле, поляна на опушке леса и пропасть. По-видимому, немцы собираются оттеснить нас и сбросить в ущелье. Посыпались мины. Прижавшись к земле за грудами камней, мы приготовились к последнему бою.

10

Солнце заходит. Ложатся густые тени. На нас накатываются новые и новые волны гитлеровцев, подгоняемых Фельдом. Атака следует за атакой... Выстрелы, взрывы, гудение огня. Уже совсем близко орут унтер-офицеры:

— Ауф! Ауф! Марш-марш!

Мы отходим, отчаянно цепляясь за каждый кустик, кочку, бугорок. Нам уже не задержаться, нас вот-вот столкнут в ущелье. Кто-то сказал, что Артуро ушел за подкреплением, но помощи все нет.

А Фельд подтягивает новые силы. Бешеная атака на наш левый фланг, Асланбек, Нико Саванели, Илья Меликов, Шашниев и Маслов чуть не попадают в окружение. Все перемешивается, и уже трудно различать, где свои и где чужие, но мы еще держимся. Фельд не очень дорожит своими солдатами —

Окончание. Начало в №№ 9, 10, 11.

на поле боя обрушивается шрапнель, от которой гибнут не только наши, но и гитлеровцы.

— Ни шагу назад! — кричит Берошвили.

Он совершенно спокоен, пожалуй, еще лучше владеет собой, чем в начале схватки. Или на что-то рассчитывает? Но на что можно рассчитывать? Только стремительный отход может спасти нас. Но куда податься? Позади поросшее лесом ущелье, которое, скорее всего, занято фашистами.

Вот уже гитлеровские солдаты перепрыгивают через обломки стены, то там, то здесь завязывается рукопашная. Мы прижаты к самому обрыву. Берошвили по-прежнему кричит, чтобы мы не отступали, пусть сперва отойдут женщины и дети. Если немцы захватят их здесь, деревни, откуда они, будут сожжены.

Висим на волоске. Вроде бы достаточно щелчка, чтобы мы рухнули в пропасть. И все-таки держимся. Нас совсем мало, но зато все уцелевшие пулеметы собраны на этом клочке земли. А пулемет, да еще счетверенный, мощное оружие, особенно в руках Саванели! Он накрепко прижимает атакующих солдат к земле.

Но, повинувшись окрикам, они поднимаются, и тут пулемет Нико предательски смолкает. Нико лихорадочно возится с ним. Берошвили кидается к Нико и остервенело трясет пулемет, яростно молотит по нему кулаками. Пулемет, словно перепугавшись, снова начинает работать. Ваню бросается к другому пулемету, занимает место погибшего пулеметчика и нажимает на гашетки. Немцы снова залегают. Они совсем близко, даже в сумерках можно различить их защитного цвета куртки и стальные шлемы.

— Глянь-ка, и эти мерзавцы здесь, — хрипло кричит Берошвили.

— Кто?

— Гимельблау и Байдингер!

Я и в самом деле вижу знакомые тусклые рожи.

Берошвили, Саванели и Асланбек отбиваются, стреляя из пулеметов. Макс Финке, поднявшись, швыряет гранаты. Я готов кричать от охватившего меня ликования.

Сквозь грохот взрывов и трескотню пулеметов слышится голос гаудтмана Гартмана. Я вижу его. Наверное, и Гассель здесь! Вурдалаки!

Обмякнув, я тупо гляжу перед собой. Что они будут вытворять, если мы попадем им в лапы?! Перед глазами моими вертятся огненные колеса. Мне знакомо это состояние, но не умею справляться с ним. Это какие-то припадки помутнения разума. Они у меня бывают после пыток в концлагере. Я испытываю животный страх, вижу какие-то видения, реальность перемешивается с галлюцинациями, и невозможно бывает различить их...

Гитлеровцы бегут на нас. Вон мелькает тыквоподобная голова Гартмана, вижу я и оловянные глаза Гимельблау, наглую морду Байдингера. Неужели они уцелели под таким огнем?.. То ли я сам, то ли кто-то другой кричит мне: «Мразь, трусливая мразь! Червяк! Слякоть!»

Перед глазами мельтешит грязно-зеленая масса. Будь проклят этот цвет — цвет нашей горечи!

Рядом тарахтит пулемет. Наверное, это Берошвили.

Уцелевшие по приказу Берошвили один за другим отползают в лесные заросли. Над пропастью осталось лишь несколько человек. Я как в дурмане — ничего не различаю. Потом вдруг вижу на поляне толпу мечущихся людей. Искженные ужасом лица женщин, детей. Мелькнула чья-то широкополая шляпа. А вот жукевильский нотариус, цирюльник, кузнец... Стреляет и стреляет пулемет Берошвили.

Злобные хари Гимельблау и Байдингера разрастаются, разрастаются, разрастаются и, расплывшись, застилают собою все...

— Прыгай! — кричит Берошвили. — Прыгай!

Но я не двигаюсь, ничего не вижу, ничего не соображаю. Надо стрелять, но где мое оружие? Прыгать? Куда? Нет, я должен до конца быть рядом с Берошвили!

Чья-то горящие безумием черные глаза, отчаянная ругань. Толчок! И я лечу куда-то...

Я без сознания, но все равно цепляюсь пальцами за какие-то кусты, камни, ищу в мглистой бесконечности хоть какую-то точку опоры...

Падаю на что-то, вскакиваю... Жив! Жив! Бегу опрометью. Кто-то гонится за мной со злобным хохотом. В ушах гулко бухает все приближающийся топот ног. Я знаю, что это Гимельблау и Байдингер. Перед глазами все смутно, расплывчато... И все-таки я бегу, петляю, бросаюсь из стороны в сторону, чтобы не попасть под прицел.

То ли бред, то ли явь...

Угрюмые горы надо мной гудят, плывут, качаются...

Бурное течение сбивает меня с ног, волны яростно хлещут в лицо, увлекают за собой, волочат по камням. В отчаянном усилии напрягаюсь и вырываю за нос. Над водой со свистом стелются пули.

Я уже совсем обессилен, но двигаюсь все дальше и дальше. Передо мной вздымается скалистый островерхий утес — суровый, безучастный, неприступный. Обдирая в кровь руки и колени, с упрямством одержимого карабкаюсь вверх. Выше, еще выше... Больше не могу! Я прижимаюсь, как пригвожденный, к голому каменистому откосу. В ущелье, многократно повторяясь, гремят выстрелы. Пули цокают о гранит, разбрасывая вокруг осколки камня.

И на меня вдруг нисходит спокойствие. Все, конец, спасения нет, а умирать — совсем не страшно. Сколько раз за эту войну я уже умирал, но оставался жив. Однако теперь действительно все кончено. Да, умираю на чужой земле, в неведомом ущелье... Именно здесь, на этом откосе все закончится. Судьба. По ее велению я повис, как мишень, на этой голой скале, в то время как вокруг леса, в которых легко укрыться. Совсем близко, метрах в двух надо мной, скала нависает выступом. Добраться бы до него, и я спасен. Но руки и ноги меня не слушаются.

А пули все свистят и свистят, и я слышу их, как сплошной пронзительный вой.

Медленно-медленно ползут минуты, и все еще не пришла та, последняя, которая перейдет грань бытия — небытия. Приди же скорее, моя избавительница, моя спасительная пуля! Но пули продолжают обходить меня стороной...

Передо мною вновь всплывают Гимельблау и Байдингер. А что если они намеренно не целятся в меня, чтобы захватить живым? Какая-то новая сила рождается в руках и ногах. Надо добраться, во что бы то ни стало добраться до выступа! Но как?... Голоса становятся все слышнее... И вдруг тело мое, будто его подталкивает кто-то, начинает удиткой всползать по скале, пядь за пядью одолевая отвесный каменистый склон. Еще, еще совсем немного, и вот он — выступ! Я валюсь на площадку пластом, ничего не видя, ничего больше не ощущая...

Снова крики вдали,
Поднимаюсь.

Стрельба внизу продолжается. Значит, гитлеровцы переправились через Биор и идут за нами. Вот уже все ущелье оглашается дикими выкриками и стонами. Это каратели выскивают по балкам и лощинам людей и хватают одного за другим.

Я принимаюсь шарить по карманам, кажется, нащупываю подаренное Иветт распятие, а в другом обнаруживаю свой вальтер.

Все слышнее разноголосый гул, все явственнее выкрики — каратели перекликаются, словно охотники, травящие зверя. Временами доносятся душевраздирающий вопль — где-то кого-то схватили.

Только бы не попасть в руки врага! Я вскидываю руку с пистолетом к виску... Но нет, я не нажимаю на спуск. Нет, еще успеется. Ведь скоро наступит ночь, а ночью гитлеровцы уйдут из ущелья. Убежище у тебя надежное, потерпи, и ты спасешься...

Опустив пистолет, ложусь. Но слышится шорох. И будто бы кто-то приглушенно смеется. Катятся камешки... Снова передо мной Гимельблау, Байдингер... Все. Я вскидываю вальтер, нажимаю на спуск. Щелчок. Выстрела не слышно. Или его уже нельзя услышать?

Прихожу в себя, меня бьет озноб. Руки и ноги дрожат, голова дергается, зубы лязгают, на лице вздрагивает каждый мускул. Тупо изучаю вальтер. Он разряжен, в нем нет патронов.

Кто-то продолжает ползти или красться поблизости от меня, слышится шепот, но я не разбираю слов и в отчаянии колочу себя по голове рукояткой пистолета.

Однако галлюцинация продолжается. Знакомый голос произносит мое имя. Я пристально вглядываюсь в темноту и вижу Эду. В руках у него карабин.

— Стреляй, стреляй в меня! — кричу я, приподнявшись.

— Санта Мария! Что с вами?! — чуть не плача, шепчет Эду.

— Стреляй! Я призываю тебе — стреляй!

— Господи! Что с вами?

— Стреляй, трус! Я не хочу попадать им в руки живым!

Эду это или галлюцинация?

— Они далеко, — говорит Эду. — Только двое из них перебрались на эту сторону.

— Я не должен попадаться им в руки живым!

— А я? — спрашивает он.

— Прости меня!..

Я снова валюсь на камни.

Спускается тьма. Выстрелы слышатся реже и реже. Где-то вдаль грохочут врывы, а здесь тишина, нарушаемая лишь рокотом реки. Рядом журчит родничок. Я наклоняюсь к нему и жадно пью. Потом пригоршнями плещу в лицо водой. Смотрю вниз, в черную бездну. Как я сумел подняться сюда? Мне стыдно теперь за свое малодушие, и я не могу поднять на Эду глаз. Машинально обшариваю руками карманы, ищу распятие, но его нет. Наверное, где-то обронил, и мне только казалось, что оно со мной.

Разорвав тишину, над горами снова прокатываются выстрелы.

— Это Артуро! — звонко кричит Эду и бросается обнимать меня. Бедный мальчишка, он столько уже навидался, что мое сумасшествие не испугало и не удивило его.

Ущелье оглашается все более громкой перекличкой, подхватываемой многоголосым эхом.

— Мандолин!

— Морис!

— Жаклин!

— Эду-у-у!

— Вахта-анг!

— Ау-у-у!!!

— Я Вербе-е-ер! Жду тебя у плакучей ивы!

Мы с Эду бросаемся на голоса.

11

За рекой мы нашли Фернана и еще несколько человек. Они радостно встретили нас и тут же примолкли. Фернан был глубоко подавлен и, даже увидев нас, не открыл рта.

Мы долго молчали. Потом Фернан разослал нас отыскивать уцелевших людей. Мы шарили по оврагам и балкам, продирались сквозь заросли, кричали, аукали, свистели.

Я звал своих по именам, кричал в темноту. Но мы нашли только пятерых перепуганных насмерть ребятешек и двух женщин. После пережитого они прятались даже от нас и не хотели покидать своих укрытий.

Было уже за полночь, когда мы двинулись вслед за Фернаном вдоль реки к месту своего будущего лагеря. По дороге продолжали звать товарищей. И когда, перейдя Вюор, мы стали подниматься в горы, нас было уже двадцать.

Горы были изрезаны овражками, и поэтому мы решили разбиться по двое по трое, чтобы лучше прочесать местность.

Отряд растянулся. Мы шли балками, поэтому я то видел своих спутников, то они терялись в темноте. Чтобы не сбиться с пути, окликали друг друга.

Оставшись один, я почувствовал неизъяснимое блаженство. Полной грудью вдыхая ночную свежесть, шел легко и свободно, словно в невесомости. Казалось, будто вселенная ласкает меня, как сына, и я ощущал себя ее неотделимой частью. Так воспринимаешь все, вернувшись из небытия. Я словно впервые открыл себя и был исполнен великой радости от этого удивительного открытия. Меня опьяняла заново обретенная жизнь, которая казалась мне изумительно прекрасной. Я с благодарностью вдыхал запах земли, прислушивался к звону сбегавших по кручам ручейков, как брат приветствовал мерцающие в небе звезды. И до чего согревали меня доносившиеся с разных сторон то громкие, то приглушенные расстоянием голоса друзей, подтверждавшие реальность моего существования!

— Ау, отзовитесь, ребята!

— А кто ты?

— Нико я, Нико Саванели!

— Пошли тебе бог счастья, дорогой!

— Нет ли там еще кого из наших?

— Нет, не видать пока.

«Ух, чтоб мне пропасть! Значит, Нико Саванели жив! Вот это парены! Чуть не сросся со своим бешеным пулеметом и остался-таки жив!..»

В ушах снова гудит. Нарастает тяжелый топот вперемежку с хриплой руганью, лязгом железа, зычными выкриками: «Ауф! Ауф! Марш! Марш!..» Передо мной снова мутные волны, и над головой стелются пули... «А остальные? Где же остальные?» Я снова, прикинув к каменистому склону, с мольбой взываю о смерти... Потом... Нет, нет, ничего не хочу вспоминать! Всего остального не было! То не явь прошлого, а кошмар, видение помутненного разума.

Справа, на другой стороне оврага, громко хлопая крыльями, поднялась большая птица. Я повернулся... и у меня перехватило дыхание — по склону,

медленно вырастая над кустами, шел Ваню Берошвили. Я невольно зажмурился. Нет, никаких сомнений, это действительно он, Ваню Берошвили, в драной шинели, с подоткнутыми полами...

Я пошел быстрее, потом припустился бежать. Он шел споро, ясно, когда поднимался на гребень, и теряясь, смещиваясь с темнотой, когда спускался в овраги.

Сердце неистово колотилось. Я догнал Ваню. Наконец мы оказались совсем рядом.

— Ваню! Это ты?!— завопил я, но почему-то не услышал своего голоса.

— Я, брат, я.

Спокойное, словно умиротворенное лицо его было черным.

— Я не верю глазам своим! Неужели это ты?

— А что могло со мной приключиться?

Снова в ушах моих стучат сапожища, снова повсюду стреляют. Неумолчно лают словно взбесившиеся пулеметы... Ауф! Ауф! Марш! Марш!..

— Кто же мы в конце концов — победители или побежденные?— спрашиваю я.

— А что же мы могли еще сделать?

— Как что? Разве мы не отступили? Мы же позорно драпанули!

— Ну, нет, брат, наши, что ни говори, молодчаги! Ты разве не видел, скольких мы перебили?

— Эх, проклятье! Никак мы не отомстим им за все.

Берошвили только молча передернул плечами. Он дышал тяжело, прерывисто.

Я злился на себя, нес какую-то чушь, в то время как мне надо было сказать ему что-то очень важное. Но это важное куда-то ускользало, не давало за себя ухватиться.

Я шел молча, а когда снова поднял голову, Берошвили уже не было. Овраг раздался вширь, и противоположный склон отодвинулся далеко. Я стал звать Ваню, но его словно земля поглотила. Как же он оставил меня, ничего не сказав?

Ущербная луна светила мертвенным светом, и все вокруг казалось безжизненным.

...Я бежал, запыхавшись, не сводя глаз с противоположного склона. Передо мной ложились тени великанов-деревьев, мелькали холмики, темные кустарники. Тройка то выявлялась, то исчезала в предутреннем мраке.

Я уже изнемогал, сердце стучало, как кузнечный молот, в глазах рябило, и тут из-за какого-то холма всплыла голова Ваню. Он шел, не оборачиваясь. Но вот остановился, припал губами к родничку, потом с шумом вздохнул и стал спускаться со склона мне наперерез. Теперь мы шли плечом к плечу, и я отчетливо различал его энергично очерченный профиль. Всегда молчаливый, он был сейчас совершенно неприступен и непроницаем. Он, конечно, видел меня, но не хотел глядеть в мою сторону. Однако мне невозможно было молчать.

— Ваню, скажи мне, ты правда знал все наперед?

— Да, знал,— пробормотал он, не глядя на меня и не подымая опущенной головы.

— Значит, тебе кто-то сказал?

— Нет! Никто ничего мне не говорил. Я сам знал.

— Не пошли ты Саванели и Петровича в дозор, ни одному из нас не выбраться бы из Жукевиля!

— Да что толку говорить! Все равно мы оплошали! Беспечность, брат, беспечность!

— Но почему ты не прыгнул вниз? Ведь Гимельблау и Байдингер были совсем близко?

— Э, пропади все пропадом! Они загнали нас в тупик. Надо было выстоять! Вот-вот должен был подойти Артуро с подкреплением. Откуда только взялись женщины с ребятами!

— Нс зачем ты меня столкнул? Что же получилось? Я оказался виновным перед тобой! А ведь пока мы были рядом, меня и страх не брал.

— Это было уже ни к чему.

— Сколько же наших осталось навсегда в этих горах?

— Много, много... Все отличные ребята, и все они со мной.

— С тобой?

— Ну да, со мной.

— Да, отвели свои подлые души Гимельблау и Байдингер!

— И мы неплохо отвели душу. Сколько фашистов положили!

На его потемневшем лице обозначились глубокие черные борозды. Он хмуро повел взглядом по сторонам, отвернулся от меня и зашагал вверх по ущелью. Затылок у него багровел, на спину стекали алые струйки.

— Ты весь в крови! — крикнул я.

— Не в крови, а в огне! — ответил он, продолжая уходить.

Я тащился уже из последних сил, а тут еще ноги натирало забившимися в ботинки камешками. Пришлось присесть и переобуться. Когда я поднялся, меня охватил страх — показалось, что сбился с пути.

Снова впереди мелькнул Ваню Берошвили — он шел, спускаясь по склону...

Кто-то спрыгнул сверху.

— Ты чего не откликаешься? — услышал я голос Фернана. Кто-то другой встряхнул меня за плечи.

Я очнулся. Рядом со мной стоял Эду.

— Нам уже недалеко, — сказал Фернан. — Теперь надо идти вместе и двигаться как можно быстрее, чтобы к утру добраться до места.

— Вы Берошвили не встречали? — спросил я.

— Нет, — безразлично ответил Фернан.

— А мы с ним столкнулись, поговорили, потом он куда-то пропал...

— Верно, сбился с пути. Ничего, в Сан-Жюльене встретимся. Там нас уже многие, должно быть, ждут. Мы, по-моему, идем третьими или четвертыми.

Было за полдень, когда нас разбудили и собрали на просторном лугу близ дороги. От двух тысяч человек осталось не более двух сотен, в большинстве женщины и детей. Из наших здесь были Сергей Петрович, Фома, Шашниев, Нико Саванели, дядюшка Савва, Макс Функе и еще человек пять-шесть. Из вожаков пока не было видно никого — ни Берошвили, ни Энвера, ни Гамрекели. В нашей роте недосчитывалось более ста сорока человек.

Неизвестно как доковылявшись сюда на костылях, Саванти бродил по лугу, скорбно покачивая головой, — он составлял списки оставшихся в живых и пропавших без вести. Возле фамилии Берошвили он сделал пометку, узнав от меня, что мы с Ваню вместе выбрались минувшей ночью из ущелья Виора, а потом потеряли друг друга.

Женщины принесли нам горячее мясо, хлеб, вино, но кусок не лез в горло. Да и места эти нам не нравились — деревня стояла у самого шоссе, была открыта всем ветрам, а нам хотелось поскорее забраться куда-нибудь в глушь.

Во время обеда подошло еще несколько наших товарищей. Крестьяне успокаивали нас, уверяли, что появятся еще многие, они, видимо, плутают по близким деревням.

Когда с обедом было покончено, Фернан и Артуро объявили, что разведывательная группа из четырех человек должна будет пойти в Жукевиль — разузнать, что там делается, и подобрать на обратном пути заблудившихся товарищей. Поскольку в разведку набрали добровольцев, я попросил, чтобы послали меня. И вот Нико Саванели, Шашниев, Эду и я вооружились автоматами, гранатами и двинулись в сторону Жукевиля.

12

Я убедил товарищей пойти тем путем, которым добирались сюда. Я очень хотел отыскать Ваню Берошвили, который, по-видимому, действительно заблудился.

Следовало соблюдать крайнюю осторожность: немцы никогда не оставались на ночь в районе операций, но поутру обязательно, как требовал того их «Устав борьбы с партизанами», либо возвращались туда сами, либо высылали других для патрулирования. Делалось это для того, чтобы партизаны не возвращались на старые места. Но, кроме немцев, можно было наткнуться и на петеноских жандармов. Но меня неодолимо тянуло взглянуть на место вчерашней битвы.

Нико Саванели, увешанный гранатами, с автоматом через плечо, шагал стремительно — мы с трудом за ним поспевали. В этом рыжеволосом, жизнерадостном парне кровь так и кипела. Везде он чувствовал себя как дома, и в горах Аверона ему было так же привольно, как на родном Зекарском перевале. Он переговаривался с товарищами, шутил и смеялся.

Мы порой изрядно отставали от него. Он поднимался на вершину какой-нибудь холма или пригорка, осматривал оттуда окрестности и казался мне неотъемлемой частицей этих суровых мест, утесом, которому неведом страх.

Я совершенно не узнавал дорог, которыми пробирался ночью. Даже не верилось, что мы побывали здесь. При дневном свете все выглядело обычным. Мне все хотелось найти холм, из-за которого в первый раз появился Ваиб Берошвили, но пригорки были безнадежно похожи друг на друга! Повсюду встречались нагромождения поросших мхом каменных глыб, повсюду с гор сбегали ручейки, повсюду были прозрачные ключи. Где уж тут разобраться!

Моему взвинченному, больному воображению вчера представлялось, что все в мире перевернуто вверх дном, что нигде не осталось камня на камне, а сегодня все выделось прежним, все шло своей чередой.

На склоне паслись овцы. Слышалась пастушья свирель. В кустарниках с писком копошились птичьи выводки. Когда мы переходили вброд Виор, выше по течению рыболов забрасывал сеть. Где-то блеяла овца, где-то мычала корова, едали шумела жерновами водяная мельница. Пряно пахли горные травы и цветы. Так и хотелось поверить, что ничего прошлым днем не произошло.

Добравшись до жукевильского дубняка, мы взяли автоматы наизготовку и пошли крадучись, по одному. Мы решили сперва издали понаблюдать за кантоном и постараться увидеть кого-нибудь из местных жителей, разузнать у него, нет ли поблизости немцев или цетеновцев. Однако, когда мы приблизились к деревьям, под одним из которых был похоронен Копаладзе, Нико Саванели не выдержал и выскочил на шоссе. Когда я заметил это, он уже был далеко и махнул рукой, чтобы мы поторапливались. Эду и Шашниев побежали к нему. Чертыхаясь, я пошел за ними.

Они уже почти добрались до расположения нашего разгромленного лагеря, как вдруг остановились, словно оцепенев. Я подошел и сам застыл от ужаса. К стволу огромного дуба был пригвожден бесформенный обрубок чьего-то тела. Вокруг с немецкой аккуратностью были порознь прибиты изуродованная голова, руки, ноги, нос, язык, уши... Пониже на черной доске шла надпись: «Наш подарок французским террористам!».

В молчании постояли мы перед останками своего неизвестного товарища, потом, не сговариваясь, одновременно зашагали дальше, больше не таясь и не думая об опасности.

Стояла тишина. Над обгорелыми развалинами еще курился дым, в воздухе пахло гарью. Вряд ли чужой человек догадался бы, что тут были гостиница, школа, мэрия, кафе. Весь кантон будто перепахали. Сиротливо глядели на нас высящиеся среди развалин догвозьятые печные трубы.

Понурился голова, мы шли по пепелищу, забыв о том, что здесь можно наткнуться на засаду, что к этому оустошенному, но все еще оставшемуся под подозрением кантону могут подойти вражеские отряды.

Уходя, мы приметили несколько частично уцелевших домов. Постучались в один, другой, третий. Вошли, обшарили комнаты, погребя, надворные постройки. Ни души. Кое-где сохранились следы жизни — наполненное водой корыто, крошки хлеба на столе, убитый на привязи козленок. Все мертво. Только флюгер, каким-то чудом уцелевший над развороченной школьной крышей, продолжает хлопотливо вертеться.

Молча зашагали мы дальше, осматриваясь, пытаюсь в последовательности восстановить все, что было. Но в сознании все перепуталось, смешалось. Вчерашнее казалось бредовым сном или случившимся когда-то давно, многие годы назад.

Огибающая кантон дугообразная ограда была сравнена с землей. Изрытый луг усеивали пустые гильзы, пробитые пулями каски и обломки покоренного металла. Они словно напоминали о тщете усилий человека, о его напрасном упорстве.

Мы подошли к последнему рубежу у обрыва. Кое-где на каменной почве еще чернели лужицы стеснувшейся крови, валялись обломки разбитого пулемета. Саванели подобрал кусок металла и задумчиво повертел его перед глазами. Это были «останки» его четверенного «Гочкиса», того, который забастовал и на который с кулаками набросился Берошвили.

Я заглянул в пропасть. Человек, свалившийся вниз, должен был разбиться. Как я уцелел, каким образом перебрался через Виор? Лечу, цепляюсь за что-то руками. Вокруг черные гудящие скалы. Бешеный рев Виора. Лысый каменный утес. Нарастающий топот сапог, и зычные выкрики: «Ауф! Ауф! Марш! Марш!»...

— Посмотри, кто-то из немцев обронил. Уж не Гартман ли? — сказал Саванели. Я очнулся. На ладони у него лежало перламутровое распятие Иветт. Я, ничего не объясняя, взял распятие и спрятал в карман.

Мы снова пошли к центру кантона.

— А немцы-то как? — спросил кто-то.

— Какие немцы?

— Наши пленные. Их ведь заперли в подвале.

Саванели присвистнул.

Мы направились к дымящимся развалинам, спустились в подвал по разрушенной лестнице, распелевывая ногами пепел. Затянутые стены еще дышали жаром.

Из пепла и мусора возникают беззвучные, издевательские улыбки десятка оскаленных ртов. Пол усеян черепами. Я машинально нагибаюсь, беру в руки один из черепов. Он теплый. Из-под широкой лобной кости на меня безучастно глядят черные глазницы.

Ребята разгребают ногами золу, поддевают обгоревшие черепа носками ботинок и расшвыривают их. Не отдавая себе в том отчета, они словно по-пирают смерть, смеются над брэнностью всего сущего, в том числе и над своей собственной.

Я все еще держу череп, с тупым упорством вглядываясь в пустые глазницы, и чувствую себя последним идиотом. Я разглядываю его... Что это дает мне? Разум бессилен, ему не проникнуть в черную бездну. Этот бывший человек и я... Нам не дотянуться друг до друга, мы на разных берегах.

Вдруг замечаю в ушных впадинах остатки черных волос — все остальное обгорело, — и меня пронзает страшная догадка...

— Послушайте, — удивленно произносит Саванели. — Тут их шестьдесят девять...

— А я насчитал шестьдесят восемь! — говорит Эду и начинает пересчитывать заново.

«Наверное, здесь и тот унтер-офицер, который восхищался нашей ловкой проделкой, — почему-то думал я. — Или те, что норовили удрать из Жукевиля? А кто был этот?» — Я снова в тревоге рассматриваю круглый, энергично очерченный череп...

— Да, шестьдесят девять, — недоумевающе говорит Эду.

— Не может быть! Сюда заперли шестьдесят трех немцев.

— Наверное, Стасик засунул в подвал и других немцев, взятых в плен во время боя, — бормочет Эду.

Вдруг раздается женский плач. Мы, вздрогнув, поворачиваемся. У лестницы старая крестьянка и рядом с ней мальчик лет одиннадцати. Мы и не заметили, как они спустились в подвал. Женщина громко всхлипывает, угрирая глаза полой кофты. Мальчик стоит подле нее, глядя на нас широко раскрытыми глазами.

— Санта Мария! До чего мы дожили! Что судил господь видеть моим глазам! — причитает старуха. — Горе вам, сыны мои, горе вам! Оплачьте своих погибших товарищей...

— Каких товарищей?! — вскрикивает Эду. — Это же боши!

— Нет, дружок, это ваши несчастные товарищи!

— Да нет же, матушка, мы заперли в подвале пленных бошей.

Старуха причитает еще горестней.

Мы стоим в растерянности.

Всплакавшись, она рассказывает:

— Мы жили тут вот, подле гостиницы. Когда поднялась стрельба, я, грешная, совсем потеряла голову от страха, носу на улицу показать не смела. А уж потом нагледалась... Наши еще стреляли из гостиницы, а боши, что были заперты здесь, в подвале, видать, как-то сообщили своим. Те прорвались сюда, сбили засов с двери и освободили проклятых душегубов, а потом бросились в гостиницу. Я, как увидела это, такой крик подняла, хоть святых вон выноси, аж охрипла. Да кто б услышал меня в таком аду? Освобожденные боши схватились за оружие и давай расправляться со всеми, кто на глаза попадался. Захватят раненого или безоружного и волокут в подвал. А наши продолжали по ним палить из школы. Тогда боши навели на школу пушку, да всю ее вдребезги и разнесли. А потом выволокли из развалин человек пятнадцать макизаров — они-то сами ведь не сдавались, — связали им руки и сюда, в подвал. Я из них одного признала — невысокого поляка.

— Стасика! — вскричал Эду.

— А последними приволокли нескольких макизаров из русских, избитых, покалеченных. Первым тащили кудрявого красавца главаря. Боши еще пошныряли по кантону, да уж некого было хватать. Только и поймали, что двух женщин, не наших, да вот меня с внучонком. Связали и приткнули тут вот, у стенки... А вечером боши собрались на площади, явился и их белобрысый, длинный, как столб, начальник...

Полковник Фельд!

— Велел он выводить пленных на площадь. Вытащили нас. Потом выволокли поляка и двадцать его товарищей — и поляки там были, и испанцы, и наши французы... Выволокли и давай молотить палками. Санта Мария, свет по-

мерк у меня в глазах. Да солдаты привели меня в чувство — глазами, сказали, получите да другим французам расскажи.. Били их палками, топтали сапогами.. Поляку, бедолаге, все лицо искромсали ножом, но он все-таки успел вылезти в харю этому верзиле.. Измордовали их и волоком стащили обратно в подвал. Так и с другими, замучают до полусмерти, а потом сбрасывают сюда. Последними вывели человек двадцать ваших. Поставили их в ряд, а по самой середке главный стоял, кудрявый, еле на ногах он держался от слабости, а все-таки стоял.. Боши гоготали, ржали. Один, сухой такой да тонкий, как оса, встал рядом с кудрявым и все пихал его кулаком — гляди, мол, гляди..

Гаутман Гартман!

— А как с другими расправились, принялись за кудрявого. Особенно старались два их унтера..

Гимельблау и Байдингер! О, господи, значит, Ваню попался им в лапы!

— Связали ему, мученику, за спиной руки, содрали одежду, свалили на землю и принялись избивать. Всю спину разворотили, орут, матерятся, улюлюкают, а он хоть бы охнул. Какая же это мать вырастила такого сына! Сталь, чистая сталь! А уже когда на несчастном живого места не осталось, его стали топтать сапогами.. Руки и ноги переломали, ударили по голове камнем, и уж не знаю, живого иль мертвого, швырнули в подвал.. И нагледелась же наша земля на людские муки! Дверь подвала замкнули на засов, облили все керосином и подожгли. Боже, как там кричали! А когда гостиница запылала, боши выкатили пушки, стали по пожарищу стрелять. Но долго еще из подвала кричали и кричали.. Меня с внуком отпустили и велели всем рассказывать то, что мы увидели. Собрали они своих убитых, на четыре грузовика погрузили и убрались, разбойники.

Мы стояли, оказывается, в склепе, над останками своих замученных товарищей. Я наклоняюсь и медленно, бережно опускаю в золу череп. Неужели это он, Ваню? Нет, нет, ведь прошлой ночью я видел его. Мы шли оврагом и разговаривали.. Потом он вдруг куда-то исчез, словно бы растаял. Он шел в своей изодранной шинели с подоткнутыми полами и хмуρο глядел на землю, не поднимая на меня глаза. И еще я видел в бледном свете луны, как он напился из родничка, а потом с шумом перевел дух. И зачем только я, растяпа, принялся вытряхивать ботинки, тогда-то я и потерял его, и даже перепугался, оставшись один. Да, но потом он появился снова — выплыл из белесого тумана, вознесся над утесом и исчез..

— Этот ваш кудрявый был женат, сынок? — спрашивает старуха.

Я не отвечаю. Мы стоим повесив головы, и она виновато замолкает, хотя вовсе ни в чем не виновата.

Бывает час, который стоит ста лет. Такой час пережили сегодня и мы. Мы словно состарились, познали тщету всего сущего и стали безразличными и к жизни, и к самим себе. И все же разум мой не хотел смиряться. Я снова и снова вспоминал, смотрел на себя со стороны и судил. Тогда у обрыва я перестал что-либо понимать, мне все мерещились злобные лица Гимельблау и Байдингера.. И Ваню столкнул меня вниз потому, что понял — я не в себе. Как же я виноват! Ведь сохрани я до последнего способность к борьбе, нам, возможно, удалось бы остановить гитлеровцев. Или хотя бы вместе со всеми отойти..

Никто из нас не в силах был произнести и слова. Даже Саванели, кровный брат нашего Ваню по мужеству, и тот молчал.

Шашниев раскрыл табакерку, и мы долго и сосредоточенно скручивали толстенные сигарки. Выкурили их сразу, в несколько глубоких затяжек.

— Пошли! — сказал Эду.

Саванели ударил себя кулаком в грудь, скрипнул зубами и прохрипел.

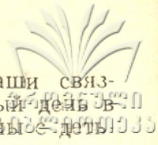
— Постычь бы повадку смерти! Но куда там! Она сама выбирает, кого забрать.

Мы вышли из подвала, и на душе от света дня сразу полегчало. Я поймал себя на том, что размышляю теперь о вчерашнем бое так, как думают, склонившись над игрой в солдатики. Укрепляться, думалось мне, надо бы там, а не тут, наступать с этой стороны, а отходить вон туда..

Под вечер в Жукевиль приехали полковник Родель, Анжо и еще кто-то из руководителей ФТПФ. Появились и спрятавшиеся где-то жукевильский мэр и несколько членов муниципального совета. Собрались крестьяне.

С угрюмыми, ожесточенными лицами все принялись за скорбную работу. Из подвала вынесли шестьдесят девять останков, с опушки леса принесли убитых, сняли и привожденный к дубу растерзанный труп. Похоронили погибших в большой братской могиле, в самом центре Жукевиля.

Анжо произнес короткую речь, закончив ее словами: «Они отдали жизнь за то, чтобы никто из живущих на земле не был несчастным!».

Разбежавшиеся из Жукевиля люди постепенно собирались. Наши связные разыскивали пропавших и, найдя, направляли к нам. На пятый день в Сан-Жюльене собралось до четырехсот человек, в большинстве женщины и дети. Ми, боявшиеся возвращаться домой. И это из двух-то тысяч!

Уверенные, с посережившими лицами люди собирались небольшими группами и, вспоминая, тихо беседовали. Громче других звучала французская и испанская скороговорка. А наши ребята совсем приуныли, их было и вовсе не слышно. Держались молодцами только Гамрекели и Энвер. Они всю старались ободрить ребят.

Жители окрестных деревень безвозмездно снабжали нас, тащили и тащили в лагерь хлеб, мясо, сыр, пиво. С продуктами у них было не очень-то густо, но для макизаров им ничего не было жаль.

Штаб разместился в доме мэра, там же поселились Гамрекели, Энвер и я,

По бедности ни у кого из жителей не было радиоприемника, кроме мэра, да и то устаревший, но слушать последние известия все-таки можно было. И по вечерам в домик мэра набивалось множество народу. Слушали Би-Би-Си. Через эту станцию макизары получали боевые указания. А нам иногда удавалось поймать и Москву. Услышав родные голоса, мы замирали от волнения и забывали о том, где находимся и через какие испытания нам пришлось и еще придется пройти.

Там же, в подвале дома мэра, печатались на ротаторе прокламации и нелегальные листки.

Мы узнали, что немцам уже известно наше новое убежище. Жукевильской операции, несмотря на успех, им было мало, ведь шоссевые дороги стратегического значения все еще были во многих местах перерезаны нашими отрядами, а кроме того, макизары удерживали за собой Центральный массив и многие деревни и хутора Лангедока, Тарна, Оверни, что мешало немцам передвигаться из бассейна Роны к побережью Атлантики.

Наша разведка сообщила, что оккупационное командование, не торопясь, готовит против нас новую карательную экспедицию и стягивает крупные силы в Вильфранше.

По автомагистралям, на довольно близком расстоянии от Сан-Жюльена, бесперывным потоком двигались вражеские воинские колонны, ползли танки и орудия. Тем, кто перенес трагедию Жукевиля и мечтал о тихом убежище в дремучем лесу, надеяться на мирные дни не приходилось.

Близость гитлеровцев действовала и нам на нервы, заставляя и днем, и ночью прислушиваться, быть начеку. Но наступления врага в ближайшие дни вроде бы не предвиделось. Скорее всего немцы собрались подготовить операцию особо тщательно, в большом масштабе. Но время работало и на нас.

Однажды вечером в Сан-Жюльен поднялись начальник областного штаба ФТПФ полковник Родель, Анжо и Фернан. До этого они уже побывали в других отрядах. Нас собрали на лужайке перед кузней, стоявшей на краю оврага.

Прежде всего Анжо зачитал нам помещенный в последнем номере партизанской газеты очерк о жукевильской битве, занимавший всю первую половину. Газета восторженно писала о стойкости советских бойцов, отдавая особую дань храбрости и воинскому уменью Берошвили, Гамрекели и Энвера. В очерке подробно говорилось о ходе сражения, о том, как Энвер и Гамрекели уничтожили немецкие танки, о том, что благодаря отваге Берошвили и его соратников были спасены сотни французов — крестьян, женщин, детей... Рассказывалось в газете и о трагической гибели Стасика, Берошвили, всех шестидесяти девяти сожженных в подвале гостиницы. Ваню Берошвили посмертно наградили орденом — Военным крестом с золотой звездой...

После того как Родель и Анжо ознакомили нас с политическим и военным положением и разъяснили все, что касалось развертывания новых боевых действий, мы избрали новых командиров. Ваню Берошвили заменил Гурам Гамрекели. Его заместителем стал Энвер. Командование взводами возложили на Илью Меликова, Сергея Петровича и Фому. Родель и Анжо, уже хорошо знавшие всех нас, одобрили наше решение.

Новый лагерь, новые командиры, новые опасности — жизнь начиналась сызнова, и все, что было пережито, куда-то уходило, тускло, порывалось за повседневными делами и заботами пеплом забвения...

Перевод Маргариты ГРЖЕНДИЦА

В сумерках

Р а с с к а з

КАК раз в ту минуту, когда Владимир входил в здание аэропорта, по радио объявили, что рейс такой-то задерживается на два часа. Владимир не расслышал номер, но, питая свойственное многим недоверие к авиации, подумал:

— Уж не мой ли?

— Вы не слышали, какой номер рейса назвали? — словно откликаясь на его мысли, спросил кто-то, и Владимир прислушался. Но второй голос ответил:

— Нет, не разобрал.

В небольшом зале аэропорта как всегда было много народу. В отличие от публики железнодорожных вокзалов эти люди никуда не спешили. Бывалые авиапутешественники невозмутимостью как бы подчеркивали свою бывалость, на новичков же, видимо, действовало сознание, что коль скоро они уж решились на воздушное путешествие, то все равно доберутся достаточно быстро.

Стайка неправдоподобно загоревших девушек, в которых угадывались жадные до солнца северянки, весело тараторила у колонны, составив вместе ящики с фруктами. Буднично и деловито прохаживались по залу два-три офицера, для которых что юг, что север — не праздник, а служба. Шныряли под ногами неунывающие ребятишки, в мягких креслах полулежа дремали их мамы и бабушки.

Откуда-то из-под потолка раздалось шипенье вновь ожившего репродуктора, и скучный женский голос повторил сообщение о задержке рейса на два часа. Владимир, сверив названный номер с тем, который был указан на его билете, с грустью убедился, что рейс — его собственный.

«Вот спасибо! — подумал он. — Попал в Тбилиси засветло!».

Трудно и досадно на ходу перестраивать заранее составленные планы, особенно когда дело касается такого радостного, праздничного события, как свидание с семьей после почти месячной разлуки. Да, теперь раньше позднего вечера домой не доберешься.

Дочка — самая маленькая в семье и потому общая любимица — будет уже спать, и жена — человек строгих правил, во всем любящая порядок и дисциплину, — ни за что не позволит ее разбудить. И эффекта от подарка не будет. А заказана была дочкой кукла, да не простая, а Непослушная Аленка — отворачивающая и поворачивающая голову в зависимости от того, с какой кашей ложку ей подносят. Медико проснется утром раньше папы и мамы и сама доберется до Аленки.

Что делать, как убить два часа?

В таких случаях неплохо засесть в ресторане, не спеша пообедать и выпить. Но поесть Владимир успел в санатории, где отъезжающих накормили раньше времени. Просто же пить в одиночестве, даже что-нибудь хорошее, было не в его привычке, и Владимир чистил на чем свет администрацию аэропор-

та, совершенно неповинную в том, что в Одессе, откуда должен прибыть самолет, густой туман, или что в Тбилиси, куда он должен направиться, — гроза. Но кто и когда в подобных случаях умеет сохранять объективность и трезвость суждения?

«Так что же все-таки делать? — снова задал себе вопрос Владимир. — Ну, прежде всего отделаться от чемодана».

Владимир налегке ездить не умел, да и Валентина не способствовала этому.

— Нельзя же в поездке остаться без свежей сорочки! — говорила она, кладя уж заодно лишнюю пару брюк, а то и ботинок.

Владимир огляделся и нашел камеру хранения по унылой, хотя и не особенно длинной очереди. К ней он и пристроился, подсчитывая про себя: «Двадцать минут, чтоб сесть. Десять, чтоб получить обратно. Полчаса. Остается ровно полтора». Главный вопрос оставался нерешенным.

Наконец от чемодана он освободился... Газетный киоск. Если окажется свежий номер «За рубежом» или «Футбола», то вот тебе и час, заполненный интересным чтением на скамейке в сквере. В общем все не так уж страшно.

Газетный киоск оказался закрытым, и хотя за стеклом на клочке бумаги было нацарапано лаконичное утешение: «Ушла за газетами. Скоро вернусь» — не было решительно никакой возможности определить, что подразумевает под словом «скоро» отсутствующая продавщица и давно ли ее отсутствие началось.

Апатично посмотрев сквозь неумолимое стекло на экстравагантных девиц с обложек западных журналов, на бодрых, улыбающихся рекордсменов с журналов отечественных («Чтобы тело и душа были молоды!» — вспомнилась довоенная песня), Владимир повернулся и побрел к выходу.

В нескольких шагах впереди него шла женщина, то ли походкой, то ли манерой держать голову напоминавшая ему кого-то из очень далекого прошлого. Кого же?

Женщина столкнулась с носильщиком и слегка повела плечами...

Тамара! Вот кого она напоминает. Тамара... Как странно, что эта давно забытая тень из далекой юности ожила вдруг здесь почти через тридцать лет полного забвения...

Полного ли? Не обманывай себя!

Первая любовь? Нет, преувеличивать тоже не нужно. Тамара не была любовью. Любовь у тебя в жизни была одна — Валентина и останется ею до смерти. Но Тамара была юношеским увлечением, чистым и цельным, которое могло бы перерасти в любовь...

И ты никогда не забывал ее окончательно, потому что забвение — это смерть, а вот вспомнилась же она сейчас в одно мгновение только от движения плеч незнакомой женщины.

Тамара, память о которой была погребена под толстым пластом многих ошибок, разочарований и скорбей, всегда оставалась для тебя той молодостью, с которой все расстаются навсегда, но никто с этой разлукой примириться не может.

Владимир не заметил, как оказался в дверях, и остановился, женщина же, видимо, свернула куда-то и выпала из поля его зрения.

Но стоять здесь было неудобно — он загораживал проход, его толкали. На улице почему-то не хотелось, и он вернулся в зал.

Охватившее его чувство не рассеивалось, и эта неясная грусть воспоминаний была приятна тем, что отрешала от суетного настоящего. Ему захотелось снова взглянуть на женщину, увидеть ее лицо. Где она?

Народу в зале как будто прибавилось, солнечный луч, косо бивший сквозь стеклянные стены, ушел вбок и укрылся за густыми кучами деревьев, и хотя на улице еще разливался великолепный, янтарный день, в зале запахло су-мерками.

Владимир не спеша прогуливался по шумному помещению, стараясь ненужными внешними впечатлениями не вопугнуть ощущение юности, так неожиданно возникшее в этом неподходящем месте.

Он увидел ту женщину. Она стояла несколько в стороне, где меньше толкались, и смотрела в окно.

Конечно, это не Тамара. Эта куда полнее, тяжелее. Ей, судя по силуэту, должно быть изрядно за сорок... В этот момент женщина повернула голову в сторону Владимира, и сердце у него ёкнуло: даже лицом похожа!

Конечно, только отдаленно была похожа эта немолодая и некрасивая женщина на девушку из его молодости, но все же...

И тут мысль, что Тамара, если она жива, должна быть сейчас как раз в таком возрасте, прорезала его сознание, и, еще раз пристально взглядевшись в лицо женщины, он понял, что это Тамара и есть.

Владимир даже зажмурился и остановился. Ему захотелось повернуться и уйти, скрыться, не смотреть больше на это увидшее, печальное, а может быть, просто усталое лицо, едва сохранившее какие-то дорогие черты той, баяя мимолетная встреча с которой так волновала когда-то. Но он чувствовал, что уйти не в состоянии. Раз судьба уготовила им эту встречу — не надо бежать от нее.

Пусть...

Но когда до женщины оставалось несколько шагов, Владимир заставил себя усомниться. Может быть, все-таки это не Тамара? Ну, сходство есть, несомненно. Да и то, пожалуй, это больше кажется, потому что женщина — грузинка. Не часто встречаешь грузинок в Крыму.

И он прошел мимо. Женщина, как смотрела в окно, так и осталась стоять в том же положении.

«Ну вот, — сказал он себе, — это не Тамара. Она не осталась бы равнодушной». Но он знал, что лишь пыгается обмануть себя, оттянуть неизбежную встречу. Это она. И тогда, решившись, он круто повернулся и, неслышно подойдя сзади, стал почти рядом и позвал тихо-тихо грузинским ласкательным именем:

— Тамрико...

— Это я, Ладо, — спокойно, тоже по-грузински ответила Тамара, но повернулась лишь несколько мгновений спустя.

— Так это — ты? — довольно нелепо спросил он.

— Я тебя сразу узнала. Ты мало изменился.

«А ты — очень!» — чуть не вырвалось у Владимира, но он промолчал и только смущенно развел руками, как бы говоря: «Я понимаю, ты говоришь это из вежливости». Что же касается его, то он, даже из вежливости, не мог сказать ей того же.

Что сделало время с ее прекрасным лицом! Тамрико (он сейчас не мог называть ее иначе, как тем, полудетским именем) никогда не была красива в строгом смысле этого слова, но сколько обаяния, нежной прелести и яркой игры красок было в ее лице! А это звездное мерцание глубоких черных глаз — доверчивых, беспомощных и наивных, как бы вверяющих свое неведение твоему произволу, но требовательно ждущих осуществления своих сокровенных девичьих надежд. Куда это все девалось?

Они пылливо смотрели друг другу в глаза, каждая стараясь понять, какое впечатление произвел на другого.

— Ну, как ты живешь, Ладо? — спросила Тамара, беря инициативу разговора в свои руки.

— Я — ничего. А ты?

Она слегка улыбнулась:

— Я тоже.

— Давно мы не виделись. Сколько лет прошло?

Тамара уже без улыбки грустно покачала головой:

— Страшно подумать.

— Но почему же... — начал он было утешительную фразу, но вовремя сумел удержаться и не выговорить того, что должно было бы стать ее продолжением: «Ты прекрасно выглядишь!». Он бы не простил себе такой фальши. И тогда он сказал то, что было правдой:

— Тридцать лет прошло. Ведь так?

— Зачем считать, Ладо? Прошла жизнь.

И опять, сам не зная для чего и злясь на себя за это, он попытался бодриться:

— Ну, жизнь еще не прошла!

Формально он был прав. Ему — за пятьдесят, ей — под пятьдесят. Разве это — вся жизнь? Если не произойдет чего-либо неожиданного — еще много лет впереди и у него, и у нее. И все же он понимал, что права она, а не он.

— Ты куда легишь? — спросил он, только чтоб не молчать.

— Домой.

— В Тбилиси?

Опять ненужный вопрос. Если б она жила в Тбилиси, разве они не встретились бы хоть раз за те четверть века, что прошли с тех пор, как он вернулся с войны?

— Нет. В Горький.

— В Горький? — переспросил он с удивлением.

— Да, — подтвердила она и объяснила: — Муж там работает.

— У тебя муж — русский?

— Грузин. Но мы давно живем в тех краях. Он — инженер.

Итак, она замужем... Ну, конечно, замужем, Почему же ей было не выйти замуж? Ведь Гиви не был ее женихом. А если б и был? Его убили осенью 20-го года первого. Не могла же она остаться на всю жизнь одинокой.

— Когда отправляется твой самолет? — спросил Владимир.

— Не скоро. Рейс задерживается на два часа.

— И твой на два часа? — переспросил Владимир не без удовольствия.

— Да. Так же как и твой.

— Откуда ты знаешь про мой?

Тамара улыбнулась:

— Ты же сам сказал. И потом я слышала, как объявляли. Слово «Тбилиси» привлекло мое внимание.

— Ты давно там не была?

— Давно. У меня в Тбилиси никого не осталось.

— Мама?

— Умерла.

— А папа?

— Ты разве не помнишь?...

Владимир молча склонил голову. Так прошло минуты две.

— Знаешь что? — заговорила Тамара. — Ты ведь один?

— Один.

— И я — одна. Давай выйдем из зала. Здесь так душно. Посидим в сквере. Тебе ведь все равно делать нечего.

Владимир взглянул на нее, и, больше ничего не говоря, они неторопливо направились к выходу.

* * *

Он не мог вспомнить, когда впервые заметил ее. Просто с некоторых пор мимо их дома стала ходить в новую школу, что открылась на улице Барнова, длинноногая, быстрая в движениях девчонка, с живыми, очень выразительными глазами и довольно неправильными чертами лица.

Ладо не сразу стал смотреть ей вслед. Слишком много чести для девчонки, вероятно, даже не из последнего класса, чтоб студент-второкурсник обращал на нее внимание.

— Это — Тамрико Харбеда, — сказал Гиви, когда они как-то стояли у дома с группой ребят.

— Ты с ней знаком? — спросил Ладо младшего брата.

— Я — нет. Ее Шалико знает, — ответил тот.

Шалико был одноклассником брата, он знал всех на свете, так что Ладо не удивился. Хотелось услышать о девочке больше, но не спрашивать же мальчишек, а в компании стояли все друзья Гиви.

Первый контакт у них с Тамрико возник, когда он, спеша куда-то, выскочил из подъезда и чуть не сбил ее с ног. У Тамрико из рук посыпались книги и тетради, он бросился их поднимать, она — тоже, и при этом смущенно поворчала:

— Что вы, что вы! Я сама... Не беспокойтесь...

Самое глупое заключалось в том, что он послушался, выпрямился, так и не подняв ни одной книги, молча потоптался на месте и в конце концов ушел, кажется, даже забыв попрощаться.

В общем, вместо знакомства, которое могло бы состояться, проявил он больше расторопности, получилась неловкость.

Ладо досадовал на себя: растерялся при виде девчонки, держался как медведь! Но прошел день, прошло два, и он об этом случае забыл, вернее, старался не вспоминать. Кстати, и Тамрико долго не встречалась ему.

Снова он увидел ее уже летом, вероятно, в июне, потому что шла сессия и он готовился к летней практике. А у нее экзамены уже кончились, и была она не в форме, а в розовом летнем платье. Ладо тогда мало разбирался в тканях и фасонах, но на Тамрико было что-то воздушное, легкое, с оборками на юбке, делавшее ее похожей на ветку цветущего миндаля. И такую свежестью и прелестью веяло от нее, что он остановился в восхищенье, довольно нескромно глядя ей прямо в лицо.

Тамрико покраснела так, что даже шею залила краска. Она отвернулась, чувствуя, что он заметил ее смущение, и ускорила шаг, почти побежала, страшась, чтоб он не пошел следом, вместе с тем желая этого и сама удивляясь такому желанию.

Но он не пошел. Он постоял с минуту, ошеломленный впечатлением, которое произвела на него эта девочка, и чуть-чуть недовольный собой. Ведь он был намного старше ее — так, во всяком случае, тогда казалось — и не к лицу ему увлекаться девчонкой.

Где, при каких обстоятельствах все же произошло их, так сказать, официальное знакомство, Владимир вспомнить не мог.

Просто с какого-то момента они стали здороваться, иногда он останавливался ее, и они обменивались несколькими фразами. Ничего существенного не было в этих беседах. Он говорил с ней приветливо, но несколько свысока, как и полагалось говорить будущему инженеру с девчонкой, которой еще два года учиться в школе. Она приняла этот тон и держалась скромно, хотя и без излишней застенчивости. Тамрико очень похорошела за эти месяцы, мальчишки не давали ей проходу, и она знала себе цену.

Владимир видел: она понимает, что нравится ему, и это его смущало. Вообще не робил с девушками, с Тамрико он робел и никак не мог переступить ту грань, которая отделяет просто знакомство от более теплых и значительных отношений, создающих предпосылки для будущего.

Ему хотелось назначить ей свидание, пригласить в кино. Но как это сделать? Вдруг она откажется? Или — что еще хуже — согласится и не придет! Узнают ее подруги, может узнать Гиви и его товарищи. А ведь брату она тоже нравится. Сколько раз Гиви — человек с душой нараспашку — говорил при нем:

— Тамрико — это класс! Все другие девчонки ничего по сравнению с ней не стоят!

Но Гиви — мальчик. Он еще никогда не встречался с девушками.

Шло время, опять начался учебный год, опять Тамрико стала ходить с книгами мимо их дома, и они виделись чаще. И хотя Ладо не был в этом уверен, ему казалось, что и он не безразличен девушке. Иногда, завидя его, она издали улыбалась и сама замедляла шаги, в других случаях, наоборот, ускоряла шаг и, едва поздоровавшись, отворачивалась, краснела и проходила.

В такие дни Ладо говорил себе, что это надо прекратить. Нечего волочиться за девчонкой, которая годится в компанию разве что Гиви и которая, к тому же, задирает нос.

Только один раз они провели вместе больше часу.

Был зимний, довольно холодный вечер, и Ладо поднимался к себе после прогулки по проспекту Руставели. Улица плохо освещалась, прохожих в этот час не было, и он увидел ее за полквартила, вернее не увидел, а угадал по силуэту, по походке. Она быстро спускалась навстречу ему, дробно постукивая каблучками.

«Вот твой шанс! — сказал ему внутренний голос. — Сегодня нужно выяснить все. Не зевай!».

Тамрико быстро шла, наклонив голову и спрятав носик в меховой воротник старого, вероятно, переделанного из материнского, пальто. Она смотрела под ноги, боясь поскользнуться, и потому возникший перед ней Ладо испугал ее.

— Ах! — тихо произнесла она и остановилась, посмотрев по привычке исподлобья на преградившего ей путь высокого мужчину. Но тут же, разглядев его, она облегченно заговорила: — А, это ты, Ладо? Я не узнала тебя! Как хорошо...

Хорошо было то, что перед ней свой, а не какой-нибудь незнакомец, но Ладо показалось, что она вложила в свои слова и другой смысл. Тамрико тоже почувствовала это и очень смутилась. Ведь она и сама не вполне была уверена, что не имела в виду ничего другого.

— Ты откуда так поздно? — стараясь говорить строго, спросил Ладо.

— Из школы. А сколько сейчас времени?

— Около одиннадцати...

— Мы в девять начинаем.

— Что начинаете?

— Секция. Художественная гимнастика.

Он представил ее в спортивном костюме, мысленно увидел эти стройные, длинные ноги, обнаженные до бедер, и вдруг, неожиданно для самого себя, резко спросил:

— Кто с вами занимается?

— Анна Петровна Стрижевская. Мастер спорта.

Тамрико отвечала с какими-то успокоительными интонациями и лукавой улыбкой, ясно показывавшей — она поняла, что могло не нравиться Ладо.

У того отлегло от сердца. Ему захотелось обнять эту гибкую девочку, сильно прижать ее к себе, поцеловать прямо в губы тут же на улице. Впервые Тамрико возбудила в нем такие чувства. Он и сердился на себя за них, и не хотел с ними расстаться. Это было так волнующе!

Но он не в силах был переступить невидимый барьер, разделявший их, и, вместо того чтобы сказать что-нибудь подходящее, заговорил суховато, все тем же покровительственным тоном:

— Уже поздно идти одной. Я тебя провожу. Где ты живешь?

Тамрико думала было отказаться, но ей очень хотелось, чтоб он шел с ней, и потому она, покорно и доверчиво взглянув на него снизу вверх, сказала только одно слово:

— Хорошо.

Они молча шли под гору, потом свернули направо и прошли два квартала. Оказалось, что она живет совсем близко. Около старого дома в одном из переулков ниже улицы Меликишвили она остановилась.

— Мне сюда, — сказала она очень тихо и снова посмотрела на него снизу вверх своими глубокими, как бы мерцающими глазами.

— Здесь? — разочарованно спросил Ладо, огорченный, что их прогулка кончилась так скоро.

— Да, — виновато ответила она, испытывавшая то же чувство.

— Давай еще пройдемся!

Это он сказал прежде чем успел подумать и сейчас со страхом ждал, что она ответит. Ожидание длилось всего несколько секунд, но показалось ему очень долгим.

— Уже поздно, Ладо, мама будет беспокоиться... — и тут же, без всякого перехода, закончила: — Хорошо, пройдемся.

И снова они ходили, почти не разговаривая, по замерзшим к ночи тихим переулкам в районе университета, и ему было хорошо, но не до конца, потому что он сознавал: нужно сказать что-то такое, что в какой-то мере определит их отношения, даст ей понять, как он к ней относится. Но он не чувствовал себя способным сделать это, да и не знал бы, что сказать, если б сумел заговорить.

И только когда они снова оказались возле ее дома и, повернувшись к ней лицом, Ладо встретил ее как бы чего-то ждущий, о чем-то спрашивающий взгляд, он сказал ей, взяв обе ее руки в свои:

— У тебя глаза — как звезды.

— Правда? — доверчиво спросила она, смотря ему прямо в глаза с девичьей беззащитностью и неведением и потому не смущаясь.

(И сейчас, сидя на скамейке сквера в наплывающих сумерках тихого осеннего дня, безвозвратно далеко от той тбилисской ночи, Тамара вновь оказалась ему длинноногой, беспечной девочкой его канувшей в лету юности, и снова захотелось держать ее покорные маленькие руки в своих и хотеть и не мочь сказать ей так много.)

Или это сумерки притушевляли безжалостные следы, оставленные на ее лице неумолимой жизнью?

— Ты сейчас похожа на ту Тамрико...

Женщина отрицательно покачала головой и грустно отвернулась.

Он посмотрел ей в глаза, ища тот беззащитный, доверчивый и вопрошающий взгляд, но глаза Тамары смотрели строго и печально, и вместо девичьего неведения он читал в них горькое всеведение женщины.

Перед ним был другой человек, к счастью, хранивший память о прежнем, вернее о двух прежних: о себе и о нем).

А потом... Потом пришел как-то Гиви домой радостно-возбужденный, стал переодеваться, долго причесывался перед зеркалом и все кричал, бросая искоса взгляды на старшего брата. Но Ладо занимался... Уже опять была весна, приближалась сессия, и он не замечал настроения брата, вернее, не обращал на него внимания.

— Ладо, я иду в кино... — не выдержал наконец Гиви.

— Да? — рассеянно отозвался старший брат.

— Знаешь, с кем?

Ладо молчал, поглощенный химическими формулами.

— С Тамрико! — торжествующе провозгласил Гиви.

— С кем? — Ладо наконец заинтересовался, но еще не понял. — С какой Тамрико?

— С Тамрико Харбедиа! — пояснил Гиви.

В голосе младшего брата слышались нотки вызова. То же было и в его взгляде, которым он встретил удивленный взгляд Ладо.

— С Тамрико Харбедиа? — повторил Ладо. Сердце его болезненно и остро сжалось. Он сказал эти слова, только чтоб не молчать.

«А как же я? — хотелось ему спросить. — Ведь она для меня значит так много!» Только сейчас он понял это по силе той боли, которую причинило ему услышанное известие. «Как могла она? Разве она не понимает?..»

Младший брат продолжал смотреть все так же: с вызовом, но и с вопросом, неуверенно. Он ждал, что скажет Ладо. А тот поспешил опустить глаза в учебник.

«Не ходи с ней, Гиви! Оставь ее мне. Для тебя это пустяк, а мне так больно!» Но, конечно, выговорить эти слова было невозможно. Что останется от ав-

торитета старшего брата, если он попросит у младшего пощады? Не должен Гиви заметить, что это имеет для него значение. Но сказать что-нибудь надо же! И, делая вид, что он уже снова погружен в занятия, Ладо произнес, стараясь, чтоб слова его звучали равнодушно и спокойно:

— Ну что ж... Поздравляю. Тамрико — мировая девочка.

Гиви ушел счастливый и успокоенный, потому что он, хотя и не знал ничего определенного, подозревал об интересе брата к Тамрико и чувствовал себя неуверенно.

А в душе Ладо поднялась буря.

Какое вероломство! Безнравственность! Еще совсем девчонка, а уже выкидывает такие фокусы! Ходит на свидания... И с кем? С моим же младшим братом! С мальчишкой, которому уши надо драть.

То, что Тамрико пошла в кино именно с Гиви, в котором он привык видеть только мальчишку, было особенно болезненно. Выходит, что Гиви уже не мальчишка и авторитет старшего брата для него не так непререкаем. Когда это случилось? Как он проглядел!

Что же делать? Завтра увидаю ее и скажу все, что думаю о ее поступке...

...Ничего не скажешь! И говорить, собственно, нечего. Ты-то сам ее пригласил куда-нибудь? А Гиви — пригласил. Почему же она должна была предпочесть тебя, который чуть ли не на пять лет старше ее? Гиви — вот ее компания, и она справедливо предпочла его.

Но Гиви, ведь он же знал...

Он мог и не знать. А даже если знал... Ты готов поссориться с родным братом из-за девчонки? Да, но ведь вот он же пошел на такой риск! Ведь не мог он хотя бы не подозревать? С каким вызовом и торжеством смотрел он на тебя!

Ну и что же? Ведь он мальчик, ему простиительно. Он еще не понимает того, что понимаешь ты, что должен, обязан понимать...

Нет, никогда не допущу я, чтоб даже мимолетная тень пала на мои отношения с родным братом. Пусть встречается с Тамрико, только чтоб не причинил ей зла. Пусть все у них будет хорошо.

* * *

— Ты не обращал на меня внимания. Я была в отчаянии. Ты помнишь? Я как-то пошла с Гиви в кино. Я хотела вывести тебя из равновесия, хотела, чтоб ты приревновал. Но ты парил где-то выше нас. Ты даже не заметил.

Как странно, что она думает о том же... Или нет, она говорит, ведь я слышу ее голос: «Ты даже не заметил...». Ладо усмехнулся: сказать ей? Теперь? К чему?..

— Ну как же ты жила все это время?

Тамара пожала плечами.

— Жила... Как все.

— Это у тебя первый муж?

— Конечно! Почему ты спрашиваешь?

— Русский. Ты ведь совсем не умела говорить по-русски. Где ты его встретила?

— Он не русский. Он грузин, ты спутал.

— Ах да, правда. Я ошибся, потому что вы живете в Горьком.

— Ну так что же? Разве в этом есть что-нибудь плохое?

— Ну что ты! Я этого совсем не имею в виду. Просто грузины редко живут вне Грузии.

— Ты так думаешь? — Тамару немного заделли эти слова.

— Да. Я отнюдь не хочу упрекнуть тебя или твоего мужа. Разные бывают обстоятельства.

— Да. Разные.

Оба помолчали. Потом Владимир спросил:

— Так где же ты его встретила?

— О, это долгая история. Мы ведь потом с мамой жили в Сибири... Там уж я по-русски говорить научилась хорошо. Там и мужа встретила.

— И мама там...

— Умерла? Да, там. Ей климат очень не подходил.

Снова помолчали, и снова нарушил молчанье он:

— Ты счастлива?

— А ты знаешь, что это такое?

Вопрос не был риторическим. Глаза Тамары смотрели на него пытливо с надеждой, как когда-то глаза той, которой уже не было. Но так как он молчал, то взгляд этот потух, и она сказала очень искренне и просто:

— Мой муж — хороший человек.

Ему хотелось спросить ее о детях, но он вдруг почему-то испугался и не спросил.

— А ты — женат?

Он кивнул.

— Как ее зовут?

Владимир удивленно посмотрел на нее, и она объяснила:

— Мне легче представить себе человека, когда я знаю его имя.

— Ее зовут Валентина.

— Русская?

— Да.

— Вы давно вместе?

— С конца войны.

— На фронте?..

— Да.

— Спасла тебя от смерти?

Владимир усмехнулся.

— Нелегко спасти человека от смерти... Так чаще в книгах бывает. Но она дала мне силы жить после гибели Гивы и смерти мамы. — Он помолчал и добавил задумчиво, но твердо: — Она была верным фронтовым товарищем. Я очень ее люблю... И уважаю.

Новую небольшую паузу прервала Тамара:

— У вас есть дети?

— Трое. Двое сыновей и дочь...

Солнце уже давно зашло, и в быстро опускающихся южных сумерках расплывались очертания домов и деревьев. Некоторое время было очень тихо, но вдруг густой, мощный гул самолета заполнил пустоту.

Тамара встрепенулась.

— Сколько времени?

Владимир посмотрел на ручные часы:

— Половина седьмого.

— Это, наверное, мой самолет. Надо идти, — заговорила Тамара, но почему-то не двинулась.

Звук оборвался, и это вызвало еще большее нетерпение. Владимир тоже считал, что надо идти, но ему неудобно было встать первым. Он только искоса вопросительно взглянул на Тамару.

— Ну что ж, — сказала она с напряженной улыбкой. — Надо прощаться. Пусть все у тебя будет хорошо, Ладю.

— И тебе всего хорошего, Тамрико! — ответил он сдавленным голосом, чувствуя, что последняя нить натянулась и сейчас оборвется.

— У меня к тебе просьба, Ладю, — вдруг проговорила Тамара, и Владимир понял причину ее задержки. — Когда я сейчас пойду — не смотри мне вслед. Не вставай и не смотри. Хорошо? Обещаешь?

Он остановил на ней внимательный взгляд, пытаясь последний раз увидеть в ней Тамрико, но глаза Тамары были все те же: строгие и печальные.

— Обещаю, — сказал он просто.

Тамара наклонилась и коротко поцеловала его в лоб. Секунду спустя она исчезла из поля его зрения. Некоторое время еще слышался хруст гравия под ее ногами. Потом затих и он.

Очерк

Валерий КАДЖАЯ

НИЯ- ГРУЗИНСКАЯ

3. КОММУНА В ТАЙГЕ

— Самое маленькое государство
в мире?

— Ния-грузинская.

ЭТОТ ОТВЕТ, который прозвучал во время шуточной викторины, был признан самым остроумным. Но есть в нем помимо остроумия и немалая доля истины. Действительно, после того, как растаял зимник, Ния оказалась отрезанной от остального мира. Единственный связной — вертолет. Он доставляет хлеб, продукты, почту, всевозможные грузы. Если к другим поселкам можно добраться по воде, то к Нии — лишь по воздуху, потому что сама Ния — речушка мелкая, даже моторная лодка не пройдет.

Сто человек на небольшом пространстве. Их жизнь и труд необходимо организовать так, чтобы уныние, депрессия и прочие спутники замкнутых коллективов не сумели пустить своих разлагающих корней.

Сама жизнь не прощает нарушения гармонии между материальным и духовным. За пренебрежение к морали, здоровым нормам общежития она мстит жестоко и беспощадно. Мстит, в конечном счете, развалом трудовой дисциплины. К чести наших земляков надо сказать, что с первого же дня забота о быте стала не менее важной, чем организация производства. Партийное бюро постановило утвердить распорядок дня, оборудовать киноустановку, построить баню — все это в числе первоочередных задач. «Комсомольский прожектор» постоянно проводил рейды по санитарному состоянию территории и жилых палаток. Чистота и порядок возведены в Нии в культ. «Самый образцовый поселок на всем Западном участке, — сказала мне заместитель председателя Усть-Кутского горисполкома Евгения Лебедева. — Душа радуется, когда приезжаешь к грузинам».

На Нии действует «сухой закон». Вино — главный враг в тайге. Но в то же время нельзя быть догматиками. Партийное бюро подошло гибко к этой проблеме. В дни праздников разрешается продажа вина в разумном расчете. Так было Девятого мая и пятнадцатого июня — в день выборов. Я был свидетелем забавной сцены. К А. Двалишвили подошел рабочий и умоляюще попросил:

— Варламович, разреши мне несколько бутылок взять. У нас гости — русские геологи, неудобно, не все тосты сказали.

Двалишвили от души расхохотался, но просьбу не удовлетворил.

— Чтобы сказать все тосты, вам вот этой цистерны не хватит. Тосты будешь говорить в Грузии.

— Я не потому, Варламович, просто неудобно. Что такое для грузинского человека одна бутылка... — пытался доказать рабочий, но Двалишвили был несумолим.

По условиям жизни поселок напоминает армейский лагерь. В обычной обстановке человек, кроме работы, имеет немало других забот и в первую очередь

Окончание. Начало в № 11.

— семейных. Здесь же, в тайге, человек освобожден от всех дел, кроме производственных, но и они отпадают в конце рабочего дня.

В Нии пока нельзя принимать телевизионные передачи. Зато каждый вечер в клубе показывают кинофильмы. Киноустановку выделил Усть-Кутский горисполком, а механик свой, доморощенный — Андрей Аджба. Днем он плотничает, а вечером развлекает. На Пицунде Андрей тоже был киномехаником. Поменять всемирно известный курорт на глухую тайгу — не правда ли, это может показаться странным? Но вот что сказал сам Аджба: «Разве я когда-нибудь увидел бы Сибирь? А сейчас хоть вспомнить будет что».

Андрей и его земляк Виктор Пилия — заядлые охотники. Они уже облазили окрестные горы, наметили места, где водится зверь. А здесь его много, места-то все нетронутые, заповедные. Олень, лось, тетерев, глухарь — всех не перечислишь. Раздолье и рыбакам. В Нии в изобилии водится сибирская форель — хариус. Немало здесь и другой «царской» рыбы — таймени. Юрий Илуридзе, Иван Луцц и Серго Хачапуридзе на Первое мая наловили почти пятьдесят килограммов рыбы, и она была главным блюдом праздничного стола.

Кино, охота и рыбалка по своей популярности не идут ни в какое сравнение с футболом, вернее, мини-футболом. Мини, потому что полем служит вертолетная площадка, но баталии разгораются на ней не менее жаркие, чем на тбилисском «Буревестнике». Каждая бригада имеет свою команду с забавными названиями: «Бурундук», «Клещ», «Интер». Свою команду организовали и женщины и назвали ее «Антрекот». Наверное, потому, что основной состав работает на кухне. «Антрекот» успешно выступает в первенстве Нии — женщинам разрешается играть не только ногами, но и руками, толкаться и вообще игнорировать правила.

Комсомольцы соорудили волейбольную площадку. Двалишвили показал мне чертеж клуба, который будет построен к зиме. В нем разместятся зрительный зал, библиотека, биллиардная, спортзал. Молодежь задумала построить на общественных началах подъемник. «Зимой будем кататься на лыжах, уже выбрали трассу», — рассказал Автандил Ломидзе, секретарь комсомольской организации. — Трасса не уступит бакурианским. Нужны только лыжи».

На Нии есть не только мини-футбол, но и мини-БАМ: небольшая узкоколейка длиной в двести пятьдесят метров. Она протянулась по окраине поселка во всю его длину. Поселок, как я уже говорил, со всех сторон окружен тайгой. Все сооружения возводятся из леса, который добывается здесь же. И не только сооружения. Даже дороги. Ния стоит на вечной мерзлоте. Летом она раскисает и превращается в непролазное месиво, в котором буквально точат бульдозеры, тракторы, трелевщики, а люди работают по колено в грязи. Вся Ния опоясана узкими, шириной в метр, улочками, насланными из мелких бревен. Есть и проспект, длиной метров в сто пятьдесят и шириной метра три, тоже бревенчатый. Все это позволило уберечь людей от грязи, и недаром еще в Усть-Куте мне говорили: «В Нию можно ехать в лакированных туфлях». Я побывал почти во всех поселках Западного участка, от Якурима до Кунермы, но таких «улиц», как в Нии, нигде больше не встречал.

Что касается узкоколейки, то она предназначена для того, чтобы сберечь технику и опять же — внешний вид поселка. Бревна, спиленные в тайге, трелевщик не будет тащить через весь лагерь, оставляя за собой море развороченной грязи. Их потянет вагонетка, прямо к пилораме, в которую упирается узкоколейка. Назад эта же вагонетка повезет уже готовые доски. Узкоколейку построила бригада Валерия Рухая, а спроектировали свои инженеры. Кстати, они же спроектировали и весь временный поселок. Это была обязанность заказчика — «Ангарстрой». Но на него навалилось столько дел, что со многими он просто не успевает справиться. Когда отряд грузинских строителей передислоцировался от Лены к Нии, выяснилось, что площадка готова, а проектно-технической документации на временный поселок нет. Можно было, конечно, жаловаться во все инстанции, обвинить «Ангарстрой» во всех грехах, а время бы шло. Драгоценное, невосполнимое время. И тогда инженеры Мурман Чемия, Владимир Николаев, Гиви Киквидзе под руководством А. Улуханова за несколько дней подготовили всю необходимую документацию, и А. Двалишвили улетел с нею в Братск. Проект утвердили в тот же день. «Не хныкать, не жаловаться, не ждать у моря погоды», — так сформулировал А. Двалишвили главную линию поведения. В условиях БАМа, когда развивается гигантское строительство, сталкиваются интересы множества организаций, а координация их еще недостаточно отлажена, такая линия поведения оказалась на поверку самой эффективной.

Я много рассказывал о том, как организовали свой быт посланцы Грузии. Но это вовсе не значит, что они только тем и занимаются, что лезят рыбу, смотрят кинофильмы и играют в футбол. Не для того они ехали на край земли. Работать приходится много, и в поте лица. Тайга так просто не сдается. Едва

забрезжит рассвет, окрестности наполняются визгом механических пил, треском падающих деревьев, стуком плотницких топоров. Девять бригад соревнуются за право именоваться лучшей, а это уже не мини-футбол, а макси-труд! Чтобы до конца ощутить, каков этот труд, приведу один пример. Чтобы передвинуть обычный автокран на двести пятьдесят метров, приходится затрачивать четыре часа! В нормальных условиях для этого не требуется даже четырех минут.

Грузинский отряд на Нии является одним из подразделений Министерства строительства республики. И хотя находится отряд за тысячи километров от строгого министерского ока, ответственность свою чувствует с не меньшей, я бы сказал, с удвоенной силой. В Грузии на всех стройках сейчас внедряется недельно-суточный график. И здесь партбюро поставило перед производственно-техническим отделом задачу внедрить прогрессивный метод. Джемал Пагава, начальник отдела, весь май корпел над таблицами и диаграммами, и с первого июня все бригады работают по недельно-суточному графику. Я не буду пересказывать, в чем его суть, скажу только, что этот метод позволяет максимально использовать труд каждого рабочего, наладить строжайший учет движения материалов и механизмов. В условиях Нии это особенно важно. Например, до середины июня в распоряжении отряда был всего один трелевщик, а нужен он всем. Без него в тайге, как без рук. С помощью графика трелевщик и другие механизмы используются с полной нагрузкой. А что значит обеспечить работой каждого человека? Ведь простой на Нии вдвойне пагубен: с одной стороны, безделье морально разлагает, с другой — больно бьет по зарботку. В общем, недельно-суточный график оказался на Нии как нельзя кстати, и сейчас за опытом к грузинам едут с соседних участков.

Большинство людей, приехавших на Нию, не знали друг друга. Они познакомились в поезде, в пути. Но сплотила их совместная жизнь и работа. На Нии сложился сильный духом, спаянный и нравственно здоровый коллектив — это не только мое мнение. Так считают в Усть-Кутском горкоме партии, штабе ЦК ВЛКСМ на БАМе, так считают все, кто побывал в грузинском поселке, выросшем в самом сердце Сибири. И мне чрезвычайно приятно писать об этом, потому что сто человек на Нии сегодня представляют лицо республики. Представляют с честью, достойно.

4. ЛЮДИ И ХАРАКТЕРЫ

В УСТЬ-КУТЕ в горкоме партии мне сказали: «На Нии начальник — с железным характером». Характер у А. Двалишвили действительно железный. Это сказалось и в том, как шла организация отряда в Тбилиси, и в том, как действовал он в сложных ситуациях, возникших уже на месте. А. Двалишвили прошел хорошую школу. Я уже говорил, что он был главным инженером «Пищундстроя». Перед поездкой же в Сибирь он несколько лет работал в Тегеране руководителем группы советских специалистов на строительстве холодильника емкостью десять тысяч тонн, первого в Иране холодильника промышленного значения. А. Улуханов тоже провел три года в Иране, был главным инженером строительства домостроительного комбината в Исфагане. У Нугзара Мгеладзе по сравнению с ними послужной список выглядит скромнее, и по возрасту среди инженеров он моложе всех. Но тем не менее коммунисты избрали его секретарем партийной организации. Он подкупает цельностью характера и какой-то почти фанатичной принципиальностью. О нем Реваз Кикабидзе как-то сказал: «Это Корчагин семидесятых годов». Высокий, атлетического сложения (недаром мастер спорта!), Мгеладзе всегда подтянут, всегда в чистой, выглаженной сорочке, с галстуком, и, глядя на него, невольно подтягиваются и другие.

Вообще надо сказать, что командирский состав в отряде подобрался на редкость удачный. За те несколько дней, что я прожил в Нии, я успел убедиться в этом. Высокая профессиональная подготовленность сочетается в них с такими человеческими качествами, как доброжелательность, простота и определенный романтизм. Они хорошо знают свое дело, но в условиях Нии мало быть хорошим специалистом. Надо еще быть и хорошим человеком. Запомнился разговор с Владимиром Кирвалидзе, главным бухгалтером. Он самый старший по возрасту член отряда, ему шестьдесят семь лет. Надо обладать поистине комсомольским сердцем и незаурядной смелостью, чтобы в таком возрасте решиться поехать на БАМ. Что поманило этого человека в тайгу, заставило отказать от привычной, размеренной жизни?

— Я типичный бухгалтер, — рассказывает Кирвалидзе, — всю жизнь провел в кабинетах. В походных условиях — первый раз. И поверьте, я сча-

стльв. Сколько новых впечатлений, сколько энергии и душевной свежести вокруг. Внучка прислала письмо: «Дедушка, я горжусь тобой и всем, рассказываю, что ты строишь БАМ». Я даже прослезился. Мои друзья в «Колхозстрой» наверное, очень удивятся, когда узнают, где я сейчас. Ния напоминает мне мой родной Потти только одним — своими комарами. Они кусаются в Сибири так же бесовски, как и в Колхиде, — пошутил Кирвалидзе и, снова став серьезным, продолжил: — Человек хоть раз в жизни должен испытать подъем, я это сейчас особенно хорошо понял.

Несмотря на свой возраст, старший бухгалтер прекрасно вписался в молодежный ансамбль и даже в футбол играет за команду «Интер». Есть еще один ветеран в отряде — Владимир Двалишвили, однофамилец начальника. Это обстоятельство едва не закрыло ему дорогу в Сибирь, но сейчас Двалишвили-первый не радуется, что согласился взять Двалишвили-второго. Потому что уважаемый Владимир так организовал снабжение отряда, что оно действует, словно хорошо отлаженный конвейер. Живет он большей частью не в Нии, а на Усть-Кутском аэродроме, в вагончике, и успел стать лучшим другом и летчиков, и грузчиков, и диспетчеров.

В Усть-Куте один-единственный ресторан, в речном порту, и понасть в него вечером труднее, чем улететь на Луну. Голодные, мы мечтали об ужине, но швейцар был неумолим: «Мест нет». И вдруг кто-то за спиной пробасил: «Отец, тебя что, не пускают?». Это был Виктор, бригадир грузчиков, молодой плечистый парень. Он легко отодвинул швейцара и завел нас в зал. Грузчики отмечали день рождения одного из своих товарищей. Они окружили Двалишвили, и каждый старался лично с ним чокнуться, и называли они его все одинаково: «Отец». Наверное, потому грузы для Нии никогда не залеживаются в Усть-Кутском аэропорту, что Двалишвили, седой, много испытавший, прошедший всю войну, умеет ладить и с молодыми грузчиками, и с задерганными диспетчерами, и с гордыми пилотами.

Как в армии офицер служит образцом для солдат, учитель в школе — для учеников, так и инженер должен во всем подавать пример рабочим. Когда один из инженеров, забыв об этом правиле, позволил себе напиться и недостойно вести себя, на следующий же день его отчислили из отряда. Здесь А. Двалишвили снова показал свой «железный» характер, и никто его не упрекнул, потому что все понимали, что начальник поступил правильно.

Как тщательно ни проводился отбор желающих ехать на БАМ, все-таки просочилось в отряд несколько человек с нечистой совестью. В начале мая заболел бригадир боржомцев Ваню Чадунали. Он жаловался на радикулит, но, несмотря на боль, работу не бросал. Наконец, когда стало совсем невмоготу, попросил отпустить его. Конечно, никто не стал возражать. Сумбат Григорян получил телеграмму, срочно вызывающую его домой. Захро Тигишвили попросил отпуск за свой счет. Вахтанг Мчедлишвили показал письмо, которое прислала из Хашури его дочь. Она сообщила, что мать тяжело заболела. Все четверо в разное время отбыли из Нии. Двалишвили насторожило только, что все они были из одной бригады. На время отсутствия Чадунали бригаду возглавил Чкуаселидзе. И вот в начале июня Чкуаселидзе получает от Григоряна письмо, написанное рукой Чадунали. Сумбат сообщил, что они четверо находятся в Красноярском крае, заключили договор на «шабаш», и теперь у них в месяц получается не меньше семисот рублей. Он звал остальных восьмерых боржомцев бросать к черту Нию и ехать к нему. Но здесь бывший бригадир и его «тайный советник» просчитались. Никто не откликнулся на их призыв, и, чтобы смыть с бригады позор, боржомцы заработали с удвоенной силой и вышли на первое место в соревновании.

В бригаде боржомцев собрались люди зрелые. Прежде некоторые из них бывали на «шабаше». В Сибири много «шабашников», потому что строителей здесь не хватает. Они берут подряды на сооружение коровников, ферм, жилых домов в деревнях и получают за работу сдельно. Построят дом за месяц или за три — заработок одинаковый. Поэтому «шабашники» стараются изо всех сил побыстрее сдать объект и работают по шестнадцать часов в день, живут в таких условиях, до которых уважающий себя человек ни за какие деньги не захочет унизиться. На Нии заработки, если пересчитать на рабочее время, не намного ниже, зато здесь их зарабатывают люди, а там — «шабашники», которых в общем-то нигде особенно не уважают.

Заури Бакланадзе, Бондо Сордия, Зураб Рохвадзе, Демури Абесадазе и остальные парни из бригады Гоги Тархнишвили тоже не бессребреники. Они тоже стараются заработать и зарабатывают неплохо — меньше пятисот ни у кого не бывает. Эта одна из лучших в Нии бригад, и в июне она заняла первое место.

Ребята обслуживают вертолетную площадку, прокладывают лежневую дорогу. Они же соорудили лестницу от берега Нии к поселку. Она еще не была

закончена, когда я уезжал из БАМа, но Гоги сказал: «Дорогу сделаем, как на Мтацминду. Надо, чтобы красиво было». «Красиво было» — пожалуй, в этих словах и проявился характер Гархнишвили. Красиво надо работать, красиво жить, красиво зарабатывать. И я уверен, что Гоги и его друзья ни за какие деньги не променяют Нию с ее духом коммуны, с ее тяжелыми буднями, но искрометными праздниками, с ее песнями и мини-футболом. Впрочем Гоги это выразил прозрачно, но четко. Он сказал, что все члены бригады заключили договор на три года: «Пока не построим Нию, не уедем».

На три года заключили договор Тамара Шиошвили и ее муж Вано Джашиашвили. Тамару избрали заместителем секретаря комсомольской организации, и она так хорошо зарекомендовала себя, что Ния выставила ее кандидатуру в поселковый Совет Звездного. Кроме Тамары, еще одна представительница Грузии стала депутатом Иркутского областного Совета. Этой чести удостоилась Наташа Титяева. Она приехала в Звездный вместе с отрядом имени XVII съезда ВЛКСМ в составе грузинской делегации. Наташа родилась и выросла в Тбилиси, окончила геодезический техникум. На БАМе геодезисты не требовались, и девушка без единого слова пошла туда, где рабочих рук не хватало, — малярю. Быстро освоила профессию. Ее полюбили за отзывчивый характер, за нравственную надежность, и теперь в областном Совете она будет представлять строителей всего Западного участка БАМа.

Пятнадцатого июня от Усть-Кута до Давана стояла изумительная погода. Ослепительное солнце сверкало на прозрачно-синем небе. Воздух был напоен ароматом разогретой хвои и терпкими запахами тайги. Термометр показывал тридцать два в тени. Я говорил уже, что Сибирь — страна контрастов. Если зимой здесь морозы достигают пятидесяти градусов, то в июне—июле тридцать тридцать пять жары — обычное явление.

В Нии голосование закончилось быстро, но урну с бюллетенями не отправляли, ждали двоих: Ваню Джашиашвили и Владимира Коваленко. Улуханову удалось «выколотить» второй трелевщик, а они на БАМе сейчас на вес золота. Ваню и Владимир должны были перегнать машину из Усть-Кута в Нию. Накануне они добрались до Звездного. Дальше дорога кончилась, надо было пробиваться сквозь тайгу. Трелевщик, как танк, валит мелкие и средние деревья, подминает их под себя, а столетние сосны приходилось пилить «Дружкой». В четыре утра трелевщик вышел из Звездного, об этом по радию сообщили в Нию. В полдень за бюллетенями прилетал самолет, летчик сказал, что трелевщик идет по тайге. Но только в пять часов рев мотора заглушил музыку, лившуюся из репродуктора. Тамара бросилась на шею уставшему, грязному как черт мужу, а он, здоровый, по-медвежьи неуклюжий, добродушно отталкивал ее и говорил: «Подожди, дай умоюсь». Тридцать восемь километров Ваню и Володя преодолели за тринадцать часов, то есть проходя три километра в час — с такой скоростью передвигаются в тайге.

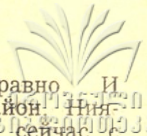
Много интересных людей живет в Нии. Каждый по-своему привлекателен, о каждом можно написать рассказ или очерк. Но лучше всего о своих товарищах, о том, что их привело в Сибирь, мне кажется, пишет в незамысловатых стихах Еондо Сордия, зугдидский парень, работавший на Ингурстрое слесарем и ставший теперь первопроходцем БАМа.

5. ТЕПЛО РОДНЫХ СЕРДЕЦ

ВЕЧЕРОМ над Нией звучат песни. Это работает радиоузел. Чаше других играют пластинки с грузинскими мелодиями. Оно и понятно.

Каждый день вертолет приносит свежую почту. Письма, письма, письма, И посылки. Не меньше двух-трех в неделю. Пишут родные и, что удивительно, вовсе незнакомые люди. А посылки шлют в основном пионеры. В посылках — книги, сушеные фрукты, лобио. Да, да, лобио, то самое лобио, без которого не обходится ни один стол в Грузии, но о котором даже не слышали в Сибири. В Прибайкалье вызревают только картофель и пшеница. Даже яблок своих нет, все приходится завозить издалека. Снабжение на БАМе хорошее, об этом позаботились. Мяса, рыбы, картошки и остальных продуктов достаточно. Но лобио имеет здесь особый вкус. Это не просто любимое блюдо, это привет с родины, знак того, что кто-то думает о тебе, помнит, и от этого на сердце становится светлее даже в самый пасмурный день.

Нелли Патаридзе, инспектор по кадрам, является одновременно на общественных началах и библиотекарем Нии. Библиотеке отвели полвагончика, но здесь разместилась лишь десятая часть всех книг. «Из Тбилиси мы привезли тысячу пятисот томов, — рассказывает Нелли. — Сейчас у нас набралось уже более десяти тысяч. Вот последние посылки». И она показывает семь ящичков, на которых написано: «БАМ, грузинский отряд, Двалишвили». Адрес, сами пони-

маете, далек от идеальной точности, но почта работает исправно. И все-таки лучше адресовать так: Иркутская область, Усть-Кутский район, Ния, грузинская. Вообще-то станция будет называться просто Ния, но сейчас с чьей-то легкой руки даже летчики в накладных грузах обязательно приписывают — «грузинская», хотя второй Нии, французской или эстонской, на БАМе нет.

Семь посылок пришли из Абхазии. Ученики келасурской средней школы имени Шота Руставели прислали в дар строителям сто пятьдесят книг. То, что школьники Грузии взяли Нию под свое шефство, — это очень здорово. Инициатива детей должна послужить примером для взрослых.

Ния — это визитная карточка Грузии на БАМе. Проект станции выполнил молодой архитектор Владимир Куртишвили. По общему мнению, он вышел удачным. Кроме того, как сказал А. Двалишвили, наш замечательный художник Зураб Церетели обещал принять участие в оформлении поселка. В общем, каждый может внести свою лепту. Ния должна быть связана с Грузией не эпизодической связью, а крепкими, постоянными нитями. Вот что сказал мне один рабочий: «Получил из дому письмо, видели, мол, тебя в телевизоре. Так я, поверите, целую неделю потом как на крыльях был».

Стихийный интерес к строителям БАМа, существующий в республике, следует направить в организованное русло. Это поможет полнее и действеннее проявлять заботу о бамовцах, а ведь ничто не согревает человека так, как тепло родных сердец!

6. ДИСТАНЦИЯ — МАРАФОН!

НА БАМе уже начаты работы, там воспитываются, мужают, закаляются десятки тысяч, а скоро это будут сотни тысяч молодых людей. Им предстоит преодолеть немалые трудности. И мы уверены, что они сделают это — и сделают с честью! — сказал Л. И. Брежнев, выступая перед избирателями Бауманского округа Москвы.

Да, это будет так. Свидетельство тому — большое дело, которое уже сделал первый отряд — в глухой тайге построен временный поселок. Туда сейчас поедет пополнение, чтобы строить собственно Нию — станцию на БАМе. При формировании первого эшелона упор был сделан на людей с жизненным опытом. Но не надо забывать, что БАМ — это комсомольская стройка. Наверное, в дальнейшем следует увеличить контингент комсомольцев на Нии.

Читатели любят сенсации, рассказы о необычных проявлениях мужества. На БАМе не раз случается, когда пилоты, рискуя жизнью, совершают рейсы в туман, пургу и спасают попавших в беду людей. На Центральном участке при строительстве моста через реку Тьнда совершили настоящий подвиг четверо комсомольцев. Двое из них — наши земляки Н. Шенгелия и Р. Чонкошадзе. После нескольких дней проливных дождей Тьнда вздулась и превратилась в бешеный поток. Каждый час вода прибывала, вот-вот могла сорвать опоры строящегося моста. Надо было добраться к ним и закрепить тросами. Крикнули добровольцев. Первым вызвался Шенгелия. На помощь к нему пришли Чонкошадзе, украинец Кудьба и русский Филиппов. Отважная четверка вплавь, в ледяной воде добралась до опор и завела тросы. Мощные тракторы намертво затащили их. Труд сотен людей, многих месяцев был спасен. Если бы не самоотверженный поступок этих парней, вряд ли удалось пустить поезд восьмого мая по линии БАМ—Тьнда. С этой замечательной победой строителей поздравил лично Л. И. Брежнев.

Нисколько не умаляя подвига Шенгелия и его друзей, я хочу тем не менее подчеркнуть, что каждодневный, будничный труд Тархнишвили и других строителей Нии — тоже подвиг. Он не такой яркий, но поверьте, изо дня в день, из месяца в месяц сохранять высокий рабочий настрой — не малое дело. А Двалишвили высказал интересную мысль. Он сказал, что в те сумасшедшие дни, когда отряд форсировал Лену и совершил бросок на Таяру, было легче. Это может показаться парадоксальным, но если разобраться, ничего удивительного нет. Тогда все работали, охваченные энтузиазмом. Но энтузиазм — это порыв, он не может длиться вечно, и если злоупотреблять им, можно надорвать духовные силы коллектива. Если говорить образно, энтузиазм — это спринт, а будни — марафон. Потому, наверное, нужно настроиться именно на эту трудную и длинную дистанцию, требующую большой выдержки и не только больших сил, но и умения рассчитать и распределить эти силы так, чтобы сохранить их до самого конца и с честью прийти к финишу.

ЧЕТКОСТЬ ПОЗИЦИИ, АКТУАЛЬНОСТЬ ПРОБЛЕМАТИКИ

ЗА ПОСЛЕДНЕЕ десятилетие грузинская литература обогатилась рядом беллетристических произведений, авторами которых являются ее молодые представители. Они принесли с собой продиктованные логикой развития жизни темы и проблемы, художественное освещение которых помогает обществу в их решении и преодолении. Творения лучших представителей этого литературного потока характеризуются индивидуальным стилем, оригинальным решением художественных задач. Это сильное пополнение не только оздоравливает пульс литературной жизни, но и смело раскрывает перед нами ее новые рубежи, пока еще не достигнутые горизонты. Наиболее типично для этого потока сегодняшней грузинской литературы пользующееся обостренным вниманием и интересом читателя творчество Гурама Панджикидзе, в частности его романы «Седьмое небо» и «Камень чистой воды», в которых со всей остротой поставлены многие морально-этические и нравственные проблемы, указаны возникшие в процессе общественного развития негативные явления, вскрыты жизненные язвы, вынесено на свет все то темное и мутное, что осело в душе нашего современника. Писатель смело выступает против всего, что мешает обществу двигаться вперед, сковывает лучшие проявления человека. Он гневно поднимает голос против тех, кто потерял человеческое достоинство и совесть, погряз в болоте мещанства и обывательщины. Романист бескомпромиссен в покое отрицательных явлений, беспощаден ко злу и пороку. Его симпатии целиком на стороне честных, добросовестных людей, с чистой совестью и сильным духом. Он стоит на позициях тех, для кого святы труд на благо общества и преданность ему, дороги честность, человечность и гуманность.

Как должен жить человек? Каким он должен быть? Что такое порядочность? Что такое ясная цель и какими путями следует идти к ней? Что подлинно, возвышенно и ценно в человеке? Что такое камень чистой воды в обществе и в личности? Что значит быть патриотом и гражданином? Чем определяются роль и место человека в обществе?

Эти кардинальные морально-нравственные и социальные вопросы поставлены в романах Гурама Панджикидзе весьма категорично.

Назначение художественного слова писатель видит в утверждении ясных идеалов, в бескомпромиссной борьбе со злом. Стремление вытравить язвы жизни, искоренить ее уродливые проявления, забота о чистоте души и истинной человечности — вот основная идейная направленность, идейное кредо романов Гурама Панджикидзе, делающие их актуальными, нужными, интересными с художественной и общественной точек зрения.

Построены оба романа на художественном принципе светотени. Друг другу противопоставлены положительные и отрицательные персонажи. На одной стороне — Отар Нижарадзе, Тамаз Яшвили, академик Давид Боцвадзе, Нато, друзья Левана Хидашели — начальник мартеновского цеха Элизбар Хундадзе, главный инженер металлургического завода Михаил Георгадзе, Натия Кипиани и другие, на другой — Леван Хидашели, Марина Миндадзе со своей семьей, профессора Нико Какабадзе, Иасе Дидидзе, отец Тамаза — Григорл Яшвили, Медея Замбахидзе, Манана Гавашели и другие. Их взаимоотношения и создают острые коллизии и конфликты. Борьба между противоположными сторонами происходит в различных сферах. Она чрезвычайно разнообразна. На ее арене вырисовываются характеры, рождаются и развиваются тенденции, обрастают плотью художественные идеи, проявляются позиция автора и его художественное чутье.

И «Седьмое небо», и «Камень чистой воды» не велики по объему. Но тем не менее оба произведения богато «населены». В каждом из них действует более трех десятков персонажей. Такая плотность «населенности» на малой площади достигнута благодаря четко разработанной композиции. Здесь все приведено в соответствие с идеей романов — светотени распределены умело, краски использованы в меру, но эффектно. Повествование лаконично, сжато и динамично. Не чувствуется пустот. В художественном отношении текст насыщен и целенаправлен. Все это позволяет найти для каждого персонажа соответствующую окраску, четкими, впечатляющими штрихами обрисовать суть характера и его основные черты. Так возникают образы-характеры, крепко сидящие в художественной ткани, отмеченной простотой и ясностью.

Среди них есть сильные характеры. В грузинской художественной критике справедливо отмечалось, что в противоположность продолжительному процессу «дегероизации» в романах Гурама Панджикидзе отчетливо прослеживается тенденция восстановления героя. И Леван Хидашели, и Отар Нижарадзе сильные натуры. Они будто даже похожи друг на друга. Оба бесстрашны, не способны на отступления. И у одного, и у другого твердый характер и сильная воля. Но всей своей жизнью, целями и моралью они находятся на противоположных полюсах.

Образ Левана Хидашели стоит особняком в современной грузинской литературе. Это тип мещанина, обывателя, карьериста, честолюбивого, пронырливого и вероломного человека. Но Левана не сразу распознаешь. Своей мужественной внешностью, знаниями, энтузиазмом в деле и показной внимательностью он способен даже очаровать окружающих. В действительности же Хидашели эгоист, маленький, вероломный и подлый человек. Главное в его жизни — это карьера, желание подняться на более высокую ступень иерархической лестницы, чтобы обрести власть над другими людьми, чувствовать превосходство над ними. С этой целью он и живет, ради этой цели и жертвует всем: человечностью, совестью, самолюбием, дружбой, любовью...

У Отара Нижарадзе тоже есть свои цели, но он не пытается осуществить их нечестным путем. Отар — человеколюбивый, искренний и преданный друг, благородный человек с возвышенной моралью. Он не только не смиряется с порочностью, несправедливостью, унижением и нечестностью, но и борется со всем этим злом, борется иронией, непосредственным действием, даже кулаками, когда другого выхода нет. Нижарадзе далек от зависти и эгоизма, обывательства и мещанства. Для него жизнь не бесконечная лестница, по которой надо или как орел взлететь, или как змея вползти. Леван Хидашели из кожи вон лезет, проливает пот не оттого, что это его потребность, что он рдеет о деле, переживает за него, и не потому, чтобы трудом служить обществу, народу, а в угоду своим эгоистическим, карьеристским целям, для удовлетворения своего волчьего честолюбия. Отар же Нижарадзе живет и трудится, как должен жить правдивый, благородный человек, и о результатах особенно не заботится. Труд для него не средство удовлетворения своих эгоистических устремлений, а естественная потребность.

Жизнь уготовила ему множество суровых испытаний. Он понравился одной из красивейших женщин Тбилиси — Манане Гавашели. Отар идет встречать с ней. Соблазн велик. Но он преодолел его. Дельцы предложили ему пятьдесят тысяч рублей за дело, не накладывающее на него никакой ответственности и ни с какими трудностями не связанное. Отар должен был только поступиться своей совестью, пренебречь своей человечностью. Но он этого не сделал. Соблазн легкой наживы был тоже им преодолен. Отар заболел белокровием. Смерть неизбежна, но он не пал духом, не стал предаваться отчаянию, не сложил руки; в оставшиеся два-три года жизни он мобилизует себя на осуществление своих благородных целей. И в итоге побеждает даже испытание смертью.

Антиподами являются также Марина Миндадзе и Натия Кипиани. Марина — единственная дочь, избалованная, пустая мещанка и эгоистка. Она даже не может себе представить, что ее желание не исполнится. Любовь для нее средство удовлетворения честолюбия. Марина Миндадзе расчетливо, ловко опутывает Левана Хидашели, чтобы стать его женой. Цель достигнута, но ничего, кроме унижения, оскорбления и горечи, ей это не принесло.

Совсем иначе все обстоит у Натии Кипиани. Она искренне полюбила Левана Хидашели. В своей любви Натия бескорыстна и чиста. Обаятельная и преданная девушка, она тяжело пережила измену Левана, но с достоинством выдержала тяжелое испытание. Основная функция Натии Кипиани в романе заключается в выявлении образа-характера Левана Хидашели, но и сам по себе ее образ интересен и привлекателен. Писатель рисует Натю скупыми, но запоминающимися штрихами. В романе она не имеет большой арены действий, но своей добротой, твердым характером и прекрасной душой рождает в читателе желание подражать ей.

Тамаз Яшвили решил повеситься. За это его считают слабой личностью. В действительности же он человек с твердой волей. Еще юношей Тамаз сделал смелый шаг, восстав против сытого, показного, спокойного и безмятежного существования своей семьи, живущей на незаконные доходы. Он оставил отцовский дом. Тамаз Яшвили мог завоевать доверие заведующего кафедрой, заслужить его благосклонность, но, ни минуты не колеблясь, совершил негодный ему поступок, так как не мог свернуть с пути, продиктованного справедливостью и добросовестностью. За это его уволили с кафедры. Яшвили остался на принципиальной позиции и тогда, когда недостойному студенту по чужой протекции не поставил высокой оценки. В самом решении покончить жизнь самоубийством видна не слабость, а протест против двуличия, измены и бесстыдства, малодушия и человеческого падения. Намерение сознательно уйти из жизни — следствие твердой позиции честного и эмоционального человека.

Противопоставлены друг другу профессора Нико Какабадзе, Иасе Дидидзе и академик Давид Боцадзе. Нико абсолютно безразличен к воспитанию научных кадров, он без колебания увольняет с кафедры талантливых молодых специалистов, покровительствует серым, бесцветным личностям, чем и предаёт научную совесть и гражданский долг. Зато Давид Боцадзе с готовностью принял в институт молодого талантливого математика Тамаза Яшвили и создал ему все условия для плодотворной работы. Нико Какабадзе и ему подобные тормозят науку, засоряют и тянут ее назад. Но, к счастью, есть Давид Боцадзе и ему подобные, для которых интересы науки — святая святых. Они как заботливые садовники растут научные саженцы, способствуя их расцвету. Но в жизни есть также Нико Какабадзе и такие, как он, которые отравляют нам жизнь, загораживают дорогу молодым дарованиям, и против них надо бороться. Есть у нас и Давид Боцадзе, который в этой борьбе выступает нашим союзником, нашим предводителем. Он зовет нас к борьбе и вселяет веру в победу.

Зло, бездушные многолики. Нарушение ставших правилом жизни здорового общества морально-нравственных норм происходит во многих направлениях. Вырождения души, порочность выражаются многосторонне. Для обрисовки зла, бездушия, вырождения писатель создает многообразную галерею образов-характеров. Рабом мещанства, обывательства, пустоты и махинаций является лысый мужчина, сосед Левана Хидашели по самолету, который увлечен торгашеством, приобретением различных вещей. Его душа — в плену у этих вещей.

Школьный товарищ Левана — Гиви Микадзе свернул с правильного пути, оставил свою специальность. В ремонтной конторе он «делает» деньги и пьянствует.

Платон Миндадзе руководит стройкой и прикарманивает огромные деньги.

Буфетчик Гриша всю жизнь провел в буфете, отказался от разумной жизни, чтобы приносить домой украденные деньги и хвастать богатством перед знакомыми, друзьями и близкими.

Целая группа дельцов, которые в результате бессовестных махинаций стали владельцами огромных денег, с целью скрыть убийство предлагает Отару Ницарадзе за лжесвидетельство пятьдесят тысяч рублей.

Надменность и эгоизм окончательно поглотили всю семью Платона Миндадзе. Манана Гарашели — мещанка, женщина легкого поведения.

Карьеризм унизил и духовно изуродовал профессора Иасе Дидидзе, который тщетно пытается использовать Тамаза Яшвили для достижения своей карьеристской цели. Карьеризм движет доцентами, которые лицемерят и лезбят перед своим начальством.

Только изменой своему долгу, бездушием и низостью объясняется поведение профессора Нико Какабадзе и следователя, подкупленного дельцами.

Беспринципность, трусость, поклонение безмятежной жизни делают профессора Давида Тавишвили опорой и союзником заведующего кафедрой профессора Нико Какабадзе в неприемлемом для себя и вредном обществу деле.

Целью «ансамбля» легкомысленных, безнравственных, низких людей составляют Марина Миндадзе, Медея Замбахидзе, Тинатин, Манана Гавашели, Иза, Магда Брегадзе. Сплетницы и завистницы Лела и Миранда считаются подругами Марины Миндадзе, в действительности же лишь завидуют и вредят ей.

Даже когда персонажи характеризуются схожими или одинаковыми пороками, они тем не менее не похожи друг на друга, по-разному проявляют свою порочность, каждый имеет свой облик, идет по своему пути, использует собственные методы борьбы. Художественные образы обрисованы свойственными каждому из них красками. Такой глобальный и художественно конкретный показ порочности, многостороннее, многообразное, впечатляющее раскрытие и передача художественной идеи, как в романах Гурама Панджикидзе, явление не столь уж частое.

Любой порок, в каком бы виде он ни был представлен, достоин принципиального осуждения, но позиция писателя в отношении к нему все же характе-

ризуется дифференцированными нюансами. Честолюбивый карьерист Леван Хидашели опасен потому, что для удовлетворения своего честолюбия способен отказать от всего, что составляет богатство и достоинство души человека. Против Левана необходимо бороться, его надо разоблачить, обезопасить и победить. Но писателю в какой-то мере даже жалко этого человека. А что если спасти его? Или попытаться вывести на правильный путь? Может, горький опыт жизни, неожиданное несчастье образуют его? Если так, он должен жить. Тогда имеет смысл и его возвращение в общество. А без этого Леван Хидашели недостойн жизни, его существование лишено содержания. Именно поэтому, попав в автомобильную катастрофу, он и остается на грани жизни и смерти.

Иначе выглядит отношение автора к дельцу Мише. К этому большеголовому существу можно испытывать только брезгливость, ибо это безнадежно выродившийся элемент нашего общества. И он должен быть удален. Его невозможно жалеть. Таких не воспитаешь, не переделаешь и не исправишь.

Магда Брегадзе — сошедшая с правильного пути, развращенная девушка. Но романист больше ненавидит пустую, легкомысленную эгоистку Марину Миндадзе, считая ее более опасным и вредным злом, чем Магда. И читатель не может с этим не согласиться.

Позиция писателя в отношении добра и зла хорошо видна из отношения к тем персонажам, которые незаслуженно страдают, терпят неприятности в столкновении с различными проявлениями порочности. Поэтому все его симпатии, так же как и читателя, принадлежат Тамазу Яшвили, Эльдару Алексидзе, Ленсо Арчешавили, двое из которых пострадали в результате безответственности, бездушия и карьеризма, а третий — Эльдар Алексидзе — честный труженик и добрый человек, глава спокойной и честной семьи — стал жертвой распоясавшихся дельцов. Найдя дом Эльдара Алексидзе, Отар Нижарадзе в окно наблюдает за его близкими, которые, не зная пока о трагической гибели мужа и отца, накрыли стол и ждут его возвращения с работы. Овдовела женщина, осиротели дети. И насколько велико чувство жалости к этим невинно пострадавшим людям, настолько огромно возмущение бездушными дельцами.

Для показа неупорядоченности жизни, еще сохранившейся в ней несправедливости писатель обращается к приему контраста. Женщина с больным сердцем вынуждена ходить со своим малолетним ребенком по дворам, чтобы продать мацони и заработать хоть какие-то гроши на жизнь. А большеголовый Миша предлагает огромные деньги за удовлетворение своей дикой прихоти. Нам жаль бедных, беспомощных людей, и мы возмущаемся, когда видим разбогатевших на жульничестве мерзавцев.

В романах Гурама Панджикидзе много отрицательных героев, но, несмотря на это, произведения его не сентиментальны и небезысходны. Напротив — они насыщены оптимизмом, проповедуют и утверждают светлые и высокие идеалы. В этом решающую роль играют ясная, правильная позиция писателя, его художественное чутье.

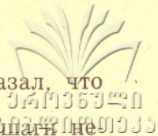
Наряду с кардинальными проблемами в «Седьмом небе» и «Камне чистой воды» поставлен не один острый и злободневный вопрос. К их числу относится понимание места личности в обществе, того, насколько арена действия, участок деятельности соответствуют знаниям и опыту, способностям и стремлениям каждого конкретного человека. Когда он сидит не на своем месте, служит чуждому ему делу, это вредно и делу, и человеку, ибо его труд малорезультативен, а сам он не только испытывает неловкость и внутренне несчастен, но и смешон.

Миرون Алавидзе прошел войну, у него немалый жизненный опыт, он добросовестный и честный человек. Но, работая главным редактором сценарного отдела студии экспериментальных фильмов, занимается не своим делом, и поэтому труд его безрезультатен, а сам он стал предметом насмешек Отара Нижарадзе. Так же беспомощны и смешны Мзия Ахобадзе, Гиви Джолия, Нана Абесадзе, которые, не известно как попав в студию, ни на что здесь не способны.

Подозрительность не только портит отношения между людьми, не раз она становилась причиной несчастья. Человек должен очиститься от ревности: даже врагу надо доверять — такова моральная сентенция, которую писатель поднимает до уровня фатализма. Бежан Абуладзе усомнился в искренности немецкого солдата, испугался его, не смог довериться врагу и убил спящего человека ножом. Как расплата за это — угрызения совести, лишившие его разума.

Двойник Бежана Абуладзе — Александр Кобидзе. На фронте его психика не выдержала, он тяжело заболел и потом три года лечился. По идейной нагрузке, судьбе и художественной функции эти два персонажа фактически представляют один и тот же художественный образ.

Заведующего лабораторией прикладной математики Александра Кобидзе свела с ума фраза, случайно произнесенная Тамазом Яшвили: «— Не доверяешь? — Не доверяю! — закричал страшным голосом Кобидзе; глаза его помут-

нели, челюсть перекосилась и на щеке заиграл желвак. — А кто сказал, что не доверяю?!».

Ночью на безлюдной тбилисской улице Тамаз Яшвили услышал знакомца, которые постепенно приближались, и он страшно испугался. Незнакомец подошел и попросил спички. «— Испугался, да? — потом поднес губы к уху Тамаза и шепотом, словно по секрету, сказал: — Потому что люди не доверяют друг другу».

Персонажи появляются в романе свободно, естественно, как это могло бы быть в действительности. И каждый имеет свою функцию или локальную идею, играет вспомогательную роль в раскрытии и передаче какого-либо главного образа-характера или является героем, в художественном освещении реализующим ведущую идею произведения.

В «Седьмом небе» в самом начале появляется толстый, лысый мужчина средних лет, с красными щеками, у которого рот полон золотых зубов. Он сидит в самолете рядом с Леваном. Полет кончается, и путь этого лысого в романе тоже кончается. Но в его лице писатель с первых же строк произведения выражает свое отношение к мещанству и легкомыслию, к торгашеству и пребыванию в плену вещей.

В «Камне чистой воды» скупыми, но впечатляющими штрихами передан облик Нато, мягкой, разумной, прилежной и преданной в любви девушки. Все это сообщает названному персонажу свою, конкретную функцию. Но, кроме этого, и в основном образ Нато служит раскрытию, передаче и художественной характеристике Отара Нижарадзе, так же как друзья-сталебары — образа Левана Хидашели. Писателю удается сделать запоминающимися даже эпизодические персонажи.

Особо следует отметить обостренное чувство юмора. Гурам Панджикидзе опирается на господствующую в грузинской классической и советской литературе интерпретацию юмористического. Смешно, что сватом Бекины Саманишвили («Мачеха Саманишвили» Д. Квдиашвили) становится его же сын, стремящийся найти для своего капризного отца бездетную вдову и таким образом оградить себя от появления ребенка, с которым придется поделить и без того маленькое имущество. Смешно, что Кваркваре Тутабери из одноименного произведения П. Какабадзе — этот невежда, трус и бездельник — хочет быть вождем. В такое юмористическое положение поставлен и Мирон Алавидзе, которому доверили не знакомое ему дело. Смешно и жалко выглядят Мзия Ахобадзе, Гиви Джолия и Нана Абесадзе. Смешна Тинатин Миндадзе, которая старается во всем подражать своей дочери и ее товарищам — она и одевается, как они, и говорит на их жаргоне. Полна юмора вся история Валико Азаршвили и происшедшего в цехе события.

Встречаются в романах и трагикомические ситуации. Таково, например, приключение Симона Канчавели и его жены Изы. Симон всю жизнь был один, потом женился на женщине, которая никак ему не подходила, и тем поставил себя в трагикомическое положение.

Юмор не только удобный художественный прием для характеристики персонажей, он придает произведениям живость и привлекательность.

Не случайно оба романа Гурама Панджикидзе были переделаны в пьесы и поставлены на театральной сцене. Это обусловлено не только актуальностью поставленных в них проблем, идейно-тематической целенаправленностью, гражданским пафосом, но в то же время и художественно-эстетическими достоинствами его произведений, в частности, сильными и динамичными характерами, правдивыми диалогами, картинной, образной передачей эпизодов и ситуаций. Характеры персонажей проявляются не только в тех или иных ситуациях, но и в диалоге, жесте, мимике, одежде.

В сложной обстановке Гурам Панджикидзе оружием художественного слова развенчал зло и порок, которые в течение многих лет копились в Грузии. Он проявил художественную принципиальность и гражданственность. Его романы осуждают перерождение, разложение, духовное падение личности, они борются за утверждение честности, человечности и человеческих достоинств в ней. «Седьмое небо», как и «Камень чистой воды», воспевают труд, трудового человека и отвергает тунеядство, карьеризм и легкомыслие. Оба романа славят душевную красоту, смелость и отвагу человека, осуждают душевную низость и порочность, ненасытность, проницательность и лицемерие. Позиция писателя в борьбе светлого и темного начал, добра и зла ясна и здорова, а его художественное чутье — безошибочно.

ИСТОКИ ГЛУБОКИХ ПОЗНАНИЙ

ИСТОЧНИКИ О ГРУЗИИ И ГРУЗИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
В ЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ А. М. ГОРЬКОГО

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО богатый и разнообразный книжный фонд личной библиотеки А. М. Горького в Москве (в ней сохранилось более 10 тысяч экземпляров) давно уже привлекает внимание исследователей. Еще при жизни писателя в 1932 году вышла работа И. Макарьева «Пометки Горького на книгах начинающих писателей», которая была переиздана в 1957 году. В дальнейшем почти все исследователи жизни и творчества писателя широко пользуются примечаниями и приписками Горького, которые так часто встречаются на полях прочитанных им книг. В 1968 году появилась интересная статья И. И. Соколовой «Разбирая библиотеку Горького...»¹. Личная библиотека великого писателя оказывает неоценимую помощь составителям комментариев академического издания сочинений М. Горького. И это понятно — в его библиотеке исключительно по своему значению примечания, а также пометки встречаются и на страницах уникальных книг, которые давно стали библиографической редкостью. Отраднo отметить, что среди них сохранились и такие, которые показывают повышенный интерес писателя к древней и самобытной культуре Грузии, к ее богатой литературе. Знакомство его с грузинской литературой относится к самой ранней молодости.

К сожалению, многие из книг грузинских авторов, которые приобретались самим Горьким или же посылались ему из Грузии, не сохранились. В особенности это можно сказать о периоде жизни писателя за границей (книги остались в Италии, в Берлине, многие из них он передал в библиотеки, преимущественно в нижегородские). Однако и то, что дошло до нас и хранится теперь в библиотеке Горького, в его московской квартире-музее, позволяет создать достаточно яркое представление о неисчерпаемом интересе Алексея Максимовича к культуре и народу своей литературной родины — Грузии. Ведь здесь собраны наиболее ценные писателем книги, сохранившие следы его внимательного чтения. Именно к этой группе относится «Книга мудрости и лжи (грузинские басни и сказки XVII—XVIII стол.)» Сулхана-Саба Орбелиани. Перевод, предисловие и комментарии принадлежат известному грузинскому ученому А. Цагарели.

«В юности, — писал А. М. Горький в 1927 году, — когда я ненасытно читал все книги, какие попадали в руки мои, я заметил на ларьке старьевщика одну, растрепанную, в скучной серой обложке, в рыжих пятнах сырости, сквозь пятна проступали черные, значительные слова титула:

Книга мудрости и лжи.

Хотя денег у меня не было, но я приобрел эту книгу в собственность. Впоследствии я был сторицею наказан за это: у меня раскрали десятки книг.

«Книга мудрости» оказалась сборником грузинских сказок, читать ее было скучно, и я не нашел в ней ничего, что осталось бы в памяти моей.

Несколько месяцев тому назад эта книга снова попала в руки мне. Ее составил Савва Сулхан Орбелиани, напечатана в Петербурге, в 1878 году, по

¹ «Литературная Россия», 1968, № 4, с. 4.

распоряжению факультета восточных языков. Прочитал я ее с наслаждением, и вот самое мудрое, что нашел в ней:

«Визирь рассказал царю о рае и много врал, преувеличивая действительную красоту его...» Восхищает меня мудрая дерзость визиря, преувеличивающего «действительную» красоту несуществующего! Это меня гораздо больше восхищает, чем преувеличенные описания действительного ада, созданного на земле дружными усилиями различных людей» (24, 283—284)¹. Не менее важными кажутся нам и другие смелые наблюдения Горького, исходящие из книги Сулхана-Саба Орбелиани.

«Именно всей этой безумнейшей дерзостью человека, — пишет он, — силой воображения, интуиции осуществлено все то, чего не было на земле, — чудеса науки, волшебство искусства, все, чем великий Муж Земли может гордиться».

И этой же дерзостью воображения, интуиции, упорной, неутомимой работой осуществится все то, чего нет еще, но что будет, если хорошо пожелать.

Человек уже тысячи раз доказал, что он может быть тем, каким хочет быть» (24, 284).

Мысли, высказанные в статье «Заметки писателя», Горькому показались настолько занимательными, что он их повторил и в другой раз. Причем подчеркнул, что в словах визиря сформулировано и его отношение к правде жизни (30, 20).

О внимательном чтении книги грузинского автора можно судить уже по предисловию, в котором повествуется о жизненном пути Сулхана-Саба Орбелиани. М. Горький красным карандашом подчеркнул: «родился... (1655—58)» (стр. IV). Что же касается примечаний, то и здесь от его зорких глаз не ускользнул ошибочный перевод слова «безбородый» (в самом тексте оно правильно приведено, а в комментариях на странице 185 написано «безбородки»); Горький отмечает также неправильное написание слова «почечуй» (стр. 103). Эти, казалось бы, незначительные примеры красноречиво говорят о том, с каким вниманием он читал «Книгу мудрости и лжи».

В тексте много подчеркнутых мест. Причем Горький отмечает те фразы, которые ему кажутся самыми важными. Так, например, на странице 15 он подчеркивает предложение, которое содержало, по убеждению писателя, особенно важную мысль: «Визирь рассказал царю о рае, и много врал, преувеличивая его действительную красоту». Ему явно смелым показалось утверждение: «Многие пастухи лучше плохих царей» (стр. 28). Алексей Максимович подчеркнул также предложение «...хорошее и доброе племя, чо в этом народе нельзя высказать правду и истину: большие и малые — все лжецы» (стр. 107).

На той же странице Горький отчеркнул строки, содержание которых ему должно было быть особенно близко: «До такой степени сокол был хорош, что, будучи без головы, поймал журавля и после этого умер...». Писатель в книге находит подтверждение своему антифилантропическому настроению. Он отмечает фразу: «За добро никто не делал добро, не оспаривай» (стр. 133). Ту же мысль он отметил и на 135-й странице: «Добро никогда не оплачивалось добром, только ты теперь выдумываешь и сочиняешь...».

На странице 143, где речь идет о фантастической птице Татвали, которая якобы водится в Индии, Горький ставит восклицательный знак, а внизу пишет: «Анекдот, примененный к России в С.-Азии».

В книге встречаются и другие отмеченные Горьким места, однако уже приведенные достаточно ярко раскрывают причину, почему писатель вторично прочитал эту действительно мудрую книгу Сулхана-Саба Орбелиани. Эта «приписка» сделана Горьким по нормам старой орфографии, а это указывает на то, что он читал книгу до реформы, т. е. до 1918 года.

Я так подробно остановился на отношении Горького к книге Сулхана-Саба Орбелиани еще потому, что по этому вопросу до наших дней бытует преувеличенное толкование. Дело дошло до явных курьезов. В 1972 году Западно-Сибирское книжное издательство выпустило сборник статей Ефима Беленького, в котором читаем: «Анонимная «Книга мудрости и лжи», приобретенная Алешей Пешковым, как известно, не совсем законными путями в ларьке некоего старьевщика, судя по заглавию, представляла собой собрание нравственных сентенций»².

По всему видно, что автор не читал не только книгу Орбелиани, но и те места горьковских сочинений, где великий писатель так высоко о ней отзы-

¹ Цитируется по 30-томному собранию сочинений М. Горького. Первая цифра указывает том, вторая — страницу.

² Ефим Беленький. Горьковская тетрадь, Новосибирск, 1972, с. 239.

вается. Ведь в приведенной фразе Е. Беленького нет ничего верного, но особенно бросается в глаза намек на «не совсем законные пути» приобретения книги молодым Пешковым. К тому же, оказывается, этот «поступок» будущего писателя принадлежит к категории «как известно!» Здесь в лучшем случае — явное непонимание текста.

Среди старинных грузинских книг, которые также внимательно были прочитаны Горьким, в библиотеке его хранится «Житие преподобного Давида Гареджийского и Мтацминдская святого Давида церковь в гор. Тифлисе». Издание 3-е. Тифлис 1909 г. Книга эта состоит из двух частей: первая — «Житие преподобного Давида Гареджийского» (стр. 5—22) и вторая — «Церковь св. Давида Гареджийского в гор. Тифлисе» (стр. 23—30).

М. Горький в тексте красным карандашом подчеркивает слова: «великий и страшный дракон» (стр. 10), а внизу, где на странице 11 дается примечание: «На том месте, где сожжен был дракон, доньне не произрастает зелень» — Горький двумя параллельными линиями отчеркнул его.

Кроме названных, в настоящее время в библиотеке А. М. Горького хранятся книги, принадлежащие следующим грузинским авторам или же отражающие грузинскую действительность:

1) БАРАТАШВИЛИ, Николай. Стихотворения. Пер. и ред. Валерияна Гаприндашвили, Госиздат, Тифлис, 1922.

2) БАРАТОВ С. История Грузии. Тетрадь 2—3, СПб, 1871.

3) БЕБУР Б. Грузинские народные сказки. Собранные Бебур Б. СПб., 1884.

4) БИБИНЕИШВИЛИ Б. За четверть века. (Революционная борьба в Грузии). Предисловие П. Н. Лепешинского. М.-Л., Молодая гвардия, 1931.

5.) БИБИНЕИШВИЛИ Б. Камо. Предисловие М. Горького. М., 1934.

6) ВАЖА ПШАВЕЛА. Поэмы. Перевод с грузинского. М., Госиздат, 1935.

7) ГЕДЕВАНОВ С. Варяги и Русь. Историческое исследование. Ч. 1—2, СПб., 1876.

8) ДЖАВАХИШВИЛИ, Михаил. Арсен из Марабды. М., Журн.-газ. объединение, 1936 (Серия — «Исторические романы». Вып. 12. Ред. коллегия: М. Горький, А. Толстой и др.).

9) ДЖАВАХИШВИЛИ, Михаил. Арсен из Марабды. Авторизованный перевод с грузинского. М., Советская литература, 1933.

10) ЕГОРАШВИЛИ Д. Марабда. Роман. Кн. I, М.-Л., ГИХЛ, 1932.

11) КАЗБЕГИ, Александр. Отецубийца. Пер. с груз. С. Кавтарадзе. Предисловие В. Гольцева. М., Госиздат, 1936.

12) КАМАРАУЛИ А. Я. Хевсуретия. Очерки. Тифлис, «Культурное об-во горцев Грузии», 1929.

13) КИACHEЛИ, Лео. Новеллы. Пер. с грузинского под ред. В. В. Гольцева, М., Госиздат, 1934.

14) КИACHEЛИ, Лео. Кровь. Пер. с грузинского (сокращенный) Д. Егорашивили. М.-Л., Госиздат, 1930.

15) КЛДИАШВИЛИ, Серго. Пе-

лел. Пер. с грузинского Наты Чхеидзе. М., Гослитиздат, 1934.

16) КЛДИАШВИЛИ, Серго. Грузинские новеллы. Авторизованный перевод с груз. Наты Чхеидзе. М., Гослитиздат, 1935.

17) КУТАТЕЛИ А. Лицом к лицу. Роман. Пер. с грузинского Е. Д. Гогоберидзе. М., Гослитиздат, 1934.

18) ЛОРДКИПАНИДЗЕ, Нико. Лихоlette. Рассказы. М., 1933.

19) ПОЛУМОРДВИНОВ, Элизбар. Два солнца. Рассказы и повести. Авторизованный перевод с грузинского. Предисловие Г. Я. Таврашвили. М.-Л., Гослитиздат, 1930.

2.) РУСТАВЕЛИ, Шота. Витязь в тигровой шкуре. Поэма. Пер. с грузинского К. Д. Бальмонта, М.-Л., Академия Б. Г. И.

21) ХАХАНОВ А. С. Очерки из истории грузинской словесности. Вып. I, М., 1895.

22) ХАХАНОВ А. С. Очерки из истории грузинской словесности. Вып. I, М., 1895.

23) ЦЕРЕТЕЛИ, Георгий. Первый шаг. М., 1936.

24) ЦЕРЕТЕЛИ Г. Ф. Новые комедии Менаандра. Юрьев, 1914.

25) ЦЕРЕТЕЛИ Н. Русские крестьянские игрушки. М.-Л., Академия, 1933.

26) ЦЕРТЕЛОВ Д. Н. Теория искусства графа Л. Н. Толстого. М., 1899.

27) ЧИКОВАНИ, Симон. Стихи. Авторизованный перевод с грузинского. М., 1935.

28) ШЕНГЕЛАЯ, Демна. Санвардо. Роман. Пер. с грузинского Колау Чернявского. Тифлис, Закнига, 1929.

29) ШЕНГЕЛИ, Георгий. Планер. Стихи. М., 1935.

30) ЭУЛИ, Сандро. Стихи. Пер. с грузинского. М., 1934.

Наряду с этими книгами в горьковской библиотеке имеются сборники, куда вошли как художественные произведения, так и образцы грузинского народного творчества, а также кавказцев вообще:

1) Альманах грузинской прозы. Ред. В. В. Гольцев. Изд-во писателей в Ленинграде. 1934.

2) Абхазские сказки. Сухуми, 1935.

3) АРШАРУНИ А. И. и ВОЛЬТ-МАН С. Л. Эпос советского Востока. Л., 1930.

4) Поэзия народов СССР. Сборник составил С. Валайтис. М., 1928.

5) Песни народов СССР. М., Госиздат. Изд. 2-е, доп., 1935.

6) ГУЛЬБАТ. Сборник грузинских

легенд. М., Университетская тип., 1899.

7) Игры народов СССР. Сборник материалов. М.-Л., Академия, 1933.

8) «Литературное Закавказье». Ежемесячник литературы и искусства народов ЗСФСР (отв. ред. А. Дудучава), т. I. Тб., 1935.

9) МАКСИМОВ П. Горские сказки. Предисл. М. Горького. Ростов-на-Дону, 1935.

10) Поэзия горцев Кавказа. Сборник. Составил Дзаго Гатуен. М., 1934.

А сколько уникальных книг собрано Горьким по истории, этнографии, географии, по краеведению Кавказа! Эта поистине редкая коллекция украсила бы библиотеку любого крупного ученого-специалиста. На этих книгах мы видим бесчисленные пометки, приписки, вопросительные и восклицательные знаки, подчеркивания и отчеркивания. Словом, хозяин постоянно с ними «общался», черпал из них нужные ему сведения. Большинство из этих книг в твердом переплете не типографского образца; они так и «кочевали» за писателем, будь он в Италии, Германии или в Петербурге... Чтобы раскрыть истоки глубочайшего знания М. Горьким жизни и культуры грузинского народа, равно как и других народов Кавказа, мы приведем далеко не полную библиографию этих сокровищ из его московской библиотеки:

1) Адаты Даргинских обществ. Сбор. статей. 1865.

2) Акты Иверского святоозерского монастыря (1582—1706). Пб., Археограф. Комиссия, 1878.

3) АЛАВЕРДОВ К. Язык и письменность народов СССР. М., 1933.

4) БАКЛАНОВ Н. Б. Златокузнецы Дагестана. М., 1926.

5) БЕРЖЕ А. П. Чечения и чеченцы. Тифлис, 1859.

6) ВЕЙДЕНБАУМ Е. Путеводитель по Кавказу. Тифлис, 1888.

7) ВЕЙНБЕРГ, Павел. Сцены из еврейского и армянского быта. СПб., 1878.

8) АЛИЕВ, Умар. Национальный вопрос и национальная культура в Северо-Кавказском крае. 1926.

9) ВЕРДЕРЕВСКИЙ Е. А. Плен у Шамилы. Правдивая повесть о восьмимесячном и шестидневном (1854—1855 гг.) пребывании в плену у Шамилы семейств: покойного ген.-майора князя Орбелиани и подполковника князя Чавчавадзе... В 3-х частях, СПб., 1856.

10) ВЛАДЫКИН М. Путеводитель и беседы в путешествии по Кавказу. В 2-х ч. Изд. 2-е, доп. и испр., ч. 1—2, М., 1885.

11) ГАКСТГАУЗЕН, Август фон. Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийским морями. Путевые впечатления и воспоминания барона

Августа-фон-Гакстаузена. Ч. 1—2. СПб., 1857.

12) ГРОВЕ. Холодный Кавказ. СПб., жур. «Природа и люди», 1879.

13) ДИНГЕЛЬШТЕДТ, Николай. Закавказские сектанты в их семейном и религиозном быту. СПб., 1885.

14) Из воспоминаний начальницы женской гимназии 1875—1904 гг., в 3-х частях... Ч. I—2. Тифлис и К-а 1875—1897. 1907...

15) Кавказ. Под ред. Э. С. Батенина, М., 1927.

16) Кавказский край. (Биолого-географическое исследование). Б. М. и Г.

17) МАРЛИНСКИЙ А. Сочинения, тт. 1—12, СПб., 1838—39 гг., ч. 9. Кавказские очерки, ч. 10. Кавказские очерки.

18) МАРР Н. Я. Кавказский культурный мир и Армения. Пг. сенатск. тип., 1915.

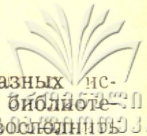
19) Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 2—14; 16—17; 19—25; 28. Тифлис. Изд. Упр. Кавказа.

20) Сборник сведений о кавказских горцах. Под ред. Н. И. Воронова. Вып. VII.

21) Сборник сведений о кавказских горцах. Издан. с соизволения... Главнокомандующего кавказской армией при Кавказск. горск. управлении. Вып. 7, т. I, Тифлис, 1873.

22) СЕМЕНОВ Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. (Рассказы, очерки, исследования...). СПб., 1895 и многие другие.

¹ Составить библиографию нам помогла М. М. Пешкова, за что мы ей весьма признательны.

Как говорится, здесь комментарии излишни. Обилие разнообразных источников о Кавказе само по себе очень много говорит о владельце библиотеки, который так тщательно собирал литературный материал, дабы восполнить личные наблюдения и впечатления о крае и народе, где ему было суждено начать свой творческий путь писателя.

Как известно, Горький был особенно взыскателен к материалам, отражающим его пребывание в Грузии. В личной библиотеке сохранились сборники документов, которые читались писателем с карандашом в руке.

Прежде всего «Дело о Максиме Горьком. Материалы Тифлисского губернского жандармского управления». Книга выпущена «Сахелгами» в 1928 году и представляет собой сборник архивных документов, отражающих в основном арест и заключение писателя в Метехский замок в 1898 году в связи с раскрытием революционной деятельности друга его по Тбилиси Ф. Афанасьева. Документам предпослано довольно пространное «Вместо предисловия» известного революционера и государственного деятеля Ф. Махарадзе и «Введение» Барона Бибинейшвили.

Между этими двумя документами чувствуется определенное противоречие. Автор «Введения», вопреки публикуемым документам, пытается снизить революционное значение деятельности политических кружков 90-х годов прошлого века. Горький отмечает это противоречие и разделяет оценку исторических событий, данную Ф. Махарадзе. Хотя и в его вступлении усматривает ошибки.

Особенно важным представляется уточнение, внесенное Горьким в определение личности и революционной поэзии Ф. Е. Афанасьева. Три года раньше сам Алексей Максимович в письме И. Груздеву давал ему довольно неопределенную характеристику. Он тогда писал: «Федор Ермолаевич Афанасьев — один из тех рабочих, которые в начале 90-х годов, ознакомившись с учением Маркса по брошюре А. Н. Баха «Царь Голод», долгое время могли жить, не испытывая охоты узнать еще что-либо. Затем у него наступил момент молниеносного сомнения в излюбленной правде, он пережил этот момент очень тяжело. Но в 5—6 годах возвратился к старой вере и, кажется, погиб в борьбе за ее торжество»¹.

Здесь явно чувствуется, что Горький о Ф. Афанасьеве многое забыл. Да и документы, которые ему прислал И. Груздев, могли ему напомнить только ранний период его жизни. Зато в этой характеристике Ф. Е. Афанасьева не трудно найти следы вышедшей тогда книги И. И. Власова «Ткач Федор Афанасьев», которая хранится в личной библиотеке писателя. И вот прошло всего три года, и теперь он сам в книге «Дело о Максиме Горьком», там, где говорится о Ф. Е. Афанасьеве, что он был «...видным деятелем московского рабочего кружка Бруснева, существовавшего в 1891—92 годах. За свою активную революционную работу среди московских рабочих Ф. Афанасьев был выслан в административном порядке в г. Тифлис», делает примечание синим карандашом: «Это другой Афанасьев, одноименец и однофамилец»². Кстати, выше приведенные слова об Афанасьеве подчеркнуты красным карандашом. Этим же карандашом подчеркнуто слово уже из «Вместо предисловия» Ф. Махарадзе, где о Ф. Афанасьеве сказано: «...рабочий — слесарь Афанасьев, служивший механиком в магазине швейных машин»³. Что же касается более позднего письма Горького к Ф. Махарадзе, то там приведенные сведения о Ф. Е. Афанасьеве писателем в основном взяты из писем вдовы Афанасьева и Н. Кара-Мурзы.

В книге «Дело о Максиме Горьком» имеются и другие пометки Горького, указывающие на ошибки и противоречия, встречающиеся и в жандармских документах.

В личной библиотеке писателя хранится также выпущенный Центральным архивом сборник «Революционный путь Горького» (М., 1933), куда вошло многое из того, что было опубликовано в книге «Дело о Максиме Горьком». И здесь есть пометки Алексея Максимовича.

С таким же вниманием читал он еще в Италии книгу Эбер. Клейна «Горький в Тифлисе», изданную в Тбилиси в 1928 году. Книжкой в целом Горький остался недоволен, о чем и писал ее автору (30, 93). Однако в Москве у букинистов он снова покупает ее, и сейчас она хранится в его личной библиотеке. Если учесть еще его интерес к книге «Максим Горький» (издание «Кубу-ча») и статье И. А. Груздева «М. Горький в Тифлисе», которые также находятся

¹ Архив А. М. Горького. Том XI, М., 1966, с. 26.

² «Дело о Максиме Горьком», Тифлис, 1928, с. 11.

³ Там же, с. V. Горький после этих слов ставит знак «х», а внизу пишет «стр. 27», тем самым указывая на противоречие.

в горьковской библиотеке, станет очевидным повышенный интерес к источникам и событиям, отражающим его деятельность в Грузии.

Поскольку многие из тех грузинских книг, которые были посланы Горькому в Италию еще до революции, в его личной библиотеке не сохранились, особое значение приобретают сведения о них из частной переписки и газетных статей.

В письме известного грузинского общественного деятеля И. Елиашвили читаем: «При этом Горький просит срочно выслать ему все, что напечатано на русском языке по истории и литературе Грузии. Поэтому прошу тебя зайти в магазин Общества (по распространению письменности): выбери все, что там есть подходящего, отправь заказной бандеролью по нижеприведенному адресу».

Далее И. Елиашвили сообщал список тех книг, которые, по его мнению, надо было послать Горькому: «Ты лучше меня знаешь, — что имеется, но я все же поделюсь с тобой своим соображением о том, какие книги следует отправить Горькому:

А. Хаханов — Очерки по истории грузинской словесности (все четыре тома).

А. Хаханов — Краткий справочник о культуре и истории Грузии (напечатан на французском языке).

Н. Марр — Очерки культурной истории Грузии.

М. Хелтуплишвили — О присоединении Грузии к России, II издание.

М. Джанашвили — Царица Тамара.

Потто — Очерки по истории Грузии.

Баратов — История Грузии и другие, что можно найти на русском языке, ты лучше меня знаешь. Также пошли, если есть, статьи Корещенко, Ипполитова-Иванова, Аракишвили и Каргаретели о грузинской музыке...»¹.

Позже Горькому были посланы: М. Броссе «История Грузии», И. Тбилиели «Дидмоуравиани», Д. Бахтадзе «История Грузии», сочинения А. Пурцеладзе, Вахушти Багратиони, П. Иоселиани, Ф. Махарадзе и др.

Тогда же в письме к Н. Канделаки Алексей Максимович подтвердил получение книг из Тбилиси:

«Дорогой Николай Васильевич!

Все книги, Вами посланные, получены мною, очень благодарю Вас за товарищескую Вашу заботу»².

После всего сказанного, думается, становятся очевидными истоки глубоких познаний Горького не только в области настоящего, но и прошлого Грузии.

¹ См. фонд Александра Пронели, 389—6 в Литературном музее Грузии.

² Архив А. М. Горького. ЦГ—рп. 13—41—2.

Леван ЭБАНОИДЗЕ

В ПЕРВОЙ ШЕРЕНГЕ БОРЦОВ

РЕВОЛЮЦИЯ 1905—1907 ГГ. В ГРУЗИИ

РЕВОЛЮЦИЯ 1905—1907 годов в России была первой народной революцией эпохи империализма. Она являлась важным этапом борьбы рабочих и крестьян России за свое социальное и национальное освобождение и представляла целую историческую полосу в жизни народов нашей страны и Коммунистической партии Советского Союза. Революция «показала, что начался новый период всемирной истории, период политических потрясений и революционных битв»¹.

Огромное всемирно-историческое значение первой русской революции бесспорно. В. И. Ленин писал: «...РЕВОЛЮЦИЯ 1905 ГОДА ЧРЕЗВЫЧАЙНО МНОГО СДЕЛАЛА ДЛЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБУЧЕНИЯ МАСС РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН... БЕЗ ТАКОЙ «ГЕНЕРАЛЬНОЙ РЕПЕТИЦИИ», КАК В 1905 ГОДУ, РЕВОЛЮЦИЯ В 1917 КАК БУРЖУАЗНАЯ, ФЕВРАЛЬСКАЯ, ТАК И ПРОЛЕТАРСКАЯ, ОКТЯБРЬСКАЯ, БЫЛИ БЫ НЕВОЗМОЖНЫ»².

Великий Ленин указывал, что, хотя формы грядущих революций в Европе будут во многих отношениях отличаться от форм первой русской революции, она все же «остаётся ПРОЛОГОМ грядущей европейской революции»³.

Более высокой оценки значения первой русской революции дать нельзя, ибо она являлась преддверием Великой Октябрьской социалистической революции, с победой которой связано начало новой эры в истории человечества — эры падения капитализма и победы социализма.

Вполне понятно поэтому то большое значение, которое Коммунистическая партия Советского Союза придавала и придает глубокому научному изучению и обобщению опыта первой русской революции, возглавленной, созданной В. И. Лениным, партией нового типа, подлинно марксистской большевистской партией. Коммунистическая партия уделяет особое внимание изучению революционного прошлого и потому, что оно имеет громадное научно-познавательное и воспитательное значение, ибо революционные традиции прошлого помогают народу лучше осмыслить настоящее и успешно решать поставленные перед ним задачи коммунистического строительства.

* * *

В начале XX века центр мирового революционного движения переместился в Россию, где сложилась революционная ситуация. Экономический кризис и безработица вызвали дальнейшее ухудшение положения трудящихся и обострение классовой борьбы пролетариата. Подъем рабочего движения оказал революционизирующее воздействие на крестьянство, борьба которого против помещичьего строя приняла широкий размах. На окраинах России развернулось национально-освободительное движение, которое всецело примыкало к революционной борьбе рабочих и крестьян России.

¹ Из постановления ЦК КПСС «О 70-летию революции 1905—1907 годов в России».

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 306.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 327.

Весь ход исторического развития свидетельствовал о том, что в России быстро назревала народная революция, развязывание которой ускорила русско-японская война 1904—1905 годов, явившаяся одной из первых войн империализма.

Началом первой русской революции, как известно, явилось «кровавое воскресенье» — 9 (22) января 1905 года. В этот день в Петербурге войсками была расстреляна мирная демонстрация рабочих, шедших к царю с петицией о своих нуждах. Царское правительство рассчитывало заглушить кровавой расправой рабочих и крестьян, заглушить революционное движение в стране. Но этот расчет провалился. «Кровавое воскресенье» убило в народе наивную веру в «милость» царя. Даже отсталые рабочие начали понимать, что права и лучшую жизнь может дать только революционная борьба.

Этот день, 9 (22) января 1905 года, явился исходным моментом мощного подъема революционного движения во всей России.

«Начинается восстание. Сила против силы, — писал В. И. Ленин 10 января 1905 года. — Кипит уличный бой, воздвигаются баррикады, трещат залпы и грохочут пушки. Льются ручьи крови, разгорается гражданская война за свободу. К пролетариату Петербурга готовы примкнуть Москва и Юг, Кавказ и Польша. Лозунгом рабочих стало: смерть или свобода!»¹.

Начало революции в Грузии, как и все ее последующее развитие, было непосредственно связано с революционным движением во всей России и являлось его неразрывной частью.

18 января в Тифлисе началась всеобщая политическая стачка.

Подготовка к ней проходила в условиях жесточайших репрессий. В ночь на 18 января были арестованы члены Кавказского Союзного комитета РСДРП М. З. Бочоридзе, Ф. И. Махарадзе, А. Г. Цулукидзе и другие. Но это не остановило рабочих. Первыми забастовали рабочие Главных железнодорожных мастерских, прошедшие под руководством большевиков замечательную школу классовой борьбы и неизменно занимавшие передовые позиции в рабочем движении в Грузии. В этот же день забастовали рабочие механических заводов и типографий. 19 и 20 января стачка охватила все фабрики и заводы города. Прекратилось движение трамвая. 19 января в Дидубе, на Батумской площади, собрался митинг, в котором приняло участие свыше 2.000 рабочих-железнодорожников. Полиция и казаки разогнали митинг.

Революционное движение возглавляли большевики. Они спланировали рабочих на активную борьбу против царского правительства, разъясняли рабочим в своих прокламациях и листовках, что во время стачек они не должны сидеть дома, а должны устраивать митинги, демонстрации, чтобы превратить улицы в главную арену борьбы против самодержавия.

Рабочие массы встретили этот призыв с большим воодушевлением. В воскресенье, 23 января, в Тифлисе произошли революционные демонстрации. В этот день на Головинском проспекте (ныне проспект Руставели) полиция и казаки напали на демонстрантов, вышедших на улицу с красным знаменем и лозунгом «Долой самодержавие!». Было убито и ранено несколько человек, свыше 40 передовых рабочих подверглись аресту².

17 января в Батуми началась стачка портовых рабочих и железнодорожников. 20-го забастовали рабочие таможи. 24—26 января забастовка приняла всеобщий характер. В городе устраивались массовые собрания и митинги. 27 января забастовку объявили учащиеся мужской гимназии. Они сняли портрет царя, вынесли его во двор и изорвали. Вслед за ними прекратили занятия учащиеся других школ.

В Кутаиси стачка началась 20 января. 24-го бастующие рабочие, к которым присоединилась передовая часть интеллигенции и служащие, устроили у городского бульвара демонстрацию; в ней участвовало свыше 2.000 человек. В центре города в течение двух часов гремели революционные песни.

Забастовали рабочие в Сухуми, Поты, Чиатура, Ткибули, Шорапани, Михайлово и в других населенных пунктах. Хорошо была организована стачка в крупном промышленном центре Грузии — в Чиатура. Она носила упорный характер и продолжалась два месяца. По инициативе Чиатурской организации РСДРП был создан стачечный комитет, который вел революционную агитацию, распространял прокламации и листовки, помогал рабочим в составлении выдвигаемых ими требований.

Особую активность во время стачек проявляли железнодорожники. 8 февраля прекратилось железнодорожное движение на линиях Риони—Батуми и

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, с. 178.

² Украинская поэтесса Леся Украинка, находившаяся в это время в Тифлисе, в письме к матери с болью в сердце писала: «Лужи человеческой крови стояли на тротуарах до вечера». (См.: О. Б а б ы ш к и н. Леся Украинка в Грузии, Тб., 1953, с. 28).

Самтредиа — Потя. В Кутаисской губернии на железной дороге было введено военное положение.

Революционным движением рабочих и крестьян в Грузии оперативно руководили Кавказский Союзный комитет и местные комитеты РСДРП. Авторитет партии в глазах масс росли с быстротой, присущей революционной эпохе. Повышалось сознание масс, сплачивавшихся все теснее вокруг партии.

Ленинская газета «Пролетарий» в статье «Имеретинно-Мингрельский комитет» отмечала, что партийный комитет повсюду «являлся руководителем и организатором и за весь стачечный период не было почти ни одного примера стихийного проявления революционной энергии. Взоры всех были обращены на комитет, на который привыкли смотреть, как на официальное учреждение. Туда стекались запросы и требования, и комитет работал без усталы, печатал и редактировал листовки, организовывал демонстрации...»¹.

Под непосредственным влиянием революционного рабочего движения в Грузии, как и во всей Российской империи, началось и успешно развивалось крестьянское революционное движение, которое В. И. Ленин охарактеризовал, как самое передовое крестьянское движение. Большевистские организации уделяли исключительно большое внимание работе в деревне, вовлечению крестьян в революционную борьбу, укреплению связи крестьянства с рабочим классом. Это обстоятельство следует считать одной из важнейших причин того, что в Грузии, где в то время не существовало крупных индустриальных центров и многочисленного пролетариата, трудовое крестьянство признавало гегемонию рабочего класса, шло за ним в борьбе против самодержавия.

Выступления крестьян начались неодновременно и с неодинаковой интенсивностью во всех уездах и округах Грузии. В Кутаисской губернии в январе — феврале крестьянским движением были охвачены Озургетский, Кутаисский, Шорапанский, Сенакский и Зугдидский уезды, а в Тифлисской — Горийский, Телавский и Душетский. С февраля движение распространилось уже на всю Кутаисскую губернию и на восемь из девяти уездов Тифлисской. Таким образом, почти все крестьянство Грузии было втянуто в борьбу против царизма и помещиков.

Революционное крестьянское движение особенно быстро развивалось в районах, связанных непосредственно с городами и железной дорогой. В этих районах уже в феврале—марте крестьяне отказывались признавать царскую власть, упраздняли ее местные органы, уничтожали сельские канцелярии, изгоняли ненавистных чиновников. Восставшие захватывали помещичьи земли, пастбища, леса и делили их между крестьянами. В ряде мест была полностью парализована работа органов власти. Крестьянство создавало народное управление. Избирало из своей среды десятских, сотских, революционные комитеты.

Против восставших крестьян были брошены карательные отряды. В Кутаисской губернии действовал так называемый «Рионский отряд», насчитывавший до 5.000 штыков и сабель и усиленный в дальнейшем различными воинскими частями.

Встревоженный подъемом революционного движения рабочих и крестьян, главноначальствующий на Кавказе проявил в своих действиях известную осторожность. Он не двинул сразу войска против повстанцев, а, выжидая «благоприятного момента», попытался подавить революционное движение «мирным путем», «увещеваниями», «внушениями». С этой целью он послал своих агентов прежде всего в те районы, где борьба носила наиболее острый характер, — в Озургетский, Горийский и другие.

В Озургетский уезд с заданием убедить население покориться царской власти направился член совета главноначальствующего Султан Крым-Гирей. В случае неудачи его миссии «Рионский отряд», расположенный в Натанеби, должен был начать действия против повстанцев. В уезде и прилегающих к нему районах было объявлено военное положение. Обезд Крым-Гиреем сел Гурни продолжался с 22 февраля по 8 марта.

Крестьяне Шемокмедского, Бахвского, Хидиставского, Асканского, Парцхмского, Чохатаурского, Эркетского, Суреского, Нанейшвилевского, Земохетского, Ингоитского и Ланчутского сельских обществ провели массовые собрания. Передовые крестьяне, руководимые большевиками, умело использовали эти собрания для разоблачения преступлений царского правительства и господствующих классов, самоуправления местных властей, для того чтобы объяснить труженикам деревни причины их невыносимой нужды и бесправия, чтобы поднять их с новой силой на борьбу против поработителей.

¹ «Пролетарий», 1905, № 5, 26 (13) июня.

«Народ, организованный социал-демократами, — писала газета «Вперед» о событиях в Грузии, — везде предъявлял царскому чиновнику одни и те же требования».

Борьба шла за искоренение остатков феодализма, уничтожение привилегий дворянства и духовенства, за свержение самодержавия.

Грузинское крестьянство выставляло следующие основные требования: освобождение временнообязанных крестьян с землей за счет государства, безвозмездная передача крестьянам земельных наделов, возвращение им «отрезков» и выкупных платежей, конфискация удельных и церковно-монастырских земель и передача этих земель безвозмездно трудовому крестьянству, уничтожение всяких государственных, помещичьих и церковных повинностей, всех косвенных налогов, отделение церкви от государства, осуществление всеобщего обязательного и бесплатного обучения детей до 16-летнего возраста, отмена воинской повинности, всеобщее вооружение народа и другие требования.

Грузинские крестьяне всюду в своих наказах подчеркивали, что их требования одинаковы с требованиями революционного крестьянства всей России.

«МЫ ТРЕБУЕМ ТОГО ЖЕ, ЧТО И ВСЯ РОССИЯ... ВСЕ, ЧТО ПРОИСХОДИТ У НАС, НАБЛЮДАЕТСЯ ВСЮДУ... НАШИ ТРЕБОВАНИЯ ИМЕЮТ ОБЩИЙ ХАРАКТЕР... СУЩЕСТВУЮЩИЙ СТРОЙ ДОЛЖЕН КОРЕННЫМ ОБРАЗОМ ИЗМЕНИТЬСЯ И ЗАМЕНИТЬСЯ НОВЫМ, ДЛЯ ЧЕГО НЕОБХОДИМ СОЗЫВ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВСЕГО НАРОДА»¹.

Революционная борьба в Грузии блестяще подтвердила положение В. И. Ленина, относящееся ко всей России: «Аграрный вопрос составляет основу буржуазной революции в России и обуславливает собой национальную особенность этой революции»².

* * *

Растущий подъем русской революции требовал от партии правильного и прочного политического руководства революционной борьбой масс. Однако оппортунистическая часть РСДРП — меньшевики — своей раскольничьей деятельностью препятствовала партии в выполнении этой большой задачи. Выход из этого положения В. И. Ленин, большевики видели в немедленном созыве III съезда партии.

III съезд РСДРП состоялся в апреле 1905 года. Съезд, вдохновителем и руководителем которого был В. И. Ленин, определил задачи пролетариата как вождя революции и наметил стратегический план партии на первом этапе революции: союз пролетариата со всем крестьянством, изоляция буржуазии, борьба за победу буржуазно-демократической революции.

Выработав революционную марксистскую тактику партии, съезд признал главной задачей рабочего класса переход от массовых политических стачек к вооруженному восстанию и указал на необходимость его практической подготовки.

Большевики Грузии восторженно встретили исторические решения III съезда партии и развернули работу, направленную на их осуществление. Большевицкая газета «Пролетариатис брдзола», выходявшая на грузинском, русском и армянском языках, широко пропагандировала в массах решения III съезда партии. В газете были напечатаны статья В. И. Ленина «Третий съезд» и другие материалы, посвященные этому событию.

Гениальное теоретическое обоснование решений III съезда, стратегического плана и тактической линии большевиков в революции было дано в книге В. И. Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции», вышедшей в свет в июле 1905 года.

Впервые в истории марксизма В. И. Ленин разработал вопрос об особенностях буржуазно-демократической революции в эпоху империализма, ее движущих силах и перспективах. В. И. Ленин обосновал идею гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции, положенную в основу стратегии и тактики Коммунистической партии.

Великие революционные идеи В. И. Ленина помогали большевикам Грузии в их борьбе, и они неуклонно следовали по пути, намеченному вождем партии. В. И. Ленин оказывал огромную помощь большевикам Грузии в борьбе с меньшевиками. В своей книге «Две тактики социал-демократии в демократической революции» он подверг уничтожающей критике оппортунистические взгляды грузинских меньшевиков по вопросам тактики.

Ход русской революции показал правильность и жизненность тактической линии большевиков, блестяще подтвердил ленинское положение о том, что пролетариат является подлинным вождем народной революции.

¹ «Вперед», 1905, № 14, 12 апреля (30 марта).

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, с. 403.

По примеру пролетариата промышленных центров России все более усиливалось стачечное движение рабочих в Грузии. На протяжении 1905 года здесь на каждого рабочего в среднем приходилось 4 стачки, а в Тифлисе — 4,5. В Грузии, так же как и во всей России, характерной чертой стачечного движения было сочетание политических и экономических выступлений трудового народа. Это обстоятельство придавало особую силу рабочему движению.

III съезд партии, В. И. Ленин придавал огромное значение созданию революционных крестьянских комитетов. Кавказский Союзный комитет РСДРП призывал крестьянство к созданию революционных крестьянских комитетов, которые должны были проводить в селах демократические преобразования. В процессе революции в основных сельских районах Грузии образовались революционные крестьянские комитеты, сыгравшие весьма важную роль в деле разветвления революционных сил на селе. Функции крестьянских комитетов возрастали вместе с ростом революции. Вначале они устраивали бойкот правительственным учреждениям и помещикам. Затем в целом ряде мест (Озургетском, Сенаском, Зугдидском, Кутанском, Шорапанском, Горийском, Душетском, Телавском и других уездах) они брали в свои руки функции местного управления и таким образом превращались в зачатки революционной власти, представляя собой органы вооруженного восстания на селе.

Мощные революционные выступления пролетариата крупных политических и промышленных центров России — Петербурга и Москвы положили начало всероссийским политическим стачкам в октябре, которые нашли единодушный отклик среди трудящихся Грузии.

В октябрьские стачки в Грузии раньше всех включились рабочие железной дороги. 14 октября началась всеобщая стачка в Тифлисе. 15 октября прекратилось движение на Закавказской железной дороге. 15—18 октября всеобщие стачки были объявлены в Батуми, Кутаиси, Сухуми, Чхатура и в других городах Грузии. Здесь устраивались массовые рабочие митинги и демонстрации.

Под натиском масс царское правительство вынуждено было издать манифест 17 октября, в котором лицемерно обещало дать населению гражданские свободы, созвать законодательную думу. В Грузии манифест стал известен 18 октября. В тот же день была проведена демонстрация трудящихся Тифлиса, в которой участвовало 30 тысяч человек. В рабочем районе города — Надзаладеви — состоялся грандиозный митинг, на котором выступили с речами представители различных партий.

Осенью 1905 года в целом ряде районов Грузии имели место вооруженные выступления крестьян.

Важнейшее значение в развитии революционного движения среди крестьянства имела разработанная В. И. Лениным аграрная программа большевиков. Эта программа требовала конфискации помещичьих, церковных, монастырских и удельных земель и национализации всей земли. Большевики призывали крестьян к немедленному захвату помещичьих земель, к созданию революционных крестьянских комитетов, активной поддержке пролетариата в его борьбе против царизма. Большевики решительно боролись против меньшевиков, эсеров и других соглашательских партий, за высвобождение крестьянства из-под влияния либеральной буржуазии.

Первая русская революция была буржуазно-демократической революцией, «а спутником такой революции везде в мире были и бывают национальные движения», — указывал В. И. Ленин (Полн. собр. соч., т. 24, с. 229).

Своим революционным примером русский пролетариат вдохновлял на борьбу с царизмом трудовые массы всех национальностей России, в том числе трудящихся Грузии. Героическая борьба ее рабочих и крестьян против царизма была в то же время национально-освободительной борьбой, полностью примыкавшей к грандиозному революционному движению рабочих и крестьян России.

Решительно борясь против великодержавно-шовинистической политики царизма и господствующих классов, последовательно отстаивая право наций на самоопределение, русский пролетариат выступал знаменосцем национально-освободительного движения поработенных народов.

Большевики Грузии вели непримиримую борьбу против буржуазных националистов, воспитывали массы в духе пролетарского интернационализма, разъясняя, что социальное и национальное освобождение поработенных народов, в том числе и грузинского народа, возможно только в результате совместной революционной борьбы трудящихся всех национальностей.

IV конференция Кавказского Союза РСДРП в ноябре 1905 года специально обсудила национальный вопрос и приняла соответствующее решение. Конференция подчеркнула необходимость укрепления единства сил пролетариата, вновь напомнив программное ленинское положение о праве наций на самоопределение.

Высшей точкой развития первой русской революции явилось декабрьское вооруженное восстание. Руководствуясь решениями III съезда РСДРП и указаниями В. И. Ленина, большевики Грузии энергично готовили массовое вооруженное восстание.

В центре внимания ноябрьской конференции Кавказского Союза РСДРП стоял вопрос о подготовке вооруженного восстания. Признав его тактику решающим условием свержения самодержавия и победы революции, конференция поручила всем партийным организациям усилить борьбу за всестороннюю подготовку вооруженного восстания.

IV конференция Кавказского Союза РСДРП еще не была закончена, когда 27 ноября трудящиеся Кутаиси воздвигли в центре города баррикады и начали бой против царских войсковых частей и полиции.

29—30 ноября в Батуми вооруженные отряды разоружили полицейские посты города, заняли вокзал и городскую управу. На улицах разгорелись ожесточенные баррикадные бои.

Декабрьские дни в Грузии непосредственно связаны с развитием революции во всей России. Декабрьское вооруженное восстание московского пролетариата вызвало дальнейший мощный подъем революционного движения рабочих и крестьян Грузии.

11 декабря началась всеобщая забастовка железнодорожных рабочих Тифлиса. На второй день к ним присоединились рабочие и служащие городского самоуправления и целого ряда других ведомств. Забастовка приняла всеобщий характер. Занятия в школах прекратились, закрылись все магазины, кроме торгующих предметами первой необходимости. Тифлисский рабочий стачечный комитет (бюро) захватил почту, телеграф и железнодорожное управление.

Стачечный комитет активно вмешивался в жизнь города. Вооруженные боевые отряды патрулировали на улицах. 14 декабря были установлены цены на предметы первой необходимости.

В декабре вооруженные восстания вспыхнули в целом ряде районов Грузии. Вооруженные бои имели место в районе Ципа (Шорапанский уезд). По инициативе Имеретинско-Мингрельского комитета РСДРП в Шорапани сформировался Военный революционный штаб. Организовались военные отряды. 30 декабря красный отряд вступил в бой с Теигинским полком, прибывшим для охраны железнодорожной линии в Шорапани и Харагоули, 11-я и 12-я роты этого полка были разоружены красным отрядом; была разоружена также казачья часть Ейского полка, которая охраняла Ципский тоннель.

В. И. Ленин относил Грузию и Закавказье к числу тех передовых краев, «где движение всего дальше ушло от старого террора, где восстание подготовлено всего лучше, где массовый характер пролетарской борьбы всего сильнее и ярче выражен». (Полн. собр. соч., т. 12, с. 181).

Вооруженные выступления рабочих и крестьян в Грузии, так же как и грандиозное восстание рабочих Москвы, были подавлены царским правительством с нечеловеческой жестокостью. Начался разгул карательных экспедиций и черносотенцев. Мечь и зверства правительства по отношению к революционерам не имели границ.

После поражения декабрьского вооруженного восстания революция вступила во второй период. Подъем ее сменился постепенным спадом.

Хотя революция была побеждена, она нанесла величайший удар по царскому самодержавию, по самодержавному строю.

Революция целиком и полностью подтвердила правильность революционной тактики большевиков, выработанной великим Лениным. Она ясно показала, что либеральная буржуазия являлась союзником царизма, контрреволюционной силой. В ходе революционной борьбы совершенно очевидным стало, что вождем буржуазно-демократической революции может быть только пролетариат, как единственный класс, могущий привлечь на свою сторону мощный резерв таких революционных сил, как крестьянство — своего единственного союзника.

Революция подтвердила великую жизненную силу творческого марксизма, важнейшее значение теории и тактики ленинизма в революционной борьбе рабочего класса. Она неопровержимо доказала правильность учения Ленина о гегемонии пролетариата, о революционной роли крестьянства, о безусловной необходимости союза рабочего класса и крестьянства в революции.

Трудящиеся Грузии прошли рука об руку с героическим русским пролетариатом замечательную школу революционной борьбы, политического воспитания, неценного революционного опыта и боевой закалки. В огне революции еще больше укрепились союз и братская дружба грузинского народа с другими народами Кавказа, с великим русским народом. Трудящиеся Грузии на опыте убедились, что только под руководством большевиков, в тесном союзе с русским народом можно победить царизм, помещиков и буржуазию, завоевать социальную и национальную свободу, построить новую, свободную жизнь.

Вано ШАДУРИ

Идейная общность, близость творческих принципов

Декабристская литература и грузинская культура

ПРОШЛО сто пятьдесят лет с тех пор, как «Россия впервые видела революционное движение против царизма»¹.

14 декабря 1825 года в Петербурге, на Сенатской площади, декабристы подняли знамя восстания. Вслед за ними восстали члены Южного тайного общества.

Это была блестящая фаланга героев, «богатырей, кованных из чистой стали с головы до ног, воинов-пророков, вышедших сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и рабологии».

Цитируя эти герценовские строки в своей статье «Памяти Герцена» (1912), В. И. Ленин писал: «К числу таких детей принадлежал Герцен. Восстание декабристов разбудило и «очистило» его»².

Первое поколение русских революционеров, «лучшие люди из дворян»³, как назвал Ленин декабристов, были «самыми выдающимися деятелями» первого этапа освободительной борьбы в России, умственным цветом нации. Это были «таланты во всех родах» — поэты и журналисты, ученые и славные герои Отечественной войны 1812 года.

«Первенцам русской свободы», мужественно восставшим против крепостного права и самодержавия, принадлежит почетное место не только в истории русского революционного движения и русской культуры.

Многие из декабристов были связаны с «Южной Сибирью», как тогда называли Грузию, Кавказ. Оказавшись здесь в качестве ссыльных или «добровольных изгнанников», они с большим интересом знакомились с новым краем, с его живописной природой, с жизнью и бытом местного населения, с его историей и культурой. Находя у грузинского народа братский приют и сочувствие, декабристы устанавливали дружбу с передовыми людьми Грузии, благотворно влияли на развитие грузинской общественной мысли и культуры, создавали произведения, проникнутые передовыми идеями эпохи, идеями братства и дружбы народов.

* * *

Еще в период подъема движения декабристов (1816—1825 гг.) царское правительство ссылало в «Южную Сибирь» многих «беспокойных» вольнодумцев.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 23, с. 234 (издание четвертое).

² В. И. Ленин. Соч., т. 18, с. 9.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 19, с. 295.

Кроме того, сюда добровольно отправлялось немало молодых людей из декабристских кругов, поскольку главнокомандующий Кавказским корпусом А. П. Ермолов и некоторые его помощники пользовались большой популярностью среди прогрессивных людей страны. Здесь тогда побывали декабристы Кюхельбекер, Лачинов, Каховский, Муханов, Якубович, Борисовы, Устимович, Авенариус, а также близкие к декабристам лица — Грибоедов, Шишков, Воейков, Самойлов и другие.

Скопление преследуемых царизмом опальных вольнодумцев в далеком от столицы крае (и прежде всего в Тбилиси) создавало благоприятные условия для возникновения антиправительственных тайных обществ. Позже в следственном комитете по восстанию декабристов возникло даже целое «дело» о нелегальной организации, существовавшей якобы в Кавказском корпусе. Хотя существование такой организации не подтвердилось, но точно известно, что в Грузии русские свободолюбцы устраивали «дружеские сходки» и имели «предосудительные связи» между собой и с передовой грузинской интеллигенцией.

Собираясь то у Грибоедова, то у Александра Чавчавадзе, то в клубе, они горячо обсуждали политические и литературные новости. Будущие герои Сенатской площади приносили с собой в «Южную Сибирь» революционные идеи, способствовали оживлению и подъему общественно-культурной жизни.

Из декабристов, побывавших в Грузии до восстания 1825 года, самой крупной фигурой был Вильгельм Карлович Кюхельбекер (1797—1846), лицейский друг Пушкина, энтузиаст революционного движения, талантливый поэт. Терпя гонения со стороны царских властей, он в декабре 1821 года приехал в Тбилиси и остался здесь на несколько месяцев. В одном из стихотворений (1829) Кюхельбекер писал, что

Кавказ и Терек и Тифлис
На берегах волшебных Кира (т. е. Куры)
Людьми гонимого певца
Грозой объятого встречали.

Вскоре после приезда в Тбилиси Кюхельбекер встретил здесь А. С. Грибоедова и других своих старых знакомых. Между ними здесь установилась самая близкая душевная дружба. Это и не удивительно. Они были в 1817—1818 гг. товарищами по службе в Коллегии иностранных дел и, по-видимому, еще тогда сблизились на почве общности политических взглядов и литературных вкусов. В Грузии они стали неразлучными друзьями, делились между собой творческими планами, читали друг другу свои новые произведения. Кюхельбекер являлся свидетелем создания «Горя от ума» и первым его слушателем. Позже он вспоминал: «Грибоедов писал «Горе от ума» почти при мне; по крайней мере, мне первому читал каждое отдельное явление непосредственно после того, как оно было написано».

Через несколько месяцев опальный Кюхельбекер был вынужден оставить Грузию, но до последних дней своей жизни сохранил о ней самые лучшие воспоминания. Даже находясь за участие в восстании декабристов в заточении и глухой ссылке, он продолжал интересоваться жизнью нашего края. Заживо похороненный поэт-декабрист часто мысленно переносился из мрачной обстановки в столь близкий его сердцу солнечный «Гурджистан прекрасный»:

Тони же, тяжких сновидений бремя!
Так, встал я: утро! предо мной народ
Знакомый мне, полуденное племя;
За мной Кавказ и рев нагорных вод;
Казбека только девственное темя,
Разрезав льдом небес лазурных свод,
Там светится на крае тверди ясной...
Опять я гость твой, Гурджистан прекрасный.

* * *

Особенно усилился приток декабристов в Грузию после разгрома восстания. Царизм жестоко расправился с «мятежниками». Их главари были повешены, сотни «государственных преступников» и «прикосновенных» к декабризму сосланы в Сибирь и на Кавказ.

В 1826—1829 годах в рядах Кавказского корпуса числилось свыше 65 «переведенных» и разжалованных офицеров-декабристов и более трех тысяч репрессированных солдат, участников «декабрьского мятежа». Это была для того времени наиболее прогрессивная военная, политическая и культурная си-

ла, прошедшая школу Отечественной войны 1812 года и революционной, борьбы с царизмом.

Поскольку тогда шли русско-персидская (1826—1828) и русско-турецкая (1828—1829) войны, командование Кавказского корпуса, ощущая недостаток в квалифицированных кадрах, «принуждено было» использовать опыт и знания ссыльных декабристов. Заняв ответственные посты при штабе и в полках, декабристы получили возможность оказать решающее влияние на ход борьбы с персидско-турецкой агрессией. Одновременно многие из них в кавказской ссылке стали, насколько это было возможно, восстанавливать прерванные связи, устраивать сходки, создавать кружки. Хотя нет оснований утверждать, что они строили какие-либо планы создания нового подпольного общества для революционного переворота, но все же важно отметить, что в этих кружках оживленно обсуждались злободневные политические вопросы, события 14 декабря, велись антиправительственные разговоры, писались вольнолюбивые сочинения, читались запрещенные произведения Пушкина и Грибоедова, Рылева и Кюхельбекера. Кавказское начальство признавало, что среди ссыльных декабристов живет «дух сообщества», что многие из них «не оставили прежних своих мыслей». Царским властям удалось раскрыть несколько «кружков», в связи с чем возникли политические процессы. Отметим, например, «дела» о наущившей истории «преступления» Н. Н. Раевского (1829), явившегося, по словам И. Ф. Паскевича, «пунктом соединения» декабристов, о предсудительных сходках «злоумышленников» в Тбилиси (зима 1829—30 гг.), где главную роль играл известный писатель-декабрист А. А. Бестужев-Марлинский, о «подозрительных сношениях» декабристов в Кутаиси (1830) и т. д.

В 1830 году был арестован и выслан из Грузии декабрист В. Д. Сухоруков — заместитель главного редактора газеты «Тифлисские ведомости», которая выпускалась в 1828—1832 гг. на русском и грузинском языках. Следует отметить, что заместителем редактора П. С. Санковского по грузинской части работал выдающийся мыслитель и литератор С. И. Додашвили. Установлено, что в «Тифлисских ведомостях» активно сотрудничали (выступая часто анонимно или под псевдонимами) Бестужев-Марлинский, Бурцов, Сухоруков, Лачинов и другие ссыльные декабристы, использовавшие газету для борьбы против реакционной журналистики. Это и послужило причиной ареста и высылки Сухорукова.

Среди сосланных в Грузию декабристов было немало писателей и журналистов (братья Бестужевы, Одоевский, Корнилович, Лачинов, Сухоруков, Веденяпин, Норов, Оржицкий, Бурцов, Кривцов и др.). Почти все они писали о Грузии и Кавказе произведения, в которых осуждали царскую хищническо-колонизаторскую политику, противопоставляли ей идеи хозяйственно-культурного развития края, с любовью описывали этот край. Благодаря декабристам и Пушкину «Южная Сибирь» — место ссылки революционеров и опальных поэтов — сделалась для русских «заветной страной не только широкой, раздольной воли, но и неисчерпаемой поэзии, странно кипучей жизни и смелых мечтаний» (В. Г. Белинский).

* * *

«Нас было пять братьев, и все пятеро погибли в водовороте 14 декабря». — писал Михаил Александрович Бестужев. Двое из них — Николай и Михаил — заживо были похоронены в Сибири, трое — Петр, Александр и Павел — находились в кавказской ссылке.

Из декабристов-писателей, побывавших в Грузии после восстания 14 декабря, больше всех прославился Александр Александрович Бестужев-Марлинский (1797—1837). За время с 1829 года, когда А. А. Бестужева перевели из сибирской ссылки в кавказскую действующую армию рядовым, и до самой его гибели (1837) он побывал в различных местах Северного Кавказа и Закавказья, жадно изучал местную жизнь, историю, культуру, общался со многими деятелями грузинской культуры. Несмотря на травлю и преследования со стороны царских властей, он создал здесь ряд замечательных произведений, проникнутых идеями свободы и чувством дружбы к народам Кавказа. Показательно его признание в одном из частных писем к приятелю с Кавказа: «В другое время я приведу сколько-нибудь в порядок мысли и заметки мои о виденном мною крае. Последние, впрочем, едва ли могут быть скоро гласны, ибо я вижу Кавказ совсем в другом виде, как воображают его себе власти наши». «Что здесь за комманданты, что здесь за полковники! Так руки опускаются!.. Кроме взятков ничего не знают и не хотят».

Преждевременная смерть помешала Бестужеву-Марлинскому всесторонне изучить и отразить в своих произведениях социальную жизнь, историю и культуру

туру Грузии, но он все же успел написать яркие картины края, в которых часто проступают социальные мотивы.

«Свежи цветы твои, Кавказ, — писал он в «Отрывках», — живительны ключи; дубравы тенисты; но не одно величие твоих огрмов, не одна прелесть растений, не только удалость твоих детей заманивают к тебе: нет, пылкий ум любит тебя как приют столь дивных тайн, столь высоких дум!.. Воображенные силится понять рев водопадов и шепот пещер, разверзающих, как сфинкс, гортань свою: хочет выкопать из циклопических гробниц имена стлевших там героев; вглядеться в туманное зеркало древности, в лица давно мелькнувших поколений, может быть предков наших, и жаждет прочесть на изломе скал, брошенных как надгробья над веками хаоса, чудную летопись мироздания...»

Из письма к ученому Эрману ясно видно, что в представлении писателя-декабриста Грузия была и «краем поэзии и любви», и неисчерпаемым объектом исследования для философов и историков, этнографов и естествоиспытателей. В письме говорится о «величавой наружности» кавказцев и их бедности, о «жалкой участи» кавказских женщин, о необходимости установить в этом крае мир. Здесь и краткое, но выразительное описание Терека и Казбека, и роскошной природы Грузии, и художественно изложенные научные наблюдения.

Хорошо ориентируясь в кавказсковедческих источниках, Бестужев-Марлинский проявляет знание и грузинской исторической литературы, о чем свидетельствуют его слова в повести «Аммалат-Бек»: «Грузинские летописи приписывают построение Дарьяльского замка Мирвану, царю своему». В этой повести дана романтическая картина разбушевавшейся стихии, «демонический» образ гремучего Терека, который, «как гений, черная сила из небес, борется с природой». Олицетворяя борьбу Терека с неподвижными громадами, автор стремится вызвать у читателя жажду борьбы. К описанию сурового величия Дарьяльской теснины и бушующего Терека Бестужев возвращается во многих своих произведениях.

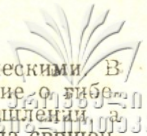
Но он описывал не только бурные явления природы, ураганы и разгул морской стихии. Он любил изображать природу во всех ее проявлениях. В одном из произведений («Дорога от станции Алмалы до поста Муганлы») он нарисовал великолепную картину Алазанской долины.

«Никогда не забуду тебя, видopsis Алазанской долины, никогда не вспомню без умиления! — писал он. — Далеко, далеко вправо, сливаясь синетою или, лучше сказать, изливаясь из синеты отдаления, сверкала, вдохновенная горными снегами река, и ярче, все ярче и разлившее, и быстрее катилась она ко мне и наконец увлекла, закутила очи мои быстроною, будто колеса мельницы... Казалось мне, никакое враждебное чувство не могло зародиться или проснуться ни в одном живом существе в такие минуты, ни одна злая или нечистая мысль не могласползти на сердце человеческого. Я стоял очарованный, как Адам в земном раю в первый вечер своего бытия, предвкусывая сладостный покой сна, одним солнцем после предвечной ночи ничтожества. Солнце потонуло в изумрудных волнах Кахетинских гор, и заря, прекрасный завет умершего светила, облила океаном розовой воды землю и небо; небо лилось на землю; земля погружалась в нем, — и возникала чистая, как младенец из купели». «И тихо ехал я вдоль реки, по благоуханной Алазанской долине, и тихо вставал месяц надо мною, и тихо было в душе моей...».

Бестужев как страстный исследователь и поэт жадно и заинтересованно изучал природу Грузии, быт и историю грузинского народа. Находясь в Ахалцихском гарнизоне, он едет в Абастумани, где карабкается на базальты, бродит по сосновым лесам, купается в серных ключах. «Трудно, невозможно себе вообразить, — писал он, — не видя здешних гор, что это за картина...» Когда после многочисленных походов Бестужев оказался в Кутаиси, то не замедлил ознакомиться с памятниками его древней культуры. «Сажусь на коня осмотреть Гелати», — сообщал он в одном из писем.

Особенно любил Бестужев столицу Грузии, предсказывал ей прекрасное будущее. «Это будет чудный город со временем, — писал Бестужев Полевому. — ...Я люблю тифлиские вечера и ночи; это ни с чем не сравнимо! И так пленительно... В синеве плавают золоторогий месяц и осыпает жемчугом вершины окрестных гор, наводит чернеть на башни, над ними возникающие, а между тем Кура плещет, крутится и буйно катит мутные воды свои мимо скал берегов под смелую арку моста. Да, я по целым часам стаивал на этом мосту, любуясь, как утекает вода, прислушиваясь, как засыпает шумный город, убаюканный песнею реки, под ароматическим дыханием, напоенным из садов...».

«Дайте Кавказу мир и не ищите земного рая на Евфрате», — восклицал поэт-декабрист.

Последние месяцы жизни Бестужева оказались особенно трагическими. В феврале 1837 года находящегося в Тбилиси поэта потрясает сообщение о гибели обожаемого им Пушкина. Всю ночь он провел в горестном размышлении, на рассвете поднялся к могиле Грибоедова и заказал панихиду. «И когда священник запел: за убиенных бояр Александра и Александра», рыдания сдавили мне грудь, — писал А. А. Бестужев брату Павлу, — эта фраза показалась мне не только воспоминанием, но и предзнаменованием... Да, я чувствую, что моя смерть также будет насильственной и необычайной, что она уже недалеко... Я еще немного побуду в Тифлисе. Погода великолепная, город замечательный, но я печален, печален...»

Бестужевская революционность и одаренность проявилась и в братьях Александра Александровича. Об этом свидетельствуют «Памятные записки» Петра Бестужева (1803—1840) и полемическая статья Павла Бестужева (1808—1846), помещенная в 1838 году против анонимного автора, опубликовавшего в одном из московских журналов реакционно-шовинистический очерк «Поездка в Грузию».

Статья Павла Бестужева начинается с утверждения, что русский народ никогда не страдал шовинизмом, всегда уважая национальное своеобразие каждого народа. Далее он разбивает автора «Поездки» по пунктам, уличая его в невежестве и клевете. Написанная с «бестужевским огнем» статья отличается типично декабристским воззрением на русско-кавказский вопрос. Она проникнута идеей революционного патриотизма и гуманизма, заботой об укреплении братского союза русских и кавказцев, об их «общежителности».

* * *

Александр Иванович Одоевский (1802—1839), тот самый поэт декабристской каторги, который во глубине сибирских руд написал замечательный ответ Пушкину на известное послание в Сибирь, в 1837 году был переведен из Сибири в Нижегородский драгунский полк, квартировавший в Кахетии. Следует отметить, что в том же году в тот же полк был выслан Лермонтов за стихотворение на смерть Пушкина. В Грузии между Одоевским и Лермонтовым установилась крепкая, задушевная дружба, «тоску изгнания делили дружно».

Известно, что Одоевский был очень близким другом и родственником автора «Горя от ума». Поэтому, когда он прибыл в Тбилиси, часто посещал семью Александра Чавчавадзе — тестя и вдову Грибоедова. «Государственного преступника», поэта-декабриста в солдатской шинели тепло принимают в семье опального поэта-генерала. Больше того — между ними устанавливается творческое содружество. А. Чавчавадзе переводит стихотворение А. Одоевского «Роза и соловей» на грузинский язык. Это стихотворение пользовалось у тбилисцев большой популярностью. По свидетельству современников, оно часто пелось дочерьми Александра Чавчавадзе. Об этом же свидетельствует стихотворение великого грузинского поэта Николоза Бараташвили «Княжне Екатерине Чавчавадзе» (1839). Бараташвили был очарован песней «Роза и соловей» в исполнении Е. А. Чавчавадзе.

Когда с такою силой
Однажды Розу спела ты и Соловья,
Своею грацией
Во мне ты пробудила
Поэта, чем навек тебе обязан я.

Весьма интересно примечание Николоза Бараташвили к словам «Розу спела ты и Соловья»: «Роза и Соловей» — песня, переведенная князем Чавчавадзе с русского».

Глубокое размышление Одоевского об исторических судьбах Грузии отразилось в его стихотворении «Брак Грузии с русским царством». В нем автор в символической форме выразил идею неразрывной дружбы русского и грузинского народов (Грузия — черноглазая красавица-невеста, Россия — светлорусый витязь-жених). Присоединение истерзанной восточными захватчиками Грузии к северному «исполину» расценивается Одоевским как прогрессивный акт, поскольку на этом кончилась для многострадальной Грузии «кручина прежних пасмурных годов».

С Грузией были связаны жизнь и творчество и других декабристов, но в рамках этой статьи мы ограничились наиболее крупными именами.

Кратко коснемся отношения передовой грузинской общественности Кабаристам и их роли в развитии грузинской общественной мысли и литературы. К сожалению, освещение этой стороны вопроса затрудняется из-за скудости дошедшего до нас конкретного материала. Однако нет никакого сомнения, что почти все грузинские передовые литераторы первой половины прошлого века — А. Чавчавадзе, Г. Орбелиани, С. Додашвили, Н. Бараташвили, Г. Эристави и другие — в той или иной мере были связаны с декабристами. Имеются в виду как личные, так идейные и творческие связи.

Связи с декабристами Александра Гарсевановича Чавчавадзе (1786—1846) не ограничиваются отмеченным выше творческим содружеством с А. И. Одоевским. Его дом вообще был, по единодушному признанию современников, связующим звеном между передовыми силами русской и грузинской культуры. Этот «приют муз и вдохновения» часто посещали декабристы. Во всей деятельности Александра Чавчавадзе — друга и тестя Грибоедова, образованнейшего человека своего времени, талантливого поэта и общественного деятеля, героя Отечественной войны 1812 года, опального генерала, наказанного ссылкой на Север за причастность к антиправительственному грузинскому заговору 1832 года, переводчика Пушкина и Одоевского, Вольтера и Гюго, зачинателя нового, прогрессивно-романтического направления в грузинской литературе, — во всем его поведении, в системе его взглядов, творчестве было много такого, что сближало его с героями 14 декабря. Недаром говорилось в секретном донесении главнокомандующего Кавказским корпусом: «Князь Чавчавадзе образован в Пажеском корпусе, потом, служа у нас, принял всю европейскую образованность, и дочь его была замужем за покойным Грибоедовым». Дальше — зачеркнутая, но ясно читаемая фраза: «а будучи тестем покойного Грибоедова, имел средства утвердиться в правилах вольнодумства».

С декабристами был связан и другой выдающийся грузинский поэт-романтик — Григол Дмитриевич Орбелиани (1800—1883), находившийся в большой дружбе и родстве с семьей Александра Чавчавадзе. Именно Г. Орбелиани, участник заговора 1832 года, перевел (вернее переделал, приспособив к грузинской действительности) «Исповедь Наливайко» Рылеева, которая, оказываясь, пользовалась большой популярностью среди заговорщиков. В замечательном произведении Г. Орбелиани «Мое путешествие из Тифлиса в Петербург» страстно осуждается деспотизм и прославляется республиканский строй.

Соломон Иванович Додашвили (1805—1836) — крупный ученый, литератор и журналист, автор «Логик», изданной на русском языке в 1827 году, заместитель редактора «Тифлисских ведомостей», убежденный республиканец-разночинец, первый грузин с университетским образованием, со студенческих лет вращался в кругах, близких к декабристам, был свидетелем востания и разгрома героев 14 декабря, годами хранил копию письма Рылеева к жене, переписанного еще во время учебы в Петербургском университете. Кроме этого письма, у Додашвили при аресте (за причастность к заговору 1832 года) обнаружили также перевод «Исповеди Наливайко», выполненный Григолом Орбелиани.

Большим поклонником А. А. Бестужева-Марлинского, декабристов, Грибоедова и Пушкина был первый крупный грузинский комедиограф, организатор профессионального грузинского театра и первого «толстого» грузинского общественно-литературного журнала («Цискари»), даровитый поэт и общественный деятель Георгий Давидович Эристави (1813—1864), также участник заговора 1832 года. Талантливый переводчик Пушкина и Грибоедова, он вместе с братом перевел также повести Бестужева-Марлинского «Аммалат-Бек» и «Мулла-Нур», которые поместил в своем журнале «Цискари» в 1852 году. Еще раньше Г. Эристави, потрясенный гибелью Бестужева-Марлинского (1837), горячо откликнулся на его смерть статьей, написанной в романтически-приподнятом стиле, с большой любовью к писателю-декабристу.

«Плачь, плачь, Каспий! — читаем в статье. — Ты уже не узришь стоящим на зеленеющем берегу твоего поэта, твоего друга, который тебе вверял свои слезы и глубокие думы...

...Каспий! Взгляни на седой Кавказ, как он гордо сторожит вселенную и говорит: — В недрах моих сокрыт другой Прометей, который похитил небесный огонь вдохновения». Так мог писать человек, для которого гибель декабриста была большим личным горем.

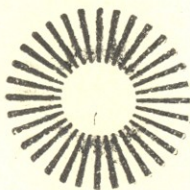
Перечисленными фактами не исчерпывается тема. Даже по сохранившимся скудным сведениям известно, что с декабристами общались и братья Чилашвили (Чиляевы), получившие образование в Петербурге и особенно дружившие с братьями Бестужевыми; и Мамука Орбелиани (друг Николаза Барата-

швили), которому Бестужев-Марлинский в феврале 1837 года читал письмо Брата о гибели Пушкина и который разразился проклятиями, заявив: «Я люблю этого Дантеса, если только когда-нибудь его увижу»; может быть, найдутся и другие факты.

Вообще передовые деятели грузинской культуры первой половины XIX века и декабристы во многих вопросах занимали сходные позиции. Возьмем «спорный» вопрос эпохи — русско-кавказские отношения. Считаю присоединение Грузии к России (1801) прогрессивным актом, они критиковали колонизаторско-шовинистическую политику царизма и выдвигали идею мирного, братского сотрудничества. Об этом свидетельствуют как многочисленные высказывания и произведения декабристов, так и «Краткий исторический очерк» и стихотворение «Кавказ» Александра Чавчавадзе, «Судьба Грузии» и «Могила царя Ираклия» Николаза Бараташвили, «Мое путешествие», стихи и переводы-переделки Григола Орбелиани, ряд высказываний и многосторонняя деятельность Соломона Додашвили, Георгия Эристави и других прогрессивных грузинских литераторов.

С первыми провозвестниками русской свободы их объединяла жгучая ненависть к общему врагу — царизму и истинная любовь к родине и свободе. Отсюда общность идейной направленности и близость творческих принципов.

Показательно, что именно в двадцатые-тридцатые годы расширяется кругозор и углубляется идейное содержание грузинской литературы, все больше приближается она к насущным потребностям народа, обогащается новыми идеями и мотивами, новыми жанрами и образами, характерными для поэзии декабристов и Пушкина.

Երևանի մեքենայի
տպարանի և
հեղինակի

Проблема прогресса искусства

Первая из названных здесь двух общих черт прогресса относится преимущественно к совершенствованию весьма важных технических элементов художественного мастерства — этот компонент художественного творчества характеризуется восхождением от низшего к высшему. В качестве примеров можно назвать открытие перспективы, а в художественной литературе — постепенное совершенствование лепки характеров. Ф. Энгельс подчеркивал, что «характеристика, как она давалась у древних, в наше время уже недостаточна»¹. В известной мере это относится в основном к процессу разветвления искусства в виде отдельных его отраслей, родов и жанров².

Здесь же следует заметить, что этот исторический процесс усовершенствования художественного мастерства вместе со всем историческим прошлым искусства играет значительную роль в развитии художественной культуры как вообще, так и в возникновении собственно художественного прогресса. Вспомним, что сказано по этому поводу в «Немецкой идеологии» К. Маркса и Ф. Энгельса: «Рафаэль, как и всякий другой художник, был обусловлен достигнутыми ранее в искусстве техническими успехами, общественной организацией и разделением труда, существовавшими как в его стране, так и в тех странах, с которыми имела взаимоотношения его родина»³. Но, разумеется, это не означает, будто эта сторона художественного мастерства имеет сама по себе какое-либо творческое значение. Только от таланта художника и художественного метода зависят характер и художественное достоинство ее проявления. Поэтому отдельные гениальные художники и без знакомства с историческим прошлым искусства, и вообще без ознакомления с техническими достижениями художественного творчества, даже в детском возрасте достигают в своем творчестве высокого художественного уровня (например Моцарт). Словом, мастерство как собственно техническое усовершенствование или вообще совокупность художественных приемов, взятых сами по себе, представляет собой только возможность, осуществление которой с высоким эстетическим достоинством зависит от силы творческого таланта художника. Поэтому нельзя признать правильным утверждение, будто и по этому компоненту художественного творчества можно было бы судить «об уровне исторической высоты искусства и о степени его художественного богатства»⁴. Еще более удивительно, что в последнее время появились и такие исследователи, которые основу поэтического совершенства ищут в метрике и даже законом «золотого сечения» хотя бы объяснить поэтические достоинства «Вепхисткаосани». Разумеется, все это весьма далеко от правильного понимания объективной закономерности искусства.

Не говоря уже о другом, ведь эти «технические достижения», метрические формы и т. п. существуют и для других художников, в частности поэтов, но соз-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве, т. I, с. 23.

² «В основном» потому, что некоторые, сложные по своей природе, жанры, в частности поэма-эпопея в классическом виде, существовали на низшей ступени развития искусства.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология, 1935, с. 380.

⁴ В. В. Ванслов. Прогресс в искусстве, с. 54—55.

Продолжение. Начало в №№ 10, 11.

данные гениальных художественных творений доступно только избранным, сечениям. К тому же перенос в сферу поэзии «золотого сечения» в качестве критерия оценки художественных достоинств поэтических произведений свидетельствует по крайней мере о довольно странном представлении о самом этом каноне о природе поэтического творчества.

В аспекте охарактеризованной выше пятой отличительной черты прогресса искусства следует рассматривать и вопрос об идейном содержании искусства, а также о художественном методе. Это ясно из того, что как одно, так и другое органически связаны с развитием общественно-национальной жизни, вследствие чего прогресс искусства и общественное развитие в этой сфере определенно соответствуют друг другу: художественный прогресс всегда выражает прогрессивные тенденции, идеи и идеалы эпохи.

Словом, одной из существенных основ прогресса в искусстве является выражение прогрессивной сущности общественного развития, прогрессивных идей, социально-эстетических идеалов и творческих принципов. Но вместе с тем лишь один этот фактор, несмотря на его существенное значение, не может обусловить возникновение прогресса в искусстве, периодов его подъема и расцвета — для этого, как показано выше, необходимо единство и взаимодействие целого комплекса специфических компонентов и условий. Этим и объясняется несовпадение путей прогресса в искусстве и в общественном развитии.

Разумеется, в случаях совпадения прогресса общества и художественного прогресса, второй полностью вытекает из первого, а сам этот единый прогресс более полное выражение находит именно в прогрессе искусств. Например, искусство Ренессанса всей своей сущностью выражало прогрессивную сущность социальной и духовно-интеллектуальной жизни эпохи. То же самое можно сказать, как это ясно показал К. Маркс, и о греческой скульптуре и эпосе, вообще о всей античной греческой культуре, которая связана с определенной формой общественного развития и выражает прогрессивные общественно-эстетические идеалы, мировоззрение и весь неповторимый духовный склад античного греческого общества.

Все это говорит о том, что отношение прогресса искусства к прогрессу общественной жизни глубоко диалектично, а не прямолинейно, как это представляют себе некоторые исследователи.

Шестой специфический признак прогресса искусства состоит в том, что, в отличие от общественного прогресса, выражающегося в развитии богатства человеческой природы и в абсолютном выявлении вообще творческих способностей, он является высшим духовно-эстетическим выражением самого богатства человеческой природы и абсолютным выявлением собственно художественных способностей, наряду с общим духовным обогащением человека, особенно обогащением его «новыми духовными и эстетическими ценностями». Именно это и составляет собственно специфическую функцию прогресса искусства.

Седьмая специфическая черта состоит в том особенном значении для прогресса искусства, которое принадлежит художнику, его таланту. Если, как подчеркивает К. Маркс, высшим выражением общественного прогресса является проявление человеческих способностей, это в гораздо большей степени относится к прогрессу искусства, так как в процессе развития художественного творчества, в сравнении с другими формами общественного сознания, гораздо полнее и в виде одного из существенных компонентов — творческой индивидуальности — проявляется субъективный мир художника. При этом мощь его таланта является одним из решающих факторов эстетической силы, познавательной ценности и идейной прогрессивности художественных творений. Поэтому проблема «прогресса искусства» в значительной мере является и проблемой «я» художника как фактора истории искусства.

Если при отсутствии благоприятствующей объективной эпохальной обстановки гении и великие художественные таланты, без которых, разумеется, немалым прогресс искусства, гибнут или неполно выявляют свои творческие возможности, то при их отсутствии и сама объективно благоприятная эпохальная обстановка становится немой, не находит выражения в развитии художественной культуры, тогда как само это выражение служит высшим образным воплощением и венцом всякой эпохи. Это взаимоотношение эпохи и художника — одна из существеннейших непосредственных основ художественного прогресса.

Чем более велик художественный талант, тем в большей мере характеризуются художественные произведения творческой индивидуальностью и неповторимостью, вообще самобытностью, высокими эстетическими достоинствами и неуязвимостью. Художник средних способностей не в состоянии двигать искусство вперед, в лучшем случае он может готовить почву для прогресса искусства. Высший прогресс искусства, как сказано выше, результат творчества лишь гениев. Поэтому всякий гениальный художник представляет собой прогрессивное явление.

Особого внимания заслуживает то известное обстоятельство, что чем выше художник как собственно художник, то есть, чем большим талантом он наделен, чем полнее владеет профессиональным мастерством, с тем более глубокой, всесторонней и масштабной художественной правдивостью изображает он социальную действительность, людей, прогрессивные тенденции и идеи эпохи, основные общественные устремления и эстетические идеалы, тем сильнее осуждает он фальшь своего времени, реакционные силы и идеи, тем дальше проникает и тем больше явлений охватывает его художественное видение. Вспомним известные слова В. И. Ленина о творчестве Толстого: «Своеобразие критики Толстого и ее историческое значение состоит в том, что она с такой силой выражает ломку взглядов самых широких масс в России, которая свойственна только гениальным художникам»¹.

Исключительного внимания заслуживает также то обстоятельство, что эта сила и особенность художественного таланта, вследствие своеобразия самого художественного творчества, ярко проявляются и в том случае, когда основные тенденции политических взглядов художника реакционны или неправильно оценивают и выражают общественную обстановку эпохи. Можно сказать и так: великий художник, даже несмотря на свои ошибочные политические взгляды, может выступать в качестве выразителя и пламенного трибуна прогрессивных тенденций и идеалов своей эпохи. В качестве иллюстрации этого можем указать на энгельсовскую характеристику творчества Бальзака и ленинский анализ отношения Толстого к революции и вообще внутренних противоречий его творчества. Они настолько общеизвестны, что нет надобности приводить их здесь.

Этим и объясняется, что так же не существовало и не могло существовать большое искусство без великой эпохальной художественной правды, как и не существовало и не могло существовать оно без гениев и поистине великих талантов. Словом, то, что действительно велико как собственно искусство, не может не быть таким же великим и по своему идейно-познавательному и историко-общественному значению, стало быть, не может не быть и прогрессивным явлением. В творчестве же собственно гениальных художников органически слиты высшее искусство и мастерство, поразительно глубокое постижение эстетического и художественной правды, обилие удивительных художественных открытий и творческая индивидуальность исключительной силы, всестороннее выражение прогрессивной сущности эпохи, тенденций ее развития, передовых национально-общественных и эстетических идеалов, вообще политических и философских идей эпохи, национальных особенностей народа. В то же время оно выше поднимается над почвой своего творчества, над своей эпохой и средой, наиболее общечеловечно и близко людям всех последующих эпох, независимо от их национальной принадлежности.

Роль художника в истории искусства имеет и другие аспекты. В частности, обращает на себя внимание и тот сам собой разумеющийся факт, что между объективной общественной обстановкой и искусством стоит художник, то есть общественный фактор воздействует на исторический процесс искусства посредством художника. Это, на первый взгляд, весьма простое взаимоотношение означает, что непосредственно художник создает историю искусства, но и в этом случае главное состоит в том, что сам художник представляет собой порождение эпохи. Он всем своим существом принадлежит родному народу, эпохе, определенной социальной среде и, естественно, проникнут дыханием и устремлениями эпохи, духовно-интеллектуальной жизнью народа, биением его сердца, его мыслью и разумом, его вкусами. К тому же, как отмечено выше, чем более мощным талантом наделен художник, тем больше характеризуется он всем этим, тем глубже чувствует и изображает свою социальную и национальную среду и, даже несмотря на свои ошибочные взгляды, создает правдивую картину жизни, выражает тенденции ее развития, прогрессивные черты и всю сущность. И все это дается им в глубоко индивидуализированном художественно-образном воплощении.

Так представляются нам основные специфические черты прогресса в искусстве.

VII

Перечисленные здесь существенные черты и компоненты прогресса искусства с разных сторон и с различной полнотой освещены в специальной марксистской литературе. Но следует отметить, что почти все исследователи выделяют лишь одну или несколько существенных черт, притом при их анализе нередко обнаруживают внутренние противоречия или крайнюю односторон-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 16, с. 301.

ность в развиваемых взглядах. В качестве иллюстрации нашего утверждения приведем несколько примеров.

Начнем с определения сущности прогресса искусства. При рассмотрении этой проблемы В. Ванслов в одном случае пишет, что сущностью прогресса в искусстве является художественное отображение тенденций исторического развития, в другом же — совершенно правильно отвергает принцип тождества художественного и общесторического, а также собственно идейного прогресса. Но там же впадает в другую крайность: защищает принцип абсолютного противоречия между общественным и художественным прогрессом, пытаясь при этом обосновать прогрессивность средневекового религиозного искусства.

Первое из этих положений, конечно, односторонне, так как отображение прогрессивных идей и тенденций исторического развития является лишь одной чертой прогресса искусства и — это главное — неспецифической. Во многих художественных произведениях среднего и даже низкого достоинства дано отображение этих тенденций. Но даже исключительное обилие подобных художественных творений ни в одном случае не знаменует собой прогресса в искусстве, т. е. сущность его, как это неоднократно отмечалось выше, состоит в едином проявлении целого комплекса специфических и общих черт, а не только в художественном выражении тенденций исторического развития или прогрессивных идей или в том или ином уровне собственно художественного мастерства.

В качестве одного из главных аргументов второго положения Ванслов ссылается на тот известный факт, что иногда прогрессивное народное движение выступает под религиозным знаменем, а распространение христианства выполняло прогрессивную роль и в развитии народной культуры. К этим, отмеченным В. Вансловым, историческим фактам можно добавить и то, что христианская религия выполнила большую роль в борьбе определенных народов, в частности трузинского народа против завоевателей. Но все это даже частично не может служить основанием для признания какой-либо разновидности средневекового искусства, в частности, и таких его разновидностей, как русская икона, картины ранних нидерландских живописцев и проникнутые религиозностью аналогичные художественные явления, выражением прогресса искусства.

Таким же односторонним и ошибочным является и следующий аргумент: хотя религия «в своей сущности всегда вредна и реакционна», но реальное содержание и народная сущность подлинно большого искусства «вступают с нею в противоречие»¹. Выдвигать это положение с такой категоричностью и в таком масштабе — значит уравнивать в этом отношении противоречивость средневекового религиозного искусства с характерными для творчества Вальзака и Толстого известными противоречиями. Это, конечно, было бы явной несуразностью.

Характерно, что тот же вопрос о прогрессивности средневекового религиозного искусства освещается названным исследователем и таким образом: «После античного искусства оно было прогрессивным как исторически, так и по тем новым открытиям и завоеваниям непреходящего значения, которые внесло в сокровищницу мировой культуры»². Еще более характерен и ошибочен в своей сущности вывод, предлагаемый автором в конце анализа данного вопроса: «Таким образом, в истории искусства, как и в истории общества, есть последовательность, единство, целостность»³.

Как видим, еще К. Марксом установленный принцип своеобразия прогресса искусства, который не раз упоминается и иногда правильно трактуется самим Вансловым в указанной работе, полностью снимается, он приносится в жертву признанию прогрессивности средневекового религиозного искусства, а также одинаковой последовательности прогресса искусства и общественно-исторического прогресса⁴.

¹ В. Ванслов, Прогресс в искусстве, с. 103.

² Там же, с. 53.

³ Там же, с. 54—55.

⁴ Главного аргумента Вансова в пользу прогрессивности средневекового религиозного искусства мы коснулись выше, при рассмотрении значения усовершенствования художественной техники.

Окончание следует

Встречи с Юрием Тыняновым

С ОРОК два года тому назад, в октябре тысяча девятьсот тридцать третьего, в Тбилиси впервые приехал выдающийся русский писатель, литературовед и критик Юрий Николаевич Тынянов.

Тициан Табидзе до того говорил мне, что беседовал обо мне с Юрием Николаевичем. Тынянов в тот период готовил к изданию пушкинское «Путешествие в Арзрум» со своими комментариями. И я как специалист в области истории кавказских войн в какой-то мере мог оказать ему помощь.

Ю. Н. Тынянов входил в состав той бригады русских писателей, которая приехала в Тбилиси для участия в подготовке Декады грузинской литературы в Москве. К тому же Юрий Николаевич являлся членом редколлегии, а затем главным редактором основанной Максимом Горьким серии «Библиотека поэта», в которой намечалось издать сборник грузинских поэтов-романтиков. В этом отношении я также должен был ему помочь.

В час дня в вестибюле нижнего этажа Дома писателей я встретился с Тицианом, и он сказал, что Тынянов здесь, наверху, и вот-вот должен спуститься.

Ю. Тынянова, ученого и писателя, я хорошо знал заочно, читал его романы «Кюхля» и «Смерть Вазир-Мухтара», рассказ «Подпоручик Киже» — эти шедевры современной русской исторической прозы, а его литературоведческие труды и критические статьи «Проблема стихотворного языка» (1924) и «Артисты и новаторы» (1929) изучил специально.

Сочинения обоих жанров с самого же начала снискали Ю. Тынянову репутацию блестящего писателя и методолога. Об этом хорошо сказал В. Шкловский, который писал: «Он был великим исследователем. Он был великим теоретиком, еще не понятым до конца».

Понятно, с каким нетерпением я ждал этой встречи.

Вот и он сам. Юрий Николаевич в сером костюме и с тростью в руках бодро спускается вниз по ступенькам деревянной лестницы. В грациозном покачивании тростью, во всем его облике угадывалось сознательное стремление к элегантности. Перед нами — среднего роста мужчина с красивым высоким лбом, черными как смоль волосами (говорят, благодаря им его сравнивали с Пушкиным), черными глазами и на редкость бледным лицом, за природным артистизмом и дисциплинированной сдержанностью которого ясно чувствовался в меру иронический ум. Юрий Тынянов при надобности прекрасно скрывал эту свою черту под маской рассеянности и индифферентности.

И тем не менее он с первых же минут знакомства очаровывал всех и вызывал симпатию окружающих.

— Думаю, наше знакомство будет полезным для нас обоих. Тициан уже говорил мне о вас! — сказал мне Ю. Тынянов, как только мы познакомились.

Я растерялся от такого обращения, ни слова не смог вымолвить в ответ.

* * *

Вначале я предложил Ю. Тынянову пойти в университетскую библиотеку, где хранилась доселе неизвестная рукопись одного из декабристов. Юри Николаевич весьма заинтересовался рукописью, и мы тотчас же отправились в университет.

Книгохранилище университета располагалось в нижнем этаже здания. В годы моего студенчества директором его был всемирно известный ученый профессор Григола Филимонович Церетели, один из кумиров нашего поколения, лектор Ю. Тынянова по Петербургскому университету. В 1933 году Григола Филимоновича вместе с Иванэ Джавахишвили перевели в Государственный музей истории Грузии.

Юрий Николаевич долго и кропотливо рассматривал рукопись, выписывал заинтересовавшие его места. Тут я должен признаться, что по сей день не имею никакого понятия о содержании этой рукописи.

На обратном пути мы сели в битком набитый трамвай (тогда он еще ходил по центральной улице города). Вдруг Ю. Тынянов схватился рукой за сердце и страшно побледнел. Оказывается, у него пропали часы.

— Единственная вещь, которая осталась у меня от матери, — огорченно проговорил он, но тотчас взял себя в руки. Никогда после за все время пребывания в Тбилиси он не обмолвился об этом столь его огорчившем факте.

— Жара... — сказал Юрий Николаевич после минутного молчания. — Мне трудно дышать... Сойдем. Пройдемся пешком...

Мы сошли с трамвая. Ю. Тынянов шел, словно и не случилось ничего неприятного, и спрашивал о каждом мало-мальски примечательном здании на проспекте Руставели, в то же время вспоминая некоторые интересные пассажи недавно прочитанной им рукописи.

В аллее перед Дворцом шпионеров нам встретился Ираклий Андроникашвили, давнишний его друг, у которого Ю. Тынянов и остановился в Тбилиси. Русский писатель восхищался личностью его отца, сверстника и товарища Иванэ Джавахишвили по Петербургскому университету, известного грузинского юриста Луарсаба Андроникашвили. Меня это не удивляло, поскольку, как и многие другие, я хорошо помню публичные выступления и лекции Л. Андроникашвили, человека редкой эрудиции, в совершенстве владевшего ораторским искусством и блестящим даром импровизации. Мне довелось и беседовать с ним. Однажды, вместе с Ю. Тыняновым, — в доме Андроникашвили на улице Данеладзе, а до того — у живущего на верхнем этаже того же дома профессора Александра Барамидзе.

* * *

И вот трое, Юрий Тынянов, Ираклий Андроникашвили и я, направились в Музей истории Грузии, чтобы повидать Григола Филимоновича Церетели. Встречу учителя с бывшим учеником я вкратце описал в своих опубликованных воспоминаниях о Г. Церетели.

Их впечатляющая беседа о Гете и Пушкине незабываема. К сожалению, восстановить ее дословно мне уже не по силам.

* * *

Мы с Юрием Николаевичем еще два раза ходили в музей осматривать различные экспонаты. Превосходное пояснение давал русскому писателю грузинский историк Леван Мусхелишвили.

В музее же мы познакомили Ю. Тынянова с Павле Ингорюкwa, который показал ему рукопись «Вепхисткаосани» с иллюстрациями неизвестного художника. На одной из миниатюр персонаж в персидском наряде выводил на свитке буквы.

— Иллюстратор рукописи — грузинский художник, — пояснил писателю П. Ингорюкwa. — Это видно из того, что нарисованный им якобы магометанин пишет слева направо, а не наоборот, как то следовало ожидать от персидского писца.

— Только наблюдательный палеограф мог заметить эту деталь, — сказал Тынянов, когда мы вышли из музея.

* * *

Примерно неделю спустя после приезда Ю. Н. Тынянова в Тбилиси в газете «Литература да хеловнеба» («Литература и искусство») (1933, 7 октября) мы напечатали небольшую заметку под заглавием «Юрий Тынянов», где между прочим, сообщали, что он останется в Тбилиси до 20 октября, и отмечали в заключение, что «писатель в настоящее время работает над большим беллетристическим романом о Пушкине...».

Ю. Тынянов, однако, остался в Тбилиси на более продолжительное время. Тициан Табидзе, оказывается, перевел писателю нашу заметку, и когда тот увидел напечатанный в газете свой портрет, заметил, улыбнувшись:

— И в русской прессе меня не балуют хорошими портретами. Когда я рассматриваю их, то кажусь себе почти уродом.

Это было не совсем верно. При жизни Ю. Тынянова в московских и ленинградских газетах и журналах не раз появлялись его довольно хорошие портреты.

Ю. Тынянов коротко, поджентльменски поблагодарил меня за приветствие в газете.

* * *

Мы встречались с ним днем. По вечерам он находился в квартире Андришавили или гостил у Тициана Табидзе, Николоза Шенгелая и Нато Вачнадзе, или еще, насколько я знаю, в семье профессора Г. Наненишвили... Грузинское общество словно оживило обычно замкнутого писателя.

«Я постепенно становлюсь тбилисцем, привыкаю к местной жаре», — говорил он шутя.

В нижнем этаже Дома писателей тогда находилась столовая. Мы почти ежедневно встречались там ровно в четыре часа пополудни.

Здесь я познакомил Юрия Николаевича с Галактионом Табидзе и Михаилом Джавахишвили. М. Джавахишвили подолгу беседовал с Ю. Тыняновым о проблемах исторического романа. Грузинский беллетрист восхвалял метод Вальтера Скотта. Ю. Тынянов не разделял его мнения, но М. Джавахишвили упорно продолжал стоять на своем.

Я тогда впервые заметил, насколько бескомпромиссным был Ю. Тынянов, когда кто-либо категорически начинал возражать ему, не соглашаясь с его взглядами. Автор «Смрти Вазир-Мухтара» развивал мысль, что между научной и исторической прозой постепенно стираются грани и что в новой исторической прозе традиционному импрессионизму противостоят документальная точность даже тогда, когда писатель не имеет под рукой соответствующего документа, а опирается только на свое творческое воображение. Автор исторической прозы обязан критически относиться к доселе будто бы неизблемым общепризнанным фактам, так как «исторический факт» — понятие сравнительное. Хорошо помню фразу Ю. Тынянова, что обязанность писателя показать не только перипетии взаимоотношений действующих лиц, происходящих на исторической сцене, но процесс их гримирования за этой сценой, в результате которого «исторические герои» предстают перед нами измененными. Одно из назначений новой исторической прозы не описание, а объяснение внутренних закономерностей явлений и развечивание так называемых «героев».

Все изложенное здесь лишь слабая копия блестяще высказанного теоретического положения Ю. Тынянова относительно своеобразия стиля и метода современной исторической прозы; по существу же он защищал кредо своего творчества.

Вместе с тем надо сказать, что во время устной полемики Ю. Тынянов не терял самообладания и всегда оставался сдержанным.

Познакомил я писателя и со своими друзьями, очарованными его романом «Кюхля».

* * *

Обычно мы с ним обедали, сидя вдвоем за столом, и беседовали. Длилось это примерно до 25 октября. Дни эти — незабываемы...

Ю. Тынянов избегал пить вино. И если пил, то два-три стакана. Гораздо позднее я узнал, что тяжкий неизлечимый недуг — рассеянный склероз — уже одолевал его, но в бытность в Тбилиси писатель не проявлял никаких при-

знаков болезни. Только бледность, которая так была ему к лицу, свидетельствовала, что у него со здоровьем неблагополучно.

Ему ни на минуту не изменяла поразительно ясная память. Говорить же о его колоссальной эрудиции — излишне. Я, молодой человек, с чувством стыда, даже некоторого страха смотрел на писателя, и он с редким тактом старался не дать мне почувствовать существовавшую между нами дистанцию.

— Коллега! Прогуляемся по городу! Что вы предложите посмотреть? — часто обращался он ко мне.

В подобном обращении («коллега») слышалась несколько «аристократическая» нотка, хотя я хорошо знал, что на почве безграничной любви к Пушкину Тынянов ненавидел всяческих аристократов и аристократию.

Он легко находил общий язык со всеми, в ком замечал искреннюю любовь и уважение к человеку, — с пожилым и молодым.

Мы выходили в город. Он шел энергично, размахивая тростью, погрузившись в свои мысли, или заговаривал о Тбилиси, который, думаю, наблюдал глазами Кюхельбекера и Пушкина.

Глубокое уважение к его памяти заставляет меня воздержаться от подробностей этих бесед; слишком много времени прошло с тех пор, чтобы быть точным. Главное, что запомнилось: он считал русскую классическую литературу одним из величайших феноменов в истории культуры человечества. Столь же глубоко верил Ю. Тынянов в великое настоящее и будущее этой литературы.

Во время одной из бесед он неожиданно с упреком на меня посмотрел и сказал:

— Тицианом и вами движет одно намерение: дать мне выпить, чтобы я стал болтливым. Я сейчас отплачу за это: до завтра вы не услышите от меня ни слова! — и тут же прибавил: — Хотя.. коллега, я и завтра выпью вашего прекрасного вина.

Он, не сказав ни единого слова, дошел до квартиры Андроникашвили. По существу Ю. Тынянов играл им же выдуманную роль и играл ее превосходно.

* * *

Некоторые мемуаристы отмечают, что он умел быть язвительным. Возможно. Я же остался очарованным бархатной мягкостью его характера. И не я один. Это свойство подметил в нем и Серго Клдиашвили.

Не помню хотя бы одной из наших встреч, когда бы Тынянов не заговорил о Пушкине. У меня осталось впечатление, что мысли о гениальном авторе «Медного всадника» не покидали его никогда, владели каждой минутой его жизни. Однажды вечером, когда мы гуляли по Комсомольской аллее, он блестяще прочитал «На холмах Грузии».

Позднее, в исследовании «Безымянная любовь», он назвал адресатом этого стихотворения супругу писателя и историка Карамзина. Гипотезу Ю. Тынянова разделяют не все пушкиноведаы, но его аргументация глубоко убедительна.

* * *

Говорил он и о своих учителях, в том числе — о лингвисте Бодуэне де Куртэнэ, о прозе Андрея Белого и Евгения Замятина, о гениальности Василия Розанова. Он восхищался Виктором Хлебниковым, любил Бориса Пастернака, высоко ценил творчество Анны Ахматовой..

Он по большей части был лаконичен и фрагментарен в оценке их творчества, о Викторе Шкловском же коротко заключил: Он — гениален!

Как-то он заметил, что, если бы воскрес Лев Толстой, В. Шкловский и с ним стал бы говорить в несколько ироническом тоне.

— Шкловский имеет на это право, другие — нет!

По всему было видно — Тынянов не только очень любил своего старшего друга, но и глубоко уважал его. Потому я не удивился, когда у одного из мемуаристов позднее прочел, что Шкловский у гроба Тынянова плакал навзрыд.

Из грузинских друзей Ю. Тынянов ближе всех был с Ираклием Андроникашвили, с которым сблизился еще в Ленинграде, и с Тицианом Табидзе.

* * *

В прозе Ю. Тынянова порой как бы между прочим отмеченная деталь основана на богатом документальном материале, но автор намеренно умалчивает об этом материале. К примеру, Грибоедову, несомненно, известен был факт, что отстраненный Николаем I от должности «кавказского проконсула» генерал

А. П. Ермолов в своем московском доме убивал время, занимаясь переплетением книг.

В «Смерти Вазир-Мухтара», описывая прощание А. С. Грибоедова с молодым, направляющимся из Петербурга на Кавказ, Ю. Тынянов «утрачивает» то, что Грибоедову хорошо должно было быть известно, и делает он это совершенно намеренно. Такое отношение писателя к историческому факту оправдано с художественной точки зрения.

Когда я спросил Тынянова, не вычитал ли он о «переплетной» Ермолова из труда историка Погодина, он ответил:

— Да! Но не только у Погодина! — удивленно на меня посмотрел, должно быть, потому, что я читал труд Погодина.

* * *

— Чем объяснить, что вы перевели сборник рассказов Жоржа Дюмаэля «Цивилизация»? — спросил я.

Тынянов снова удивленно взглянул на меня.

— Сборник напечатали в 1923 году. Просто это заказ издательства — ничего больше. Мне выплатили гонорар.

— А вам нравятся другие его произведения?

— Ни одно. Извините, я и не читал их, — ответил Ю. Тынянов.

* * *

В известном теоретическом труде Ю. Тынянова «Проблема стихотворного языка» (1924), по сей день в мировой научной литературе не имеющем себе равных среди исследований по семантике поэтического языка, автор упоминает труды Вундта, Пауля, Розвадовского, Розенштейна и других, посвященные проблемам значения слова. Ю. Тынянов называет также Мишеля Бреалья, известного французского археолога и семасиолога, часть из труда которого переведена на русский язык.

Лекции Бреалья в Лионе слушал некогда один из моих дядей, и, к слову, я рассказал Ю. Тынянову о впечатлениях моего родственника об этом его лекторе и по возможности передразнил Бреалья. Известно, что Ю. Тынянов сам был превосходным имитатором. Юрию Николаевичу понравился мой рассказ о Бреале. Сам он замечательно копировал своего старшего друга К. Чуковского. Однажды они вместе были в цирке, и Ю. Тынянов прекрасно передавал реакцию замечательного русского писателя при появлении на манеже клоунов и дрессированных животных Дурова, его жесты в окружении детворы во время антракта и даже тембр его голоса. Все это было передано с большим мастерством и вместе с тем с нескрываемой любовью к человеку, по просьбе которого и был написан роман «Кюхля».

Окончание следует

НАВСТРЕЧУ
XXV СЪЕЗДУ КПСС

ВО СЛАВУ ТРУДА И ТРУЖЕНИКОВ

ЗАМЕТКИ С ВЫСТАВКИ

КАК всегда грациозны, пленительно прекрасны сборщицы чая Ладо Гудиашвили. Не узнать их нельзя, они выполнены в присущей художнику манере. Все тот же изгиб стана, полет тонких пальцев, разлет бровей, полуулыбка лепестков пунцовых губ... Это — «Хелвачаурские чаеводы». Очарование их свежести, уверенного покоя всепобеждающей юности неотразимы...

Большой мастер заставляет нас любоваться ими. Труд, который они выполняют, для них естествен и любим. Потому трудятся они с такой легкостью и непринужденностью. И потому он красит их, делает такими привлекательными и одухотворенными.

Автор назвал свою акварель более чем просто и скромно — «Хелвачаурские чаеводы». Но это поистине вдохновенная песнь труду, облагораживающему человека. Это как бы лирическая записка всей выставке, ее украшение, ее жемчужина. Она не только доставляет нам огромное эстетическое наслаждение, но и обогащает глубиной философского осмысления темы труда, ставшей основной и определяющей в этом творческом отчете художников Грузии накануне XXV съезда КПСС, на завершающем этапе девятой пятилетки.

* * *

Сочная зелень благоухающих трав, знакомый и дорогой сердцу пейзаж с мягкими очертаниями гор вдаль и высоким небом над ними. Отары овец — в истоме летнего дня...

Картина Е. Ахвледiani «На Цихиджварских пастбищах» — один из фрагментов сегодняшнего дня нашей республики, вздыбленной напряженным трудом в преддверии очередного съезда нашей партии, на пороге новой пятилетки.

* * *

Две могучие, словно вросшие в землю фигуры в белых до пола фартуках. Сильные, натруженные руки сложены крестом. В суровых лицах — уверенность, удовлетворение труженика, честно выполнившего свое дело, и еще какая-то затаянная, извечная мудрость в глазах. Они внимательно смотрят на легковолосого мальчонку, в упоении юности воздевшего над головой плод их труда — солнечный круг грузинского хлеба.

Полотно Н. Игнатова «Грузинский хлеб» дает богатую пищу для размышлений. Здесь и тема труда для народа, и радость такого труда, и своеобразное осмысление понятия «хлеба насущного».

* * *

Труд осмысленный, плодотворный, приносящий пользу людям, как был он ни был тяжел, всегда радостен. И потому в работе Т. Самсонадзе «Есть гру-

знская нефть!» — перед нами крепкие, мускулистые фигуры нефтяников, увидевших результаты своих, видимо, долгих и трудных усилий. Нефть пошла! И на усталых лицах, в темных мазутных бликах — радость и удовлетворение победителей.

* * *

Напряженная сосредоточенность мысли на лицах, делающая их тонкими и красивыми. Тишина ожидания... Каков итог настойчивых многолетних поисков целого коллектива? Это «Физики на атомном реакторе» Р. Тордуа.

* * *

Будни стройки... Ее сложный ритм. Ее четкий графический профиль. Новые очертания индустриального пейзажа нашей республики. Все это точно схвачено и передано художником в серии картин «Строительство ИнгуриГЭС» (Г. Пипна).

* * *

«Индустриальный пейзаж», «Монтажники» (А. Сарчимелидзе), серия «Кутанский завод» (З. Дейсадзе), «Картины строительства» (С. Цинцадзе)... Эти и многие другие интересно решенные графические работы вносят все новые штрихи в индустриальный пейзаж Грузии, творимый руками труженников нашей республики. И этот рукотворный пейзаж все более властно завоевывает свои позиции не только в реальности, но и в творчестве грузинских художников.

* * *

Процесс труда. Плоды труда. Его традиционные виды. Трудовая новь. Ее бурные ритмы. И за этим можно проследить по экспонатам выставки, выполненным в разной манере, в несхожих аспектах, с разной степенью мастерства, но, как правило, в русле лучших национальных традиций грузинской изобразительной школы. И потому — перед нами не вообще труд, абстрактный труд, а труд именно грузинских рабочих, строителей, колхозников, ученых, артистов, художников, чьи живописные и скульптурные портреты привлекают стремлением раскрыть внутренний мир человека-труженика, человека-творца. Таковы, например, «Колхозница» Л. Шенгелия-Абашидзе и «Портрет научной сотрудницы» А. Гомартели.

* * *

Республика живет, трудится, строится. Она устремлена в грядущее. Ее сегодняшний день — это сгусток энергии сотен и тысяч людей труда и доброй воли. Об этом рассказывает нам выставка. Каждая картина здесь — как окно в мир нашей жизни, позволяющее лучше увидеть и понять ее сегодняшний пафос. Этот пафос получил своеобразную интерпретацию в серии Д. Нодиа «Слава труду», в плакате того же названия, открывающем выставку. Здесь же — скульптура Д. Урушадзе «В. И. Ленин», плакаты, в публицистическом плане реализующие тему XXV съезда КПСС и девятой пятилетки, которым и посвящена осенняя выставка работ художников Грузии.

* * *

Триста авторов — от самых заслуженных до самых молодых — представили на нее около четырехсот работ. Большинство из них датировано 1975 годом. Тема — труд. Да и сама выставка, названная «Слава труду!», итог работы большого отряда труженников резца и кисти нашей республики. Труд напряженный, поисков трудных. И даже если не все удалось и получилось, главное налицо — желание идти в ногу со временем, отвечать его требованиям, помогать своим творчеством в строительстве будущего.

Лия ТИХОНОВА

ПОИСКИ И УТВЕРЖДЕНИЕ

Имя Хохута Бгажба — филолога и критика — известно всем, хотя бы прикоснувшимся к абхазской литературе. Автор многочисленных книг, исследований и статей о письменности Абхазии, ее поэтах и прозаиках и их связях с братскими литературами, он — кропотливый исследователь, владеющий методикой современного исследования, и критик, умело определяющий основное и главное в современной литературе.

Новая книга Х. Бгажба «Этюды и исследования» (издательство «Алашара», Сухуми, 1974) — работа многожанровая, отражающая и область интересов ее автора, и многообразие жанров, близких ему.

Но прежде всего, перед нами книга человека, утверждающего определенные художественные, эстетические, этические принципы. И научно-публицистические очерки первого раздела «Дружба и взаимосвязи» подтверждают это. С интересом прочтет читатель статью о Горьком и Абхазии, о связях грузинских классиков И. Чавчавадзе и А. Церетели с народом Апсны, о связях с литовскими писателями и др.

В статьях критика новые материалы подкрепляют известные ранее — письма, полученные автором от А. Венцлова или П. Цвирки, архивные материалы, забытые публикации из местных газет. Все это звучит свежо и своевременно. Так, в письме к Х. Бгажба П. Цвирка писал: «... Рассказы тех товарищей, которые погостили в Абхазии, становятся постоянным широким масс Литвы через посредство печати и радио и помогут укрепить между нашими народами ту нерушимую дружбу, которую с такой большевистской теплотой проявили Вы по отношению к литовским писателям».

Входящие в этот раздел очерки о Н. С. Джанашиа и о Георгии Шервашидзе (Чачба) по существу раскрывают новые страницы истории абхазской культуры и ее связи с русской советской наукой, с Н. Я. Марром и другими учеными страны. Прибавляют новые черты к облику одного из друзей юности Маяковского — поэта Василия Каменского — заметки об одном из периодов творчества этого одержимого и своеобразного человека, прошедшего несколько лет в Сухуми и живо интересовавшегося жизнью окружающего его народа. Приводятся строки его стихов:

**Цветет, растет Страна Души
Весной Советовластья.
И никому не потушить
Раз завоеванного счастья!**

**Трудящихся стальная мысль
Слилась сегодня в праздник, —
Абхазия стремится высь!
Абхазия грядущим дразнит!**

В ином — строго академическом — жанре написаны материалы разделов, посвященных истории национальной письменности и топонимике Абхазии. Это исследования, которые поднимают важнейшие вопросы и истории, и этнографии, и лингвистики. Статьи «Из истории абхазского письма», «Об абхазских племенах и диалектах» и др., а к ним примыкают опубликованные в других разделах книги работы «Академик Н. Я. Марр и Бзыбский комитет» и «Об абхазской переводческой комиссии (1892 — 1921)» — очень значительны и щедры по вновь введенным в научный обиход материалам; они расширяют представления не только об истории самой Абхазии, но и влиянии деятелей русской, грузинской культуры, а также представителей других народов Советского Союза на судьбы ее культуры.

Новые страницы о Д. Гулия, о П. Гарая, о поэте Викторе Стражеве, увы, забытом, но в свое время связанном с культурой Абхазии, о советских писателях и поэтах — Л. Квициния, И. Папаскири, Ш. Цвижба и других — свидетельствуют о широте взглядов автора, о масштабе его знаний.

Разумеется, отдельные страницы способны вызвать спор, некоторые более интересны, другие — менее. Специальный вопрос о различных школах фольклористов, прикоснувшихся к нартскому эпосу, мог быть поставлен по-иному; не все тексты того же Василия Каменского следовало публиковать с такой широтой — среди них есть и просто слабые. Но все это — детали.

Книга Х. Бгажба — итоговая работа, показывающая большой труд учено-филолога, критика и публициста, неутомимого исследователя родной литературы в ее самобытности и в ее взаимосвязях с литературами братских народов.

Дж. МОЛДАВСКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ» ЗА 1975 ГОД

НАВСТРЕЧУ XXV СЪЕЗДУ КПСС

- БРЕГАДЗЕ Г. Ленинским путем побед и свершений, VI, 79.
КОЛХИДА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ, XII, 5;
С ДУМОЙ О ЗАВТРАШНЕМ ДНЕ... (Беседа с первым секретарем Руставского городского комитета Компартии Грузии тов. В. И. Кобахидзе), XI, 5.
ТИХОНОВА Л. Во славу труда и тружеников, XII, 90.

ПОЭЗИЯ

- АБАШИДЗЕ Г. Огненный смерч над буровой в тайге. Сказанное вдали от Грузии, VI, 5.
АБАШИДЗЕ И. Из цикла «Гимн жизни на земле», I, 5. Из неопубликованного. Монолог, обращенный к теням, X, 5.
АБШИЛАВА А. Монолог о стадионе и убийцах. Головокружение. Голубая Тещури, XI, 10.
АЛХАЗИШВИЛИ Г. Алазанская долина, Капля. «Деревья сбрасывают тени...», VI, 6.
АМИСУЛАШВИЛИ Ш. Награда. Солнце. Глядя миру в лицо. Жара, XII, 11.
БАРАТАШВИЛИ М. Бунтовщицы. Дни светлые, III, 6.
БЕРИАШВИЛИ Б. Война нас научила. Гость. Человек, что любит стихи. Как тихие пещеры, XII, 14.
БЕРИДЗЕ А. Из книги «По белому дыму». XI, 12.
БОБОХИДЗЕ К. Советской Грузии. Принимаю победный парад. Встань, восстань же, край Неруды! II, 6.
БОЛКВАДЗЕ З. Горячее сердце. Это было войной для меня! «Шел я недавно к друзьям...». Бабочка, IX, 5.
БУЛАВИНЦЕВ Ф. Памятник, I, 47.
ДЖАНГУЛАШВИЛИ Т. Дом Павлова, V, 42.
ДЖОНУА А. Глаза, V, 59.
ГОЦАДЗЕ И. Поэту, другу. Нине. Зной, III, 9.
ГРИЦКОВА И. Край любви моей. Риони, XI, 13.
КАЛАНДАДЗЕ А. Синеокая фиалка. «В сердце скал вы глядели украдкой?», «Шелест, шелест щавеля...». «Нислаური — сам туман ты...», III, 8.
КАЛАНДАДЗЕ Г. За право жить! V, 50.
КАРАМЯН М. Руку. Новый год! I, 39.
КАРМЕЛИ Ш. Когда то было? Джейраны на пейзажах. Автопортрет в профиль, IX, 7.
КАХИДЗЕ М. Лоза. Цицамури, III, 8.
КВЛИВИДЗЕ М. Два посвящения. Выходят замуж ангелы. Монолог ремесленника. «Пространство — расстояние до конца...». «То — в тишине волнения пора...». «Когда под вечер замыкают звенья», II, 7.
КИЛАСОНИИ Н. Грозная тема: Рабочий класс! III, 7.
КОРИНТЭЛИ К. «Ты носила рваные калоши...». «Есть у меня там сад...». Из цикла «Город мой», IV, 9.
МАРИДЖАН. Не умолк Пшавела... «Строки мои — дыханье мое...», III, 5.
МИНДАДЗЕ Б. Из цикла «Расцветайте, ликуйте!», X, 7.
МРЕВЛИШВИЛИ М. Сын земли. Полночь, III, 5.
НАДИРАДЗЕ К. В саду Дома писателей. Рождение стихотворения. «Я стихоплетам отдаю права...». «Остановите бег тревожный, думы...». Через сто лет. От Цицамури до Сагурамо, VII, 84.
НИШНИАНИДЗЕ Ш. Две даты, V, 35; Современнику, Симфония лозы. «Гнездо сверху не удержалось...». «Еще дитя, я был замечен...». «Зеленый холм перед горой...», VII, 5.
НОНЕШВИЛИ И. Счастье. Матери, сестре, жене любимой, VIII, 5.
ОНАНИЯ Г. Незвестным солдатам. Переходный возраст. Цирк. Взлетная полоса, VII, 7.
ПОЦХИШВИЛИ М. С Новым годом, с новым счастьем, мой народ! I, вторая страница обложки.
СЕРГЕЕВА И. Поэту. «И поезд вез тебя к границе...». «Принесу я сердце на руках...». «Пасись, мой конь, не опасайся...». «Прекрасна, как во сне...». «Ко-

мандует юность: по коням!..». «Стихи— это искры...». Пианистке. Дом гостеприимного хозяина. «Не плачь, Тбилиси, я вернусь!». IV, 8.

СТУРУА Л. «Я та же, десять лет не изменили...», III, 7.

СУЛАБЕРИДЗЕ Л. Равняться по Ленину! IV, 5; Гимн партии, V, 8.

ТАРКОВСКИЙ А. Дождь в Тбилиси. «Ты, что бабочкой черной и белой...». «Я боюсь, что слишком поздно...», IX, 6.

ТИХОНОВА Л. На вершине. К подвигу готова я... Ранним утром, IV, 10.

ХАЛВАШИ Ф. Спасибо Ленину! I, 5.

ЦХОВРЕБОВ В. Березка, V, 59.

ЧАРКВИАНИ Дж. Радуга моей земли, I, 6.

ЧИКОВАНИ С. Думы на Мтацминде, XII, 10.

ЧИЛАДЗЕ О. Раздумье. «Злой бог воспоминаний!». «Растаял год бесследной тенью...». Комната. «На перилах моего балкона...». «Всякая боль, как весенние воды...», VIII, 6.

ЧИЛАДЗЕ Т. Неизвестный солдат, V, 44.

ШАЛАМБЕРИДЗЕ О. Заказ. После дождя. Из самолета. Дороги. Время, XII, 13.

ШАНШИАШВИЛИ С. Сей добро! Песни — пословицы, II, 5.

ШЕНГЕЛИА А. Деревня в зеркале. Песня Палиашвили в Грузии, IV, 6.

ПРОЗА

АГЛАДЗЕ А. Хурджин, III, 54.

АДАМИА А. Большая и маленькая Екатерины, I, 9; II, 16; III, 10; IV, 27.

ГЕЛАШВИЛИ Г. Город теплого сердца — Тбилиси, X, 37; XI, 36.

ДРАКУЛ С. Белая долина, VII, 30; VIII, 36.

ДУМБАДЗЕ Н. Неблагодарный, II, 8; Солнце, IV, 42; Желание, VI, 32.

ЗАЛЫГИН С. Смирновский Родион Гаврилович (Глава из повести «Комиссия»), I, 22.

ИОСЕЛИАНИ О. В плену у пленников, X, 8; XI, 14; XII, 16.

КАЛАНДАДЗЕ А. Водоворот, IX, 19; X, 22; XI, 28; XII, 33.

КАРБЕЛАШВИЛИ Г. Товарищ? VI, 36.

КВИЦАРИДЗЕ Д. Памятники земли не обременяют, II, 31; III, 26; IV, 11; V, 13.

НАТРОШВИЛИ Т. Пробуждение, III, 41.

ОСИНСКИЙ В. Последний штрих, I, 48.

РЦХИЛАДЗЕ З. Двойной гонорар. Последний дом, VI, 49.

РЧЕУЛИШВИЛИ Г. Безмянный из Уплисхиче. Батарека Чинчараули, I, 40.

ТОРДУА В. Шесть осколков, V, 60.

ХАИНДРАВА Л. В сумерках, XII, 43.

ЧХЕИДЗЕ Б. Мухитские мастера, VII, 45.

ЧХЕИДЗЕ О. Тени, VI, 8; VII, 9; VIII, 8; IX, 9.

ОЧЕРК

ГАМКРЕЛИДЗЕ Т. Автозаводцы, I, 52; Ста смертям наперекор, V, 69, Большая руда Маднеули, VI, 56.

ДЕМУРХАНАШВИЛИ С. Бригадир с «Центролита», VII, 53.

КАДЖАЯ В. Ния-грузинская, XI, 45; XII, 51. (На строительстве БАМа).

МЕГРЕЛИШВИЛИ Р. Кузнец, X, 52.

МОСЕШВИЛИ Ю. Самый большой урок, II, 67.

РОСТОВЦЕВ Л. Увлеченные, IX, 39.

САНАДИРАДЗЕ Г. Крылатая муза науки... VIII, 52.

ЧИКОВАНИ Г. Сердце коммуниста, IV, 52; V, 76.

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

АБЗИАНИДЗЕ З. Мир поэта, VIII, 84.

АВАЛИАНИ Г. Братство, закаленное войной, II, 62.

АРВЕЛАДЗЕ Б. Светлые страницы, X, 85.

АРУТЮНОВ Л. Литературный процесс — в движении, X, 56.

АСАТИАНИ Г. Рыцарь грузинской поэзии XI, 66.

БАЛУАШВИЛИ В. «Грузия меня очаровала...», XI, 73.

БАРАМИДЗЕ Р. Превыше всего! IX, 58.

БЕСТАВАШВИЛИ А. «Поэзии физическая мощь...», IX, 52.

ВАРДОСАНИДЗЕ Г. Четкость позиций, актуальность проблематики, XII, 57;

ВГЛЯДЫВАЯСЬ В 70-е... На анкету «Литературной Грузии» отвечают литераторы: Г. Холопов, Б. Мейлах, А. Эльяшевич, В. Шошин, Г. Цурикова, Д. Молдавский.

ГВЕРДЦИТЕЛИ Г. По трудному пути, IV, 59; Он говорил о любви тихо и доверительно... IX, 46.

ГВЕТАДЗЕ М. Полдень, I, 62.

ГРИНБЕРГ И. Рядом, за горами... VI, 61.

ДЖИБУТИ В. Героическое дело требует героического слова, IV, 67.

ЖГЕНТИ Б. «Белые флаги» и их критики, II, 46.

ИМЕДАШВИЛИ К. Пафос утверждения личности, I, 57.

КАЙТУКОВ М. Жизненные истоки революции, III, 69.

КАЛАНДАДЗЕ Г. Первозданный цвет слова, III, 58.

МАРГВЕЛАШВИЛИ Г. Верность времени — верность себе, VIII, 71.

МИШВЕЛАДЗЕ Р. Оптимистические ожидания, VII, 56; VIII, 58.

РОСТОВЦЕВА И. Открытая лаборатория жанра, VIII, 67.

ЦИСКАРИДЗЕ В. На подступах к главному герою, XI, 50.
ЦИЦИШВИЛИ Г. Дорогой правды, II, 54; III, 62; Вторгаясь в день сегодняшний, VI, 65.

К 70-летию со дня рождения Михаила Александровича Шолохова

АБАШИДЗЕ Г. Многие лета! V, 85.
АБАШИДЗЕ И. Наш Шолохов, VI, 84.
ДЖИБЛАДЗЕ Г. Подвиг народа сквозь призму одной судьбы, V, 86.
ЛЕТОПИСЕЦ НАРОДНЫЙ, V, 84.
ТУХАРЕЛИ З. Переводя, популяризируя, изучая... V, 92.

ПУБЛИЦИСТИКА

КЕЛЕНДЖЕРИДЗЕ А. Выполняя интернациональный долг, XI, 78.
МАИСУРАДЗЕ Д. К новым высотам культуры, IV, 77.
ХОМУТОВ В. Вечная вахта «Авроры», XI, 85.
ЦЕРЕТЕЛИ Н. Новое агентство — новые задачи, II, 76.
ЭБАНОИДЗЕ Л. В первой шеренге борцов, XII, 68.

30 ЛЕТ ПОБЕДЫ

ВОРКОВ С. Сердце помнит, V, 64.
ГОЛОВАСТИКОВ М. Дети Победы, IV, 56.
ДЖАПАРИДЗЕ Р. Слово их было делом, V, 10.
ДУРМИШИДЗЕ С. Стихотворение, ставшее народным, V, 43.
ЗАРЕЛУА В. Бессмертие героя, V, 36.
ЗИНИНА В. «Была в Берлине...», V, 82.
ЗЛАТКИН М. Книгу, брошюру, листовку — фронту! V, 54.
КВАРЕЛАШВИЛИ М. Искусство на боевом посту, V, 71.
КОРКИА Р. Тот памятный день, V, 73.
НАТРОШВИЛИ Г. Священный долг, V, 39.
ХНЕУПЕК Б. Во имя жизни и свободы, V, 45.
ХОМУТОВ В. Лазоревым утром Победы, V, 51.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЭСТЕТИКИ

ДУДУЧАВА М. Проблема прогресса искусства, X, 66; XI, 89; XII, 81.
ЗАВЕРИН М. Когда поэт с поэтом говорит (о проблемах перевода), I, 82; II, 80; III, 74.
ПИСКУНОВ В. Эстетическая активность искусства, VI, 87.
СИРАДЗЕ Р. Развитие древнегрузинской эстетической мысли (V—XVIII века), IV, 87; VII, 74.
ШАРИА П. К критике иррационалистического понимания природы художественного творчества, IX, 72.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ

АСАТИАНИ Н. Страницы истории грузинских взаимоотношений, VII, 75.
БАЛУАШВИЛИ В. Друг грузинской литературы, IV, 70.
БОГОМОЛОВ И. Певец «нескончаемой жизни» (Грузия в стихотворениях Павла Антокольского), XI, 55.
ГАЧЕЧИЛАДЗЕ А. Мост связующий, VI, 78.
ГВЕНЕТАДЗЕ Г. Истоки глубоких познаний, XII, 62;
ТЕРЯН В. Акакий Церетели в Москве, I, 67.
ХОТИВАРИ А. Популяризатор немецкой литературы, IX, 85.
ХУЦИШВИЛИ С. Поборник братства, VII, 80.
ШАДУРИ В. Идеальная общность, близость творческих принципов, XII, 74;

ИСКУССТВО

ДЕМИРХАНОВА Г. Исследователь прекрасного, II, 72.
ДОЛИДЗЕ Д. Развитие средневековых светских жанров рондо, вирелэ и баллады, VII, 87.
ПИЧХАДЗЕ М. Многогранность таланта, X, 80.
РАТИАНИ З. Тепло рук человеческих, I, 75.
ТАВАДЗЕ О. Сложный мир художника, VII, 94.
ТАТИШВИЛИ Л. Добрая кисть художницы, III, 61.

ВСТРЕЧИ И ВОСПОМИНАНИЯ

ГАЦЕРЕЛИА А. Встречи с Юрием Тыняновым, XII, 85;
ДУРМИШИДЗЕ С. Трубадур Тбилиси, X, 77.
НАДИРАДЗЕ К. Друг, которого не забыть... IX, 8.
ПОКРОВСКИЙ В. Пари, I, 87.
РУБИНШТЕЙН Л. Заря Светлова, II, 85.
ХВЕДОРОВИЧ М. Сплав драгоценный, IX, 64.
ЦЕРЕТЕЛИ К. Жизнь, отданная науке, VIII, 8.

НАУКА

КАУХЧИШВИЛИ С. Свидетельствует Географий, I, 89.
НА УРОВЕНЬ СОВРЕМЕННЫХ ЗАДАЧ, IV, 82.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

БУЛГАКОВ М. Необыкновенные приключения доктора, II, 40. (Публикация и комментарий Чеботаревой В.)
ТУРНАВА С. Анри Барбюс о Ленине, IV, 50.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

- БЕНАШВИЛИ Г. Поэзии высокое служенье
(К 80-летию Колау Надирадзе), VII,
82.
- МЕРКВИЛАДЗЕ Г. Исследователь совет-
ской литературы (К 60-летию Г. Ло-
мидзе), III, 83.

В МИРЕ КНИГ

- ГАФУРОВА Г. Сложнейшие проблемы —
доступно, популярно, IV, 75.
- ГОЗАЛИШВИЛИ Ш. Книга, где все так
знакомо и близко, VIII, 92.
- ДОБОРДЖИНИДЗЕ Б., РЕХВИАШВИ-
ЛИ Н. • На высоком теоретическом
уровне, VIII, 90.
- ДОБРОДЕЕВА Л. Верность профессии,
X, 93.
- КНИГИ О БЕССМЕРТНОМ ПОДВИГЕ
НАРОДА, III, 91.
- КНИЖНЫЕ НОВИНКИ, IX, 95.
- КОБАХИДЗЕ Д. Жанровая характери-
стика литературных памятников, IX, 93.
- КОНДРАШИН В. Стихи поэта, прошедше-
го войну, VII, 96.
- МОЛДАВСКИЙ Дм. Стихи спускаются с
гор, III, 85; Поиски и утверждение,
XII, 92.
- НЕДОШИВИН Г. «Теоретические пробле-
мы изобразительного искусства», II, 93.
- РЕВИШВИЛИ Ш. Вклад в марксистское
литературоведение, I, 90.
- РОЗЕНТАЛЬ Д. Исследования стиля писа-
телей, I, 94.
- РОСТОВЦЕВ Л. Повесть о пламенном ко-
миссаре, X, 92.
- СЕРЕБРЯКОВ С. Плодотворным путем
типологического анализа, III, 87.
- ТИТМЕРИЯ Дж. Ценою жизни, XI, 94.

- ХИХАДЗЕ Л. Тема Кавказа в творчестве
Пушкина, IX, 90.
- ШЕТЕКАУРИ Г. Грузинские предания и
легенды — на русском языке, I, 92.
- ЭРАДЗЕ Л. О дружбе давней, нерасторжи-
мой... VI, 92.

Памяти Константина Гамсахурдиа

- АБАШИДЗЕ Г. Навеки в памяти, IX, 83.
- АБАШИДЗЕ И. Благодарность потомков,
IX, 83.
- ДЖИБЛАДЗЕ Г. Большой художник, IX,
83.
- КЛДИАШВИЛИ С. Тяжелая, невосполни-
мая утрата, IX, 84.
- МАГРАДЗЕ Э. Властитель дум, IX, 84.
- НАТРОШВИЛИ Г. Прощальное слово,
IX, 84.

Памяти Алеко Шенгелиа

- АЛЕКО ШЕНГЕЛИА, VI, 95.
- ФЕЙГИН Э. О прозе поэта, VI, 95.

Памяти Александра Цыбулевского, VIII, 95.

ХРОНИКА

- Братство литератур, творческое единение
(Дни советской литературы в Грузии),
VI, 94.
- Грузинским поэтам, V, 81.

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

- АМАШУКЕЛИ Э. Письмо в редакцию,
III, 93.

Сдано в производство 20 октября 1975 г. Подписано к печати 18 декабря 1975 г.
6 печ. листов, усл. листов 8,4. Формат бумаги 80×108¹/₁₆.

33-1975

75-189

ბერძენული
ბიბლიოთეკა

Цена 40 коп.

ИНДЕКС
76117

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ

საქ. კპ ცკ-ის გამომცემლობა